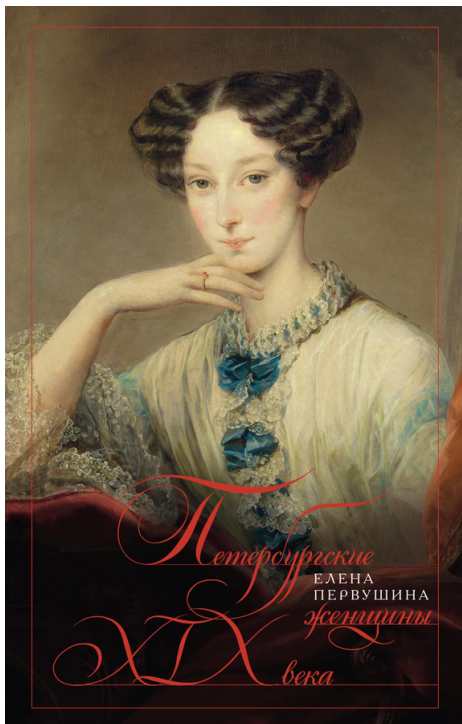

Елена Первушина

Петербургские женщины XIX века

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6089343

*Елена Первушина. Петербургские женщины XIX века: Центрполиграф; Москва; 2013
ISBN 978-5-227-04406-8*

Аннотация

Первая книга Елены Первушиной вышла под названием «Петербургские женщины XVIII века». Перед вами вторая книга, которая рассказывает о судьбах жительниц Северной столицы в конце XIX – начале XX века. В это время в России назрел кризис, жить по-старому было уже нельзя. В политической борьбе женщины нашли ответ на «женский вопрос» XIX века. Они завоевали права, получили возможность строить свою жизнь по собственному выбору. Но тут же перед ними встал новый вопрос: как женщины могут преобразовать общество, сделав его более справедливым и комфортным для себя и для мужчин? Искать ответ на него пришлось уже женщинам XX века...

В книге приводится множество цитат, как правило, из малоизвестных и совсем незнакомых читателю произведений. Это не только мемуары и документы, но и художественные произведения, в которых авторы (нередко авторы-женщины) выражали свое отношение к тем или иным событиям, явлениям и проблемам общественной жизни.

Содержание

Автор читателю	5
Вместо предисловия	6
Семейство Романовых	14
Главная семья России	14
Великие княжны	19
Рождение	19
Воспитание	22
Светская жизнь	32
Развлечения	37
Замужество	44
Великие княгини	55
Императрицы	72
Фрейлины	80
Итермедия 1. История одной жизни Придворных витязей гроза	89
Жизнь дворянки	97
Происхождение	97
Законы	97
На страницах книг	102
Взросление девочки	108
Рождение	108
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Елена Первушина

Петербургские женщины XIX века

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Автор читателю

Перед тем, как уважаемый читатель обратится к тексту книги, хочу его кое о чем предупредить.

Книга называется «Петербургские женщины. XIX век», однако в ней будет немало сказано и о XX веке. Дело в том, что границы исторических периодов часто не совпадают с формальными границами веков. В частности, для русской истории XIX-XX века более логично провести рубеж в пределах 1917 года, когда вся общественная система Российской империи была сломана. Поэтому большинство историй, связанных с концом XIX века, в моей книге заканчиваются в 1917 году, то есть захватывают и начало XX века.

В книге приводится множество цитат, как правило, из малоизвестных и совсем незнакомых читателю произведений. Это не только мемуары и документы, но и художественные произведения, в которых авторы (нередко авторы-женщины) выражали свое отношение к тем или иным событиям, явлениям и проблемам общественной жизни. На мой взгляд, эти цитаты гораздо лучше выражают «дух эпохи», нюансы чувств и отношений, чем их пересказ нашими современниками. Я хотела дать возможность женщинам XIX века говорить с вами напрямую, минуя фильтры мышления XXI века. Однако это решение повлекло за собой некоторые издержки. В частности, написание и толкование некоторых терминов и слов в произведениях и высказываниях авторов может различаться.

Вместо предисловия

Счастливая женщина и женское счастье

В 1807 году французская писательница Жермена де Сталь издала свой второй роман «Коринна, или Италия», который вызвал бурные обсуждения во всей образованной Европе, читавшей по-французски без словаря.

«Коринна» посвящена женскому вопросу именно в той его постановке, что была актуальна в начале XIX века: «Как может существовать женщина, интеллектом и талантом равная мужчине?» Не «как она может возникнуть?» – это человечеству рассказали просветители XVIII века, а «как она сможет выжить и вписаться в современное общество?»

Героиня романа Коринна как раз такая особенная женщина. Полуангличанка-полуитальянка, она обладает итальянским художественным вкусом, развитым, как у титанов Возрождения, британским интеллектом, равным интеллекту Бэкона и Томаса Мора, и уникальным поэтическим талантом. Она женщина свободных нравов и одновременно безупречной нравственности. Не будучи замужем, она не чуждается мужчин, восхищенных ее умом и талантом, и собирает щедрую дань восторгов, не переходя при этом в общении с мужчинами границ интеллектуальной дружбы.

Роман начинается с того, что восхищенные талантом Коринны итальянцы на развалинах Капитолия венчают ее чело лавровым венком. За этим ритуалом наблюдает лорд Освальд Нельвиль и тут же влюбляется в Коринну. Больше всего его пленяет, что Коринна при всех своих «мужских» достоинствах остается прекрасной и скромной женщиной.

«В глубине огромного зала ждал сенатор, который должен был возложить на Коринну лавровый венок, рядом с ним стояли старейшие сенаторы-хранители; по одну сторону зала расположились кардиналы и самые знатные дамы Италии, по другую – писатели, члены Римской Академии; в противоположном конце зала теснился народ, сопровождавший Коринну Кресло, предназначенное для нее, было поставлено на одну ступень ниже, чем кресло сенатора. Прежде чем сесть, Коринна должна была, по принятому обычаю, взойти на первую ступень и опуститься перед лицом всего высокого собрания на одно колено. Она это сделала с таким благородством и скромностью, с такой мягкостью и достоинством, что у лорда Нельвиля на глаза навернулись слезы; он сам подивился своей чувствительности, но ему почудилось, что окруженная почетом и блеском Коринна молит взглядом о помощи, о помощи друга, без чего не может обойтись ни одна женщина, как бы высоко ни вознесла ее судьба; он подумал о том, как было бы сладостно служить опорой той, которая нуждается в защите лишь потому, что от природы она нежна и добра».

Коринна умеет элегантно и изящно признать власть любимого мужчины над собой, как она это делает, исполняя народный танец на балу.

«В неаполитанском танце есть момент, когда дама опускается на колени, а кавалер кружится над нею и не только как господин, но и как победитель. Как была хороша, как была величава в это мгновение Коринна! Как царственна была она коленопреклоненная! И когда она вскочила и ударила в свой легкий кимвал (античный музыкальный инструмент, представляющий собой небольшую бронзовую тарелку, посреди которой прикреплялся ремень или веревка для надевания на правую руку. Кимвал ударяли о другой кимвал, надетый на левую руку – *Е. П.*), то казалось, что ей, упоенной радостью жизни, молодостью и красотой, никто не был нужен для полноты счастья. Но, увы! Это было не так! Однако Освальд этого боялся и испускал вздохи, любясь Коринной, словно успех ее их разлучил. В конце танца уже кавалер падает на колени, а дама танцует вокруг него. Коринна в это мгновение превзошла самое себя: она так легко кружилась, что ее ножки в тонких башмачках летали по полу

с быстротою молнии; а когда она одною рукой потрясала тамбурином над головой, а другою – сделала знак графу д'Амальфи подняться, все мужчины были готовы броситься, подобно ему, перед ней на колени».

Но лорд Нельвиль понимает, что это «признание» – всего лишь иллюзия. На самом деле дух Коринны, ее гений свободны, ими нельзя обладать, даже будучи ее любовником или мужем.

«Он убедился, как велико и неоспоримо ее истинное превосходство над общепринятыми нормами морали. Но он хорошо понимал также, что Коринна не слабая и робкая женщина, которую смущает все, что выходит за пределы ее семейных привязанностей и семейного долга, одним словом, совсем не та женщина, какую он мысленно избрал себе в подруги жизни; к этому идеалу скорее приближался образ двенадцатилетней Люсиль, но кто же мог сравниться с Коринной? Можно ли применять обычные законы к женщине, одаренной столькими достоинствами, талантом и тонкой чувствительностью? Коринна, конечно, была чудом природы, но разве не было чудом то, что подобная женщина остановила свое внимание на нем? И каково же ее настоящее имя? каково ее прошлое? на что решится она, когда он признается ей в своем желании навек соединить свою судьбу с ее судьбой? Все это тонуло во мраке неизвестности, и, хотя Освальд, увлеченный Коринной, готов был жениться на ней, мысль о том, что жизнь ее не во всем была безупречной и отец его, безусловно, осудил бы этот брак, снова приводила его в смятение и погружала в мучительную тревогу».

Конец предсказуем: после четырехсот страниц метаний Освальд все же выбирает добродетельную Люсиль (которая оказывается младшей сестрой Коринны) и сочетается с ней законным браком, а Коринна умирает в Италии от любовной тоски. Невозможность «простого женского счастья» для нее так же невыносима, как для обычной женщины, не блещущей умом и талантами.

* * *

В 1812 году мадам де Сталь побывала в России, захваченной наполеоновскими войсками, и написала о своих впечатлениях в книге «Десять лет изгнания». Эти мемуары были не слишком доброжелательно встречены в России, так как их сочли недостаточно комплиментарными. Анонимный рецензент из «Сына Отечества» упрекал француженку в «ветреном легкомыслии, отсутствии наблюдательности и совершенном неведении местности» и писал, что «робкая душа нашей барыни» не позволила ей узнать суровые прелести России. Анонима одернул А.С. Пушкин, написав: «О сей барыне должно было говорить языком вежливым образованного человека. Эту барыню удостоил Наполеон гонения, монархи доверенности, Байрон своей дружбы, Европа своего уважения, а г. А.М. журнальной статейки не весьма острой и весьма неприличной. Уважен хочешь быть, умей других уважить». Как отметил поэт, «взгляд быстрый и проницательный, замечания разительные по своей новостности и истине, благодарность и доброжелательство, водившие пером сочинительницы, – все приносит честь уму и чувствам необыкновенной женщины».

Пушкин знал, о чем говорил: проза мадам де Сталь быстро завоевала популярность в России. Приятельницу поэта Зинаиду Волконскую, хозяйку одного из литературных салонов, в знак уважения к ее талантам прозвали «северной Коринной». И она была не единственной русской женщиной, удостоившейся этого имени.

* * *

В середине XIX века, а точнее в 1848 году, еще одна русская поэтесса написала:

Вы ожидали, что Коринной
Я вдохновенной вам явлюсь,
И вечной песнью, песнью длинной
Назло ушам вооружусь.
Вы думали, – своею славой
Гордится женщина-поэт,
И горькой, гибельной отравы
В ее блестящей чаше нет?
Вы думали, что стих мой страстный
Легко, шутя достался мне,
И что не куплен он в борьбе,
Борьбе мучительной, ужасной?
Вы думали – от жизни много
Улыбок насчитала я?
О дети, дети!.. Слава богу,
Что вы не поняли меня!..
Нет, – не Коринна перед вами
С ее торжественным венцом,
А сердце, полное слезами,
Кому страданья мир знаком!

Эти строки принадлежат перу Евдокии Ростопчиной. Она родилась и жила в XIX столетии – золотом веке русской культуры. Она принадлежала к высшему слою русской аристократии. В ее жизни были и слава, и большая любовь – пусть недолгая. Ей посвятил стихи Лермонтов. Она получила в дар от Жуковского тетрадь Пушкина с таким напутствием: «Посылаю вам, Графиня, на память книгу, которая может иметь для Вас некоторую цену. Она принадлежала Пушкину; он приготовил ее для новых своих стихов и не успел написать ни одного; мне она досталась из рук смерти, я начал ее; то, что в ней найдете, не напечатано нигде. Вы дополните и dokonчите эту книгу его. Она теперь достигла настоящего своего назначения». Она была долгие годы своеобразным эталоном «новой женщины» – не светской пустышкой, не записной кокеткой, а образованной женщиной, поэтессой, хозяйкой литературного салона.

Но была ли она счастлива?

Евдокия Ростопчина – светская дама по праву рождения и писатель по призванию – всю свою жизнь пыталась найти равновесие между двумя этими ролями.

Она унаследовала поэтический талант по отцовской линии: ее бабка по отцу Мария Васильевна Сушкова была переводчиком «Потерянного рая» Джона Мильтона, дядя и отец писали стихи. Однако Евдокия Сушкова воспитывалась в семье Пашковых – деда и бабки по матери – светских людей, ставивших превыше всего хороший тон и в связи с этим подозрительно относившихся к изящной словесности, заражавшей девушек непозволительными мечтаниями.

Она получила классическое образование светской девушки: закон Божий, русский, французский и немецкий языки, рисование, игра на фортепиано, танцы. К тому же, чтобы расширить свой круг чтения, Евдокия самостоятельно выучила английский и итальянский.

Е. Ростопчина

Свои первые стихи она опубликовала в 17 лет за подписью «Д....а». А в 21 год, выходя замуж, Евдокии пришлось выдержать тягостную сцену – бабушка заставляла ее поклясться на образе, что она откажется от сочинительства, так как такое занятие не подобает дворянке. Евдокия обещания не дала, а наоборот, выйдя замуж, стала активно печататься в московских и петербургских журналах. Ее стихи заслужили благосклонное внимание критиков, с ней знакомятся А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, В.А. Соллогуб. Но Евдокия снова скрыла свое авторство под псевдонимом.

Только через девять лет после первой тайной публикации она решилась напечатать стихи под собственным именем. Книгу похвалил В.Г. Белинский, однако попенял автору за то, что ее талант не нашел «более обширную и более достойную сферу, чем салон».

* * *

Еще шесть лет спустя Евдокия Ростопчина сделала первый шаг за пределы «салона». В «Северной пчеле» была опубликована ее баллада «Насильный брак» – политическая сатира, посвященная политике Российской империи в отношении Польши.

Замечательно, что в этом стихотворении поэтесса отстаивает честь и достоинство поработенной земли устами женщины:

Раба ли я или подруга —
То знает Бог!.. Я ль избрала
Себе жестокого супруга?
Сама ли клятву я дала?..
Жила я вольно и счастливо,
Свою любила волю я;

Но победил, пленил меня
Соседей злых набег хищливый.
Я предана, я продана —
Я узница, я не жена!

....

Он говорить мне запрещает
На языке моем родном,
Знаменоваться мне мешает
Моим наследственным гербом;
Не смею перед ним гордиться
Старинным именем моим
И предков храмам вековым,
Как предки славные, молиться...
Иной устав принуждена
Принять несчастная жена.

Послал он в ссылку, в заточенье
Всех верных, лучших слуг моих;
Меня же предал притесненью
Рабов – лазутчиков своих.
Позор, гоненье и неволю
Мне в брачный дар приносит он —
И мне ли ропот запрещен?
Еще ль, терпя такую долю,
Таить от всех ее должна
Насильно взятая жена?..

Стихотворение вновь было опубликовано без подписи, но читатели легко угадали автора. Многие, однако, полагали, что на самом деле Ростопчина имела в виду собственные отношения с мужем. Цензура, однако, придерживалась первой версии, и поэтесса попала в опалу – ей запретили въезд в Петербург. Супруги поселились в Москве.

Ростопчина вновь пытается быть одновременно и поэтом, и светской дамой. Она организует собственный литературный салон. Среди ее гостей – Ф.Н. Глинка, С.А. Соболевский, А.Ф. Вельтман, автор причудливых романтических повестей и бытовых романов; «молодые литераторы» – А.Н. Островский, Л.А. Мей, А.Н. Майков. На приемах у Ростопчиной бывает Л.Н. Толстой. Но большинство гостей на вечерах скучали, особенно когда хозяйка читала собственные произведения, и не стеснялись позже рассказывать об этой «смертельной скуке» в своих письмах и мемуарах. Откровения женской души вызывали зевоту у литературной молодежи. А публицисты нового времени Н.П. Огарев, Н.Г. Чернышевский и В.Г. Добролюбов обрушивались на произведения Ростопчиной с сокрушительной критикой. Эту особенность, бывшую для Белинского лишь понятной слабостью, Чернышевский и Добролюбов расценивали как непростительную близорукость. А зря.

Чего у Ростопчиной было не отнять, так это того, что она была честна перед собой и читателями – что видела, о том и пела. Она видела, как светская фальшь и лицемерие уродуют женские характеры и женские судьбы, и гневно обрушивалась на светское общество. Она открыто провозглашала право женщины любить того, кого выбрало ее сердце, а не того, с кем ее сочетали законным браком родители, прежде чем она успела что-то почувствовать. У нее была своя маленькая война – вой на за право женщины быть счастливой. И очень жаль, если умные и талантливые мужчины, окружавшие ее, соглашались с предрассудками

своего века и наперебой твердили, что право женщины быть собой, ее право на счастье – это «смертельно скучные» материи, интересные разве только салонным барышням. Понадобились талант и авторитет Льва Толстого, чтобы эти темы вновь зазвучали в полную силу в «Анне Карениной». Однако Толстой бросает на трагедию Анны мужской взгляд – снисходительный и все же осуждающий. Ростопчина же в повести «Поединок» и в романе «Счастливая женщина» показывает адюльтер глазами женщины и утверждает нравственное превосходство любви и искренности над светскими условностями.

И снова, как это ни смешно, цензура оказалась прозорливее: роман Евдокии Ростопчиной «Счастливая женщина» преодолевал ее с большим трудом, понадобилось вмешательство Л.А. Мея, чтобы его напечатали.

* * *

Идеальная женщина в представлении Ростопчиной достаточно традиционна: это именно Женщина, существо чувствительное, возвышенное, мечтательное и надежно оторванное от грубой реальности.

«Да, по книгам можно и должно судить о читателе. И потому мне всегда дико, жалко и больно, когда я вижу молодых женщин нашего времени, читающих усердно и жадно – Поль де Кока! И только одного Поль де Кока, или, пожалуй, еще бойкие вымыслы Евгения Сю, Сулье, молодого Дюма... да Диккенса – этого представителя реализма, то есть осуществления в лицах всех пошлостей и ничтожностей дюжинного человека – Диккенса, талантливого и добросовестного, но заблуждающегося коновода целых сотен бездарных производителей так называемой новейшей мещанской литературы, – литературы, имеющей целью не возвышать мысль и не воспламенять душу к служению высокому и прекрасному, а единственно выводить под самыми яркими красками все обыденное, всякому понятное и знакомое, – писала Евдокия Ростопчина в романе „Счастливая женщина“. – По несчастью, это противозстетическое направление достигло теперь величайшего развития и, как зараза, овладело вкусом нового поколения. Но каково же слышать похвалы ему между женщинами, прежде стражами божественного огня поэзии и красоты! Это производит такое же впечатление, как вид молодой, прелестной девушки, срисовывающей, потупя глазки, с примерною рачительностью и тщательностью Поль-Поттерову корову. Вообще положительность и натуральность мне кажутся не принадлежностью женщины...»

Однако, если «положительная» читательница мещанской литературы далека от идеала, то не менее далека от него и светская кокетка. С воспитанием светской барышни Ростопчина знакома не понаслышке и не питает по его поводу никаких иллюзий.

«Вообще у светских людей и в светских семействах, воспитывая девушек, только стараются развить их для света, а не для них самих, только хлопочут об одном внешнем усовершенствовании их, придают им тот блестящий и все сглаживающий лоск светскости, который должен выказать их в наилучшем виде. Таланты, осанка, поступь, наружная изящность обращения, заученная наперед стыдливость – вот что у слишком многочисленных родителей почитается главными условиями модной девушки, высоко поставленной в обществе женщины, высшею степенью совершенства и достоинства. Для этих блестящих качеств мотыльковской натуры, для этой раззолоченной пыли, стряхиваемой в глаза людям с легких крыльев великосветской бабочки, слишком часто жертвуется всем внутренним, глубоким, нужным и спасительным. Где преподают девушке прямую и грустную науку жизни? Где готовят ее к борьбе, к испытанию, к душевному изнеможению, слишком часто ожидающим ее на житейском поприще? Где твердые основы всякого воспитания – учение горьких и глубоких истин жизни, стойкость убеждений и самопожертвование, внушаемое заранее ради веры и христианского самоотречения?.. Где, наконец, истолкование о долге, об обязанностях, о всех

тяжких, но неизбежных тайнах, ожидающих женщину на ее земном пути, – и для которых ей нужно бы запастись такою теплою верою, таким сильным чувством строгого долга, таким терпением и такою твердостью?

Нет, этого обыкновенно не имеют в виду в светском воспитании, в развитии дочерей и девушек тех семейств, которые живут и вращаются в мелочах и суетах не общественной, а общепринятой светской жизни! Но зато обычай, тон, приличие, все условное, все принятое имеют между ними силу закона и до известной степени, покуда... до слишком потрясающего столкновения женщины с искушениями и трудностями жизни, заменяют ей все то, что не дало ей ложно направленное ее воспитание, все то, чего недостает в ее уме, в ее душе для защиты и ограждения ее...

...китайцы, понимая и зная натуру своих женщин и боясь не уметь обуздать их, вздумали назвать красотою недоразвитие женских ног – и придумали целую систему отвратительных мер и жестоких мучений, чтобы умалить, изуродовать эти бедные ноги и тем приковать вернее и прочнее, чем цепями, целые поколения хромым жен к их домашней, безвыходной, недвижной жизни. У нас, европейцев, не ноги с детства умалены и стеснены в неумолимых колодках, а умы женщин и понятия их вырабатываются и ограничиваются по известной форме, упрочивающей потом на всю жизнь неумолимость моральную и заключение души в пределах, ей назначенных. Оно вернее!.. так просвещенные народы употребляют мало-помалу составленный кодекс утеснительных понятий и условий, который и раздается преимущественно женщинам высшего круга и, если он принят и соблюден в точности, приготавливает их как нельзя лучше к искусственной, мелкой, условной жизни, им предназначенной. ...И если вместо женщины, твари разумной, одаренной бессмертной, всеобъемлющей душою, любящим сердцем и светлым умом, из тепличек и клеток домашнего воспитания выходит часто безмозглая кукла, способная только наряжаться и отмалчиваться на все вопросы жизни, – что же за беда?.. Ведь иногда кукла безвреднее и особенно сподручнее женщины; кукла не имеет ни личного мнения, ни слишком больших требований; кукла везде поместится, не стесняя никого, а женщина, пожалуй, могла бы... Да что тут долго спрашивать! Многие поймут и оценят все отрицательные достоинства и преимущества куклы пред женщиной! Оттого-то кукле так все и удастся в свете и на свете!»

Героиня романа «Счастливая женщина» Марина получила от жизни все, что нужно для счастья – счастья, скроенного по светской мерке. Она красива, у нее приличное состояние, «богатый дом и шегольской экипаж, лакомый обед и модное платье», и при том ее муж совсем не интересуется ею и не требует от нее исполнения супружеских обязанностей. И все же она несчастлива.

«Сначала Марина, как все женщины очень молодые, вертелась и забавлялась в вихре всех рассеянностей и всех удовольствий шумного света. Потом пустота и суэта этой жизни без цели и без причины, вечно праздничной и вместе с тем вечно будничной в ее тревожном однообразии и однообразном тревожении, – все это ее утомило, – и она стала себя спрашивать, для того ли она на свете и затем ли родилась, чтобы получать и отдавать визиты, примерять и изнашивать прежде всех новомодные наряды и хоронить блестящие балы, встречаясь лицом к лицу с бледной северной зарею, когда она уезжала полусонная и усталая из душных залов, а заря, вставая лениво и как будто неохотно из-под мягкого одеяла сизо-розовых облаков, показывалась ей предвестницей нового дня, ничем не отличенного от вчерашнего, ничем не розного со всеми предыдущими?..

Год-другой прошел еще, покуда Марина не умела или просто не хотела разрешить себе этих вопросов. Иногда неясные еще, но уже волнующие мысли, чувства, побуждения возникали и проявлялись в этой молодой, пробуждающейся душе, смущая ее своими намеками, своими загадочными вопросами. Искушение парило уже над ее безмятежною головою и, мало-помалу развертывая перед нею соблазнительную логику своих умствований и науше-

ний, играло в глубине ее мыслей роль змея, соблазнившего Еву. Снова для Евиной правнучки в тысячном поколении свершалось испытанное столь многими дочерьми и внуками общей прародительницы – возобновлялась эта вечная драма женщины, тоскующей, пытливой и праздной, раздумывающей о своей участи и недовольной ею. Снова женщине надоедало ее безбурное неведение, ее неполное существование, и она начинала волноваться и колебаться, сманиваемая в мир познания всем ее окружающим и всем в ней трепещущим. Дерево добра и зла, пугающее сначала неопытных и понемногу заманивающее их под свою таинственную тень, вдвое привлекательную запрета ради, и манило ее, и притягивало ее издали обаятельными обетами... И тем опаснее было это обаяние, тем сильнее его навевание, что бедная женщина изнемогла от сердечной усталости одиночества, от жажды и голода, утомивших ее душу в аравийской пустыне ее жизни, ничем и никем не населенной».

Но где же женщина может обрести полноту и смысл своего существования? Для Ростопчиной ответ однозначен – в любви. «Нравиться и быть любимой – два условия женского бытия, и если найдутся иные, которые от них отказываются, то это какие-то аномальные существа, исключения».

Марина влюбляется в молодого образованного дворянина Бориса Ухтомского, но хотя ее любовь и разделенная, Марина не обретает в ней счастья. Мать Бориса вовсе не в восторге от его связи с замужней женщиной, она хочет выгодно женить сына. Борис не находит в себе сил, чтобы решительно противостоять матери, и после нескольких лет метаний оставляет Марину. В финале романа немногочисленные друзья Марины плачут на могиле «счастливой женщины, убитой своим счастьем».

Евдокия Ростопчина умерла в 1858 году 47 лет от роду. И своей жизнью она словно ответила на вопрос, поставленный автором «Коринны». Да, женщина может быть умна, как мужчина и талантлива, как мужчина. Она даже может быть достаточно храброй, чтобы стать выше предрассудков своего времени. Но общественные условия, которые кажутся незыблемыми, связывают ее про рукам и ногам. Мужчины могут сочувствовать ей, но не могут помочь. Ведь те самые законы общества, что убивают свободный дух в женщине, поддерживают мужчину и дают ему права хозяина жизни. Бороться против этих прав неблагоприятно, да и вообще невыносимо. Различия в правах и возможностях между мужчиной и женщиной так же незыблемы, как различия между имущими и неимущими. И пройдет еще больше полувека, прежде чем эти различия разом падут.

А пока Россия – царство традиции. И Коринна с Мариной, две несчастных души, застыли, обнявшись, плача о своем погубленном счастье.

Семейство Романовых

Главная семья России

В 1894 году маленькая Саша Яновская, еврейка, живущая в польском городе Вильно, героиня автобиографической повести Александры Бруштейн «Дорога уходит вдаль», узнала важную новость: «Через несколько дней после этого, перед четвертым уроком, в класс входит Дрыгалка. Она поднимает вверх свою сухонькую ручку, требуя тишины.

– Дети... – говорит она грустным голосом. – У нас большое горе, дети... Тяжкая болезнь поразила нашего обожаемого монарха, государя императора Александра Александровича... Весь народ молится о его благополучном исцелении... Сегодня после большой перемены уроков больше не будет: в нашей домовой церкви будет отслужено молебствие о здравии государя императора. Все воспитанницы католички и инославные могут идти домой. Православные должны остаться на молебствие...

В общем, все выслушали Дрыгалкино сообщение, никто не огорчился. Одна только Женя Звягина сказала:

– Бедненький мой царь... Бедненький дуся!

Но Женя Звягина, всем известно, обожает портрет Александра Третьего в актовом зале. Она даже записки ему пишет! В трудные минуты жизни, когда она не выучила какого-нибудь урока и боится, что ее вызовут к доске, Женя пишет на маленьком листочке бумаги:

„Дуся царь, пожалуйста, пусть меня не спрашивают по арифметике, я вчера не успела приготовить“.

Эту записочку Женя, подпрыгнув, старается забросить так высоко, чтобы она перелетела поверх громадного портрета и упала позади него. Если это удастся и записка не падает обратно, долетев до цели, – значит, все хорошо: не спросят. Наверное, при осенней и весенней уборке, когда полосатки чистят за портретами, оттуда выгребают груды Жениных записочек, адресованных „дуся царю“.

Итак, болен царь. Тот самый, о котором поется в песне „Славься“:

Славься, славься, наш русский царь,
Господом данный нам царь-государь!..

Вот этот самый царь-государь Александр Третий болен. Тяжело болен!

Это тянется довольно долго. Сперва его перевозят в Крым, в Ливадию. Там, во дворце, он лежит, окруженный членами своей семьи и самыми знаменитыми врачами.

А по всей огромной России повторяют: „Государь умирает... Государь умирает... Государь умирает...“ В газетах пишут, что болезнь государя повергла весь народ в глубочайшую печаль, что церкви переполнены людьми, которые, плача, молятся о здравии государя. Однако это не заметно ни на улицах, ни в церквях, – по крайней мере, никто не выходит из церкви на улицу заплаканный».

Но это – реакция маленьких девочек в маленьком городе Вильно в далекой Польше, у которой всегда были своеобразные отношения с правящей в России династией. Однако, если мы откроем мемуары взрослых петербурженков, мы увидим там все то же обожание «дуся царя» и его близких, идеализированные образы царской семьи, не имеющие зачастую никакого отношения к реальным людям. Идет время, меняются правители, их жены и дети, а тон – восторженный, обожающий – остается прежним. И, конечно же, мемуаристки и мысли не допускают о том, что их восторг не разделяет «простой народ».

Вот, например, Варвара Головина рассказывает о путешествии Екатерины II в Крым: «Раз, когда карета Ее Величества находилась на очень крутой горе, лошади закусали удила и опрокинули бы ее, но жители окрестных деревень, сбежавшиеся, чтобы посмотреть на свою государыню, бросились к лошадям и остановили их. Многие при этом были убиты и ранены, но крики восторга раздавались непрерывно. „Да, я вижу, – сказал тогда император, – что вам не нужно стражи“».

Мария Фредерикс описывает празднование именин императрицы Александры Федоровны (жены Николая I) в Петергофе: «1-го июля, в день рождения императрицы, была всякий год громадная иллюминация по всему Петергофскому саду Тысячи людей стекались со всех окрестностей Петербурга на этот так называемый Петергофский праздник. Весь сад представлял нечто весьма оригинальное несколько дней до и несколько дней после этого праздника. Публика и народ располагались бивуаком по всему саду; тут были палатки, навесы, столы, стулья, скамейки, койки, самовары, всякая посуда и проч. и проч. Государь и государыня всегда объезжали этот импровизированный лагерь; останавливались, разговаривая с народом и публикой. Тут был восторг и умиление и подавание прошений, и чего, чего тут не было!.. Однако не существовало в то счастливое время мысли о возможном покушении на жизнь священной особы русского царя! Он и его подданные составляли одну, тесно связанную семью».

Она же рассказывает о том, какой была императорская семья в повседневной жизни: «Самое мое светлое воспоминание детства, которое навсегда осталось запечатленным в моей памяти, это – когда я присутствовала на утренних завтраках членов царской семьи. Все они собирались каждый день к августейшей матери пить кофе. Что это была за картина, Боже мой! Во-первых, три красавицы великие княжны Мария, Ольга и Александра Николаевны, прелестные, полные обаяния, всякая в своем роде. Потом великие князья – один лучше другого. Какая дружба между ними была! Какая радость видаться снова утром! Все были так веселы, так счастливы, окружали родителей с такою любовью, без малейшей натяжки. Тут император Николай Павлович был самый нежный отец семейства, веселый, шутливый, забывающий все серьезное, чтоб провести спокойный часок среди своей возлюбленной супруги, детей, а позже и внуков. Император Николай I отличался своей любовью и почтением к жене и был самый нежный отец. А какую любовь умел он внушать и своему семейству, и приближенным! Правда, он сохранял всегда и во всем свой внушительно-величественный вид, и, когда заслышишь, например, его твердые приближающиеся шаги, сердце всегда забьется от какого-то невольного страха, но это чувство так перемешивалось с чувством счастья его увидеть, что в тебе происходило что-то такое, что трудно выразить и ни с чем сравнить нельзя, а когда он милостиво посмотрит и улыбнется своим полным обаяния взглядом и улыбкой, притом скажет несколько слов, то, право, осчастливит надолго».

А вот воспоминания Анны Вырубовой о ненавистной многим россиянам императрице Александре Федоровне (жене Николая II) и ее дочерях. Снова мемуаристка всячески подчеркивает непритязательность и простоту императорской семьи: «Государыня была прежде всего матерью и женой. Вначале она пыталась свести к минимуму обязанности по отношению к обществу, чтобы иметь возможность больше времени посвятить семье. Ее не привлекали ни стремление к показному, ни роскошь. Наряды так мало занимали ее, что порой прислуживающие ей должны были напомнить заказать платье. Платья она могла носить годами. Во время войны она не приобрела ни одной новой вещи.

С детьми государыня была строгой и приучала их к простоте. Так, детская одежда переходила от старшего к младшему, как это бывало в простых семьях. В Финляндии, на островах, царские дети носили простенькие ситцевые платья. Если бы им было суждено пережить революцию, они, вне сомнения, смогли бы без труда приспособиться к самой простой жизни. На туалеты императрицы были специальные ассигнования, но она никогда не рас-

ходовала всей суммы на себя, отдавая значительную часть бедным и жертвуя, сколько возможно, на достойные помощи цели. В результате бывало, что, когда ей самой нужен был новый костюм, у нее не оставалось уже ни гроша...

Я знаю, что не одна тысяча рублей из средств императрицы была израсходована на помощь нуждающимся и она всегда хотела сохранить это в тайне. В Крыму императрица часто передавала через меня денежные пожертвования больным, находившимся в санатории.

Много слез осушила императрица, и много несчастных, чье здоровье было восстановлено благодаря ее помощи, благословляли ее имя. Я сохраняла много писем, подтверждающих это, но все они были потеряны во время революции...

Семья Николая II за чаепитием. Ливадия. 1914 г.

Царская семья могла так же беспрепятственно наслаждаться природой на Финляндском архипелаге, как и простые смертные. Когда яхта приставала к побережью или к одному из островов, государь и государыня любили зайти в ближайшее село и часто беседовали с крестьянами... Однажды во время прогулки государыня с детьми зашла в небольшой чистенький коттедж; там они застали старую женщину за прялкой. Бедная старушка была очень удивлена этому посещению. Государыня погладила ее по голове и заинтересовалась ее работой. Старая женщина скоро поняла, кто ее гости, и, улыбаясь, стала приседать в реверансах. Она приготовила кофе для государыни и детей и подала к нему домашний хлеб.

Государь тоже часто разговаривал с крестьянами и рыбаками. Он любил беседовать со своими простыми верными подданными, но совершенно не переносил дипломатических разговоров...

Однажды государыня сообщила мне по телефону, что государь с дочерьми направляется в Готсбург за покупками. Царская семья оставила автомобиль в парке, где я встретила их, и мы пошли вдоль главной улицы, останавливаясь почти перед каждой витриной.

Государя забавляла возможность расходовать деньги – дома он ничего не покупал, и у него никогда не было денег в карманах.

По улице ехал фургон, нагруженный большими ящиками с почтой. Вдруг один из ящиков упал на мостовую. Государь бросился помогать рабочим поднять ящик. Несмотря на свой небольшой рост, государь был сильным.

Великие княжны и Анна Вырубова в форме сестер милосердия. 1914 г.

Я спросила его величество, почему он так поступил, ведь было достаточно людей, чтобы поднять ящик. Государь объяснил свой поступок желанием показать детям, что нет недостойной работы и что они ничем не лучше других людей...

...Как я уже говорила, во время войны она (императрица. – Е. П.) работала сестрой милосердия в госпитале... Я видела императрицу всея Руси, стоявшую у операционного стола с шприцем, наполненным эфиром, подающую инструменты хирургу, помогающую при самых страшных операциях, принимающую из рук хирурга ампутированные ноги и руки, снимающую с солдат завшивленную одежду, вдыхающую все зловоние и созерцающую весь ужас лазарета во время войны, по сравнению с которым обычный госпиталь кажется мирным и тихим убежищем... Императрица сказала мне однажды, что единственный раз в жизни она испытала подлинное чувство гордости – это было, когда она получила диплом сестры милосердия.

...Но ярче всего в памяти сохранилась гармония семейной жизни государя, тесные узы, связывающие членов этой семьи.

Все дети, как и родители, были религиозны и мистически настроены. Но основной их чертой был пламенный патриотизм. Россия была им так дорога, что девочки не допускали

мысли о замужестве вне пределов родины и вне православия. Все они хотели служить России, выйти замуж за русских и иметь детей, которые бы тоже служили России».

Императорскому семейству приходилось тратить немало сил на поддержание образа идеальной семьи. Они были актерами, игравшими буквально без антрактов, днем и ночью. И даже в моменты, когда они казались откровенными со своими близкими друзьями, они, возможно, только играли в откровенность, зная, что любое их слово будет завтра же повторяться во всех светских гостиных столицы, а затем и всей страны. Такая роль требовала бесконечного самообладания и бесконечного одиночества.

Как же совершалось превращение из обычного маленького мальчика (или, в нашем случае, маленькой девочки), не подозревающей о своем высоком предназначении, в «икону стиля»?

Великие княжны

Рождение

Для любой женщины первая беременность – значимое событие в жизни. Для женщины из императорской семьи оно значимо по-особому: все ждут от нее рождения наследника, и появление на свет дочери означает неизбежное разочарование. Вот как описывает свою первую беременность и роды Александра Федоровна, супруга тогда еще великого князя Николая Павловича (будущего императора Николая I).

«По возвращении в Павловск мы вернулись к прежнему образу жизни. Вскоре я должна была прекратить верховые поездки, так как однажды за обедней, когда я старалась выстоять всю службу, не присаживаясь, я упала тут же на месте без чувств. Николай унес меня на руках; я этого и не почувствовала вовсе и вскрикнула, только когда мне дали понюхать летучей соли и я пришла в чувство. Этот случай, в первую минуту напугавший присутствующих, был как бы предвестником моей беременности, которой я сама едва верила; это известие обрадовало всех! Говорят, будто на том месте, где я упала, нашли осыпавшиеся лепестки роз, вероятно, из моего букета, и это нашим дамам показалось очень поэтичным...

Я страдала тошнотами и испытывала отвращение к некоторым блюдам и запахам, но вообще чувствовала себя как нельзя лучше, длинное это путешествие совершила весьма приятно, так как ехала с мужем, и мы немало ребячились...

На Святой неделе, когда колокола своим перезвоном славословили праздник Воскресения, в среду, 17 апреля 1818 г., в чудный весенний день, я почувствовала первые приступы родов в 2 часа ночи. Пригласили акушерку, затем вдовствующую государыню: настоящие боли начались лишь в 9 часов, а в 11 часов я услышала крик моего первого ребенка!

Нике <Николай Павлович> целовал меня и плакал, и мы поблагодарили Бога вместе, не зная даже еще, послал ли он нам сына или дочь, но тут подошла к нам татап и сказала: „Это сын“. Мы почувствовали себя еще более счастливыми при этом известии, но помнится мне, что я ощутила нечто важное и грустное при мысли, что этому маленькому существу предстоит некогда сделаться императором!

Шесть недель после родов прошли для меня самым приятным, и покойным, и однообразным образом; я видалась в это время с весьма немногими... Во время крестин, совершившихся 29 апреля в Чудовом монастыре, нашему малышке было дано имя Александр; то был прелестный ребеночек, беленький, пухленький, с большими темно-синими глазами, он улыбался уже через шесть недель. Я пережила чудную минуту, когда понесла новорожденного на руках в Чудовскую церковь, к гробнице св. Алексея...

Но через год, когда у Александры рождается дочь, атмосфера не такая безоблачно-радостная.

Александра Федоровна пишет: «Действительно, я легла и немного задремала; но вскоре наступили серьезные боли. Императрица, предупрежденная об этом, явилась чрезвычайно скоро, и 6 августа 1819 г., в третьем часу ночи, я родила благополучно дочь. Рождение маленькой Мари было встречено ее отцом не с особенной радостью: он ожидал сына; впоследствии он часто упрекал себя за это и, конечно, горячо полюбил дочь». Впоследствии – это, вероятно, тогда, когда в семье родились еще три сына, и мужская линия была надлежащим образом закреплена.

Александр II больше всех детей любил своего первенца, дочь Александру, так как она оказалась «нежеланным ребенком» – все ждали сына. Пишет Анна Тютчева: «Это был первый ребенок от брака цесаревича и цесаревны, и цесаревич исключительно любил ее; она

также страстно была к нему привязана, так что, будучи еще совсем маленькой, горько плакала, когда отец ее бывал в отсутствии. Цесаревна говорила мне, что никогда великий князь так не играл с другими детьми, как с этим ребенком; он был ее товарищем и постоянно носил ее на руках. Привязался он к ней так сильно потому, что ее рождение было некоторым разочарованием для остальных членов семьи, особенно для императора Николая, рассчитывавшего сразу иметь наследника престола и потому оставшегося недовольным рождением девочки. Доброе и нежное отцовское сердце чувствовало потребность вознаградить ребенка усиленной лаской за холодность, проявившуюся вначале к новорожденной, за которой, впрочем, через год родился и наследник».

Иначе сложилась судьба семьи Николая II. Когда его жена родила одну за другой четырех дочерей, то, как вспоминали современники, «свет встречал бедных малюток хохотом». Александра Федоровна, тяжело переживавшая свою неспособность подарить России наследника, даже перенесла ложную беременность, а Сергей Юльевич Витте с коллегами разрабатывали проект, согласно которому наследовать престол должна была старшая дочь императорской четы – Ольга.

* * *

Августейшей роженице помогала акушерка, в трудных случаях приглашали придворного врача. Так, Александре Федоровне, жене императора Николая II, в первых родах понадобилась акушерская операция: наложение щипцов на голову младенца для быстрого его извлечения. Ее проводил наблюдавший императрицу во время беременности профессор-акушер Дмитрий Оскарович Отт. Ему ассистировала акушерка Евгения Конрадовна Гюнст. В настоящее время от этой операции медики отказались, так как она считается слишком травматичной для ребенка, но нет никаких данных о неврологических нарушениях, развившихся в дальнейшем у великой княжны Ольги, что может свидетельствовать о высоком профессионализме профессора Отта.

Разумеется, качество медицинской помощи было высоким, а условия, в которых женщины переносили беременность, вполне комфортными. Неслучайно в XIX веке лишь несколько родов в императорской семье закончились смертью матери или младенца. Среди них была великая княжна Александра Николаевна (третья дочь императора Николая и Александры Федоровны), тяжело болевшая еще до беременности, и жена великого князя Павла Александровича Александра Григорьевна, принцесса греческая и датская, скончавшаяся вследствие несчастного случая, приведшего к преждевременным родам на седьмом месяце беременности. Роды случились в имении великого князя Ильинском, и пока фельдъегерский курьер добирался с письмом к лейб-хирургам и врачам московской Странноприимной больницы, великая княгиня Александра Георгиевна впала в кому и скончалась. Ребенок, великий князь Дмитрий Павлович, выжил благодаря тому, что Елизавета Федоровна, жена брата Павла Александровича Сергея и подруга Александры, приказала обложить колыбель младенца ватой и теплыми бутылками с водой, которые нужно было менять каждые двадцать минут, и тем самым обеспечила недоношенного младенца столь необходимым ему теплом.

* * *

Великие княжны, как и их братья, получали имена из весьма ограниченного списка. В начале и середине XIX века в доме Романовых дочерей называли обычно: Александра, Анна, Екатерина, Елена, Елизавета, Мария или Ольга. В конце века появились имена Ирина, Ксения, Анастасия, Татьяна. Из-за того что имена мужчин и женщин в семье Романовых посто-

янно повторялись, в разных поколениях встречалось несколько полных тезок, и понять, о ком именно идет речь, не всегда просто.

При рождении великие княжны получали орден Святой Екатерины – дамский орден, учрежденный Петром I для его жены Екатерины после Прутского похода, когда она, чтобы спасти армию от разгрома, пожертвовала своими драгоценностями. Обычай награждения новорожденных великих княжон ввел в 1797 году Павел I.

Главой ордена была императрица, а наместницей или диакониссой – супруга наследника престола. Кроме нее, знаки ордена Большого креста, или первой степени (медальон с изображением святой Екатерины, украшенный крестом, на красной ленте с золотой каймой, и восьмилучевая бриллиантовая звезда с орденским девизом: «За любовь и отечество»), имели право носить принцессы императорской крови, «сколько есть», а также еще не более 12 других дам. Знаки второй степени (медальон с крестом и бантом на красной ленте с серебряной каймой) могли получить не более 94 дам. По легенде, отсюда пошел обычай перевязывать конверты младенцев-девочек красной (а позже – розовой) лентой. Якобы сановники и люди, приближенные ко двору, желая своим дочерям достижения придворных вершин, стали перевязывать их после крещения красной лентой, похожей на орденскую. Голубая лента, которой перевязывают конверты мальчикам, в этой легенде соответствует ленте ордена Андрея Первозванного.

Орден Святой Екатерина

Княжны императорской крови (племянницы императора) получали орден при совершеннолети.

Когда княжны подрастали, для них шили специальные орденские платья из серебряного глазета с золотым шитьем, со шнурами и зеленым бархатным шлейфом, подбитым горностаем, по покрою напоминавшие сарафаны, на головы дамы Большого креста надевали кокошники из зеленого бархата, украшенные полукружием с серебряным шитьем или драгоценными камнями.

В обязанности дамам ордена вменялось: «1) Благодарить Бога по все дни за милостивые освобождения, дарованные Императору ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ. 2) Молить ежедневно Бога о соблюдении священной особы царствующего ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, о здравии Его и многолетстве и о благополучии Его оружия и дел, а также о здравии, благополучии

и многолетстве всей Императорской Фамилии. 3) В том же намерении, в каждый воскресный день прочитывать трижды молитву „ОТЧЕ НАШ“, в честь Святой Троицы. 4) Трудиться, сколько возможно, о обращении нескольких неверных к благочестивой Православной вере, добродетельными способами и увещаниями, но отнюдь не каким-либо угрозением или понуждением. 5) Освобождать одного Христианина из порабощения варварского, выкупая на свои собственные деньги.

Сверх того, попечению дам Большого креста и кавалерственных дам сего ордена вверено особое заведение для воспитания благородных девиц, под именем Училища Ордена Св. Екатерины, и к обязанности их по сему предмету принадлежит наблюдение за исполнением учреждения, для означенного заведения поставленного.

Каждая кавалерственная дама ордена Св. Екатерины может представить воспитанницу для приема в Училище Ордена Св. Екатерины, с тем, однако же, чтоб представляемая происходила из дворянского рода, была совершенно здорова и имела положение в учреждении сего Училища».

Так уже с первых дней жизни маленькие великие княжны начинали свою службу обществу. Но служба эта была, разумеется, чисто формальной. Было понятно, что младенец не мог сознательно принять решение обращать неверных и выкупать христиан за собственные деньги, а молитвы маленькая дама Большого креста будет произносить точно так же, как и любая девочка, воспитываемая в христианской вере. Вероятно, задачей такого награждения было с рождения выделить великих княжон, подчеркнуть их особый статус. Впрочем, и в этом не было большой нужды: вряд ли кто-нибудь мог забыть об их высоком происхождении. Но формальности занимали важное место в жизни императорской семьи.

Воспитание

К каждому новорожденному в царской семье приставляли штат прислуги: кормилицу, бонну-англичанку, двух дам для ночного дежурства, четырех нянек, исполнявших также обязанности горничных, двух камердинеров, двух камер-лакеев, восемь лакеев, восемь истопников. В течение первого года жизни младенца дежурные дамы по очереди проводили ночи у детской кровати, а когда ребенок становился старше, на посту оставались лишь няньки.

Царская кормилица

Кормилицы по традиции набирались из крестьянок. Александра Осиповна Смирнова-Россет писала о деревне Федоровской под Павловском: «Это был рассадник кормилиц для царских и городских детей. Народ был трезвый, здоровый, постоя никогда не было, а все знают, что постоя войск развращает женщин». Кормилицы носили особый наряд, стилизованный под русский сарафан с кокошником.

Кормилица, бонна и акушерка присутствовали на крестинах младенца. Николай I в своих мемуарах пишет: «Во время церемонии крещения вся женская прислуга была одета в фижмы и платья с корсетами, не исключая даже кормилицы. Представьте себе странную фигуру простой русской крестьянки из окрестностей Петербурга в фижмах, в корсете до удушения. Тем не менее это находили необходимым. Лишь только отец мой при рождении Михаила освободил этих несчастных от этой смешной пытки».

Александра Федоровна, жена Николая II, единственная из русских императриц, которая пыталась сама кормить своих детей грудью. Впрочем, при наличии полного штата кормилиц эти попытки были обречены на провал, так как младенец по большей части был сыт и не мог высасывать из материнской груди достаточно молока, чтобы лактация не прекратилась. Выкармливая свою первую дочь, Ольгу, Александра Федоровна пыталась поддерживать лактацию, давая грудь сыну кормилицы Ксении Воронцовой, а кормилица, по воспо-

минаниям современников, «стояла рядом, очень довольная». Но большой пользы эта затея не принесла.

Была у детей и своя медицинская служба, состоящая из лейб-медика, придворного аптекаря и зубного лекаря.

* * *

Прогрессивные методы Екатерины II, бывшей поклонницей «воспитания по Руссо», т. е. естественного закаливания детей, в XIX веке ушли в прошлое. Но некоторые следы этих традиций остались. В детских спальнях было много свежего воздуха, в ванных комнатах – приспособления для холодного душа. Николай I, вспоминая свою детскую в Зимнем дворце, пишет: «Спальня, в глубине которой находился альков... была приурочена к помещению кровати, но я там не спал, так как находили, что было слишком жарко от двух печей, которые занимали оба угла». Детей также выносили на прогулки с первых месяцев жизни, в том числе и в зимние месяцы, о чем свидетельствуют счета на нарядные шубы для царственных младенцев: «атласную розовую на собольем меху, две рацемторовые на горностаевом меху – на тафтяной подкладке, две шапочки венгерские, рацемторовые черновые с собольими околышами». Для сравнения – в провинциальных дворянских семьях дети, даже подростки, часто проводили зимы дома, не выходя на улицу.

Великий князь Николай Павлович (будущий Николай I) родился 25 июня 1796 года, а шубы для него готовы уже в январе 1797 года. Но в конце XIX века Николай II, фиксируя в дневнике взросление своей старшей дочери Ольги, родившейся 3 ноября 1895 года, пишет, что «дочку впервые вынесли на воздух» только 8 апреля, т. е. всю зиму маленькая великая княжна провела в комнатах. Связано ли это с возрастом младенца или с более осторожным отношением родителей к его здоровью, неизвестно. Однако, как было заведено еще при Александре III, подростки спали на походных кроватях с волосяными матрацами и тощими подушками под голову и завтракали овсянкой, что должно было, по идее императора, приготовить их к возможным неожиданностям и невзгодам в их замужней жизни. На обед на стол подавали четыре блюда, на ужин – два. В сладкое, которым завершался обед, не входили ни конфеты, ни мороженое.

«Все мы питались очень просто, – вспоминала дочь Александра III Ольга Александровна. – К чаю нам подавали варенье, хлеб с маслом и английское печенье. Пирожные мы видели очень редко. Нам нравилось, как готовят нам кашу, – должно быть, это Нана научила поваров, как надо ее стряпать. На обед чаще всего подавали бараньи котлеты с зеленым горошком и запеченным картофелем, иногда ростбиф. Но даже Нана не могла заставить меня полюбить это блюдо, в особенности когда мясо было недожарено! Однако всех нас воспитывали одинаково: ели мы все, что нам давали».

В 1876 году умер годовалый сын великого князя Владимира Александровича. Когда жена великого князя Мария Павловна снова забеременела, решили полностью переоборудовать детские комнаты во дворце Владимира Александровича. Там были заложены лишние двери, обновлены паркетные полы, бумажные обои на стенах заменили деревянной фанеркой из карельской березы, волнистого тополя и американского ореха. В комнатах также устроили водяное отопление. Горячая вода поступала из подвального этажа по проложенным в стенах дворца металлическим трубам в плоские батареи, размещенные под окнами между зимними и летними рамами. По вентиляционным трубам в комнаты подавался подогретый и увлажненный воздух, в результате чего в них поддерживалась постоянная температура +20 °С. Мария Павловна начала кормить грудью своих детей: сперва новорожденного Кирилла, а следом – Бориса, Андрея и Елену. Все дети благополучно дожили до совершеннолетия и скончались в весьма преклонном возрасте.

* * *

История сохранила имена бонн-англичанок, бывших при великих князьях. Это Евгения Лайон, воспитывавшая будущего Николая I («няня-львица», как назвал ее подросший император); миссис Кеннеди, воспитывавшая его брата Михаила; Мария Юз, растившая старшего сына Александра II, названного Николаем; Томасина Ишервуд и Екатерина Стуттон, сменявшиеся у двух его младших сыновей – Александра и Владимира.

У великих княжон, как правило, не было собственных нянь, если только девочки не рождались в семье первыми или последними. Детей Николая I растило трио нянь: А.А. Кристи, Е.И. Кристи и М.В. Касовская (сестра Евгении Лайон), младших детей (в том числе и дочерей) Александра II – уже упоминавшаяся Екатерина (Китти) Стуттон.

Няней младшей дочери Александра III Ольги стала Элизабет Франклин, нанятая по рекомендации принцессы Уэльской, приходившейся Ольге теткой. В императорской семье эту няню называли Нана. Она очень сдружилась со своей воспитанницей и прожила с ней до самой смерти в 1916 году.

Долго не мог подобрать няню для своих дочерей Николай II. Не прижились в России ни рекомендованная королевой Викторией мисс Орчи, ни взятая «на прокат» у великой княгини Елизаветы Федоровны мисс Костер, ни ирландка Маргарет Игер. Последняя, правда, продержалась шесть лет, но потом с ней случился неприятный казус. Ольга Александровна (сестра Николая II, бывшая воспитанница Элизабет Франклин) писала: «...Я помню мисс Игер, няню Марии, которая была помешана на политике и постоянно обсуждала дело Дрейфуса. Как-то раз, забыв о том, что Мария находится в ванне, она принялась спорить о нем с одной из своих знакомых. Мария, с которой ручьями лилась вода, выбралась из ванны и принялась бегать голышом по коридору дворца. К счастью, в этот момент появилась я. Подняв на руки, я отнесла ее к мисс Игер».

После этого случая Николай записал в дневнике: «Сегодня после многих недель колебаний Алики, сильно поддержанная мною и княг. Голицыной, наконец, решила уволить англичанку – няню детей мисс Игер, что и было ей объявлено!»

После нее в детскую пришла Мария Ивановна Вишнякова, мещанка, обучившаяся профессии няни в Петербургском Воспитательном доме. К сожалению, с русской няней несчастному семейству не повезло еще больше, чем с англичанками. В феврале 1912 года М.В. Родзянко в своем докладе сообщил Николаю II, что Распутин «соблазнил нянюшку царских детей... она каялась своему духовному отцу, призналась ему, что ходила со своим соблазнителем в баню, потом одумалась, поняла свой глубокий грех и во всем призналась молодой императрице, умоляя ее не верить Распутину, защитить детей от его ужасного влияния, называя его „дьяволом“». Нянюшка эта, однако, вскоре была объявлена ненормальной, нервнобольной, и ее отправили для излечения на Кавказ». Уволенная няня тем не менее получила в пользование полностью обставленную трехкомнатную квартиру в Комендантском корпусе Зимнего дворца, оплаченную «из сумм Августейших Детей», пенсию в размере 2000 руб. в год, а также регулярно получала средства для поездок на лечение.

М.И. Вишнякова с вел. кн. Ольгой

* * *

В три года девочки переходили под надзор воспитательниц, в 6–7 лет к их обучению приступали гувернантки. Чем старше становились великие княжны, тем острее они чувствовали, что их детская является ареной интриг и политической борьбы. Причем борьбы более мелочной и одновременно более серьезной, чем наивное увлечение Маргарет Игер делом Дрейфуса, а Марии Вишняковой – Распутиным.

Николай I поставил воспитательницей своих детей Юлию Федоровну Баранову – сестру его друга детства Александра Адлерберга, бывшую подругой великой княжны Анны – младшей сестры Николая. Дочь императора Ольга Николаевна вспоминала: «Если Мэри (старшая сестра Ольги Мария Александровна. – *Е. П.*) плохо училась, несмотря на свои хорошие способности, то помимо ее детского легкомыслия это было виной мадам Барановой, не имевшей и тени авторитета. Очень добрая, очень боязливая, в частной жизни обремененная заботами о большой семье, на службе, кроме воспитания Мэри, еще и ответственная за наши расходы и раздачу пожертвований, она не умела следить за порядком в нашей классной. Каждую минуту открывалась дверь для гостя или лакея, приносившего какую-либо весть, и Мэри пользовалась этим нарушением, чтобы сейчас же вместо работы предаться каким-нибудь играм. Этому недостатку строгости и дисциплины можно, вероятно, приписать то обстоятельство, что Мэри и позднее не имела определенного чувства долга. Мадам Барановой не хватало чуткости, чтобы вести ее. Она только выходила из себя, держала длинные речи, которые Мэри в большинстве случаев прерывала каким-нибудь замечанием...»

Личной воспитательницей Ольги была Шарлотта Дункер, по воспоминаниям современников, «злое существо с романтическими наклонностями; она любила слушать с Мердером (наставником цесаревича Александра. – *Е. П.*) пенье соловья по вечерам около дворца в кустах. Система Дункер была совершенно овладеть умом своей воспитанницы и ссорить

двух сестер (Марию и Ольгу. – *Е. П.*)... что ей вполне удалось, и то детское чувство охлаждения осталось на всю жизнь. Сестры любили друг друга, но не ладили».

О том, как завершилось это противостояние, рассказывает сама великая княгиня Ольга Николаевна: «Мадемуазель Дункер вернулась домой довольная и в хорошем настроении: она завела массу знакомств, всюду ее приглашали и прекрасно принимали. В Петербурге она никогда никуда не выезжала. У нее не было даже родных, кроме ее матери, которую она, – я никогда не узнала, из каких соображений, – не смела навещать. Поэтому совершенно неудивительно, что все тепло и вся любовь, к которой было способно ее сердце, направлены были на меня, и она подсознательно отгораживала меня от остальных. Мэри не питала к ней ни малейшей симпатии и неизменно при каждом удобном случае заставляла ее это чувствовать. Юлия Баранова была не в силах что-либо предпринять против этого; за дерзостями следовало то, что каждый оставался в своем углу. В учении я сделала колоссальные успехи: только на полгода я отставала от Мэри, которой было уже шестнадцать лет. Учителям, видимо, доставляло радость подвигать меня так быстро, и чем дальше я шла в ученье, тем усерднее я становилась».

Но я совершенно не чувствовала себя счастливой. Мое существо становилось скорее еще более замкнутым, моя склонность к религии обращалась в мистику. Если бы это продолжалось еще дольше, я совершенно замкнулась бы в своих четырех стенах. Мама первая обратила на это внимание. Она стала расспрашивать. Мэри, как всегда, не жалела жалоб. Пробовали обратиться к Шарлотте Дункер, для чего избрали Баранову, которая была слишком неумна для того, чтобы успешно провести такую роль. Но Родители относились к ней очень хорошо благодаря ее приятной незлобивой натуре. Слушали, правда, и нас, но не вникали в мелочи. Таким образом, многое являлось в ложном свете. Шарлотта, которую в свое время поддерживал и которой давал советы генерал Мердер, оставалась теперь совершенно одна, и оттого что она чувствовала себя отодвинутой на задний план, она стала вспыльчивой и склонной к сценам. Папа услышал об этом и решил, что нужно нас разединить. Он не любил половинных мер и считал, что только радикальное решение может восстановить мир в детских. Это решение было вызвано следующим.

Был август 1836 года. Мы возвратились с Елагина в Петергоф. Жюли (Юлия Баранова) оставалась из-за болезни в Смольном. Нас, трех сестер, поручили Шарлотте, и мы все вместе ежедневно предпринимали поездки в фаэтоне. Мэри, которая хорошо знала расположение, давала указания кучеру и направляла экипаж в Новую Деревню, где размещалась гвардейская кавалерия. Как только появлялся царский экипаж, дежурные офицеры должны были его приветствовать. Для нас, детей, это не играло роли; Мэри же не была больше ребенком. Когда мы ездили под присмотром Жюли, Мэри научила нас толкать ее ногой, если издали появлялся кто-нибудь знакомый. В таком случае Мэри сейчас же поворачивала голову в противоположную сторону и обращала внимание Жюли на что-нибудь там, и когда экипаж был достаточно близко от знакомого, ему посылались приветствия и улыбки, в то время как Жюли все еще смотрела в противоположную сторону. Это проделывалось ежедневно, и Жюли не догадывалась об этой шалости. То же самое Мэри попробовала было с Шарлоттой. Но та заявила, что совершенно не нужно ежедневно ездить через Новую Деревню, и запретила нам, младшим сестрам, толкаться ногами в коляске.

Это кончилось сценой и слезами с обеих сторон, Шарлотте не удалось справиться со своим волнением, всем было заметно ее возбуждение. Ночь она провела с нами, но на следующий день, когда я проснулась, она не появилась, как не появилась и к завтраку, и когда ее не оказалось, чтобы идти гулять, меня охватило недоброе предчувствие. Я вихрем взлетела по лестнице в комнату, где она обычно одевалась, и нашла там ее шиньон, ее лорнет, ее шелковое фишю (косынка, шейный платок – *Е. П.*) все разбросанным в беспорядке, точно она куда-то торопилась. Тут я разразилась слезами. Мэри стояла подле очень смущенная,

Адини же ничего не понимала и была в замешательстве. Я знаю, что в глубине своего сердца Мэри упрекала себя в том, что так меня огорчила. Перед тем как мы должны были выйти, меня позвали к Мама. Увидев мое заплаканное лицо, Мама сказала мне, что эта разлука была необходима. К этой мысли Мама хотела подготовить меня постепенно. И все же никто не сумел понять, насколько я любила свою Шарлотту и насколько была к ней привязана.

Мама оставила меня у себя, окружила вниманием и лаской и ждала, пока я заговорю, чтобы все разъяснить мне. Я обожала свою мать, но в эту минуту мое сердце разрывалось на части, и я не смогла ничего сказать. Через несколько дней Мама передала мне маленькое письмо, благословила меня и сказала нежно: „Прочитай его перед сном!“ Я сохранила его в моем молитвеннике. В нем было все, что я уже предчувствовала, что я боялась узнать. Решение Родителей мне показалось ужасным; но раз они так постановили, значит, они были правы, и мне не оставалось ничего другого, как покориться. Мама была очень мила ко мне и посвящала мне, ввиду отсутствия Папа, все свое время. Я могла спать с ней, мы вместе гуляли, и в туалетной комнате Папа проходили мои занятия. Мама подарила мне собаку Дэнди, неразлучного со мной вплоть до моего замужества. Как гувернантку взяли на пробу мадам Дудину, начальницу одного приюта. Ослепленная жизнью при Дворе, до сих пор ей непривычной, она спрашивала всех и вся, что это или то обозначает. Ее мещанская манера и ее неразвитость давили меня, и в то время, пока она была у нас...

Мадам Дудина оставалась при мне только несколько недель. Накануне Николина дня, 5 декабря, у меня появилась Анна Алексеевна Окулова, и с ней началась моя новая эра жизни. Выбор Анны Алексеевны был сделан Папа. Когда она была институткой Екатерининского института в Петербурге, ее уже знала Бабушка, очень ценила и оказала ей во время своей поездки в Москву какое-то благодеяние. Папа помнил ее веселое, открытое лицо. Она жила со своей семьей в деревне и ввиду того, что были затруднения денежного характера, заботилась об управлении имением и воспитании своих младших братьев и сестер. Все уважали ее энергию и предприимчивость. Чтобы избежать всяких неожиданностей и неприятностей, ее положение при Дворе, а также ее доходы были с самого начала утверждены. Ее сделали фрейлиной, по рангу она следовала за статс-дамами и получила, как Жюли Баранова, русское платье синего цвета с золотом, собственный выезд и ложе в театре. Я встретила ее впервые на одном музыкальном вечере Мама. Она сейчас же покорила мое сердце. Мне показалось, что повеяло свежим воздухом в до сих пор закрытую комнату. Она совершенно изменила меня. Ей сейчас же бросилось в глаза, какая я замкнутая и насколько лучше я могла писать, чем изъясняться, и она мне предложила вести дневник, чтобы я могла ясно себя увидеть и чувствовать себя свободнее. Она надеялась таким образом уменьшить и мою застенчивость. Я с готовностью приняла ее предложение и настолько привыкла писать дневник, что это стало для меня приятной необходимостью. Успех оправдал ее ожидания, я научилась выражать свои чувства и стала общительней.

Счастливый характер Анны Алексеевны вскоре привлек к ней много друзей, а здравый ум направил правильным путем через лабиринт придворной жизни. Озадаченная непониманием между нами, сестрами, она сейчас же стала искать причину этого. Она никогда не говорила „моя Великая княжна“, она всегда называла нас вместе и старалась в свободные часы занимать нас всех общим занятием. Мэри она завоевала своей жизнерадостностью, а также рассказами из времен своей юности... Она заставляла нас рисовать по оригиналам и читала при этом вслух по-русски... Мы играли, пели и жили беззаботной жизнью веселой компании».

* * *

Воспитательницей великой княжны Марии Александровны и ее брата Сергея Александровича – детей Александра II – стала в 1850-х годах старшая дочь Федора Ивановича Тютчева Анна. Ее отец был не только поэтом, но и политиком, дипломатом, симпатизирующим славянофилам, и дочь разделяла его взгляды. Разумеется, она не внушала симпатии к партии славянофилов своей малолетней воспитаннице, но при благоприятных случаях защищала идеи отца перед Александром II и его женой, а самое главное – оставила воспоминания, где очень небольшое место посвящено ее педагогической деятельности и очень большое – политическим событиям и решениям, свидетельницей которых она была.

Спустя почти шесть десятков лет уже в детской детей Николая II появилась еще одна воспитательница из семьи Тютчевых – Софья Ивановна Тютчева, внучка поэта и племянница Анны Тютчевой. Однако менее чем через год она получила отставку, так как активно боролась против влияния Распутина на царскую семью. Ее современница, генеральша Баранович, бывшая в курсе пертурбаций, происходящих при дворе, писала по этому поводу: «В городе говорят, что вместо Тютчевой к царским детям будет назначена Головина, которая возила Распутина по домам и с ним путалась, а над ней главной – Вырубова. Это прямо позор – назначение этих двух женщин... Был у нас Ломан. Сказал он, что тяжелое впечатление выносишь от близости ко двору. Вот как он объясняет уход или отставку С.И. Тютчевой. Она не подчинялась требованиям старших, вела с детьми царскими свою линию. Возможно, что ее воспитательное направление и было более рациональным, но оно было не по вкусу, а она упорствовала, как все Тютчевы, была упряма и стойка, верила, как все ее однофамильцы, в свои познания и свой авторитет, так что детям приходилось играть две игры, что приучило их лгать и проч. Являлась всегда Тютчева на все сборища и приемы не в духе. Она говорила, что не все разговоры можно вести при детях. В этом с ней не соглашались, и вот развязка – пришлось ей покинуть свой пост. Мое соображение: из этого видно, что при дворе правду не любят и не хотят слушать. При этом Ломан вспомнил, как воспитательница вел. кн. Марии Александровны Кобург-Готской, тоже Тютчева, после катастрофы на Ходынском поле при встрече со своим бывшим воспитанником вел. кн. Сергеем Александровичем не подала ему руки, обвиняя его в случившемся. Такова и С.И. Тютчева».

Анна Тютчева

Благодаря мемуарам Тютчевой-младшей мы знаем, каков был обычный распорядок дня дочерей Николая II, когда они были подростками.

«Так называемая „детская половина“ помещалась на втором этаже Александровского дворца и занимала ряд смежных комнат. Здесь были две спальни, ванная, игральная, две классных и столовая. При детях были старшая няня Мария Ивановна Вишнякова, более известная под именем Мэри, особа лет тридцати с лишним, и ее помощница Александра Александровна Теглова – Шура, лет 23-24-х, а также две молоденькие комнатные девушки Нюта Уткина и Лиза Эльсберг. При наследнике кроме няни находился матрос Деревенко.

Две старшие девочки спали в комнате с Шурой, а две младшие и наследник – с Марией Ивановной.

Когда я поступила, моим воспитанницам было: Ольге Николаевне – 11 лет, Татьяне – 9, Марии – 7 и Анастасии – 5. Распорядок дня был следующий. Дети вставали в 7 ½ утра и в 8 часов получали утренний завтрак. Я приходила к ним около 9 часов, и мы отправлялись гулять, невзирая на погоду. Уже одетые для прогулки девочки заходили поздороваться с родителями. Возвращались мы к 10 часам, и две старшие садились учиться. Занимались они с небольшими перерывами до без четверти час, затем переодевались, и все четыре девочки шли завтракать к родителям. В это время я отправлялась к себе и снова была в детской в два часа. До четырех мы или катались, или гуляли пешком. В четыре пили чай, затем старшие готовили уроки, после чего, если не было занятий музыкой, они могли делать, что хотели. Часто в это время я им читала, а они или рисовали, или работали. Рукоделие у них очень процветало, занималась им даже маленькая Анастасия. В 7 часов старшие девочки готови-

лись к обеду с родителями, а я была свободна и если и заходила в детскую вечером, то лишь по своему желанию.

Конечно, такой распорядок дня был в первый год моего пребывания при дворе. По мере того как дети подрастали, занятия стали носить более серьезный характер и занимали значительно больше времени...

Я освоилась с новым для себя делом, узнала характеры детей и привыкла к ним. Надо сказать, что, когда я к ним поступила, они были очень мало воспитаны. Мария Ивановна была хорошей, преданной няней, но о воспитании имела самое поверхностное представление. Но она считала себя полновластной хозяйкой на детской половине и к моему появлению отнеслась несочувственно, опасаясь, очевидно, за свое влияние. К счастью, мне приходилось сталкиваться с разного рода людьми, когда я была попечительницей нескольких благотворительных учреждений, поэтому я старалась не обращать внимания на мелочи и не слишком вторгаться в сферу действий Марии Ивановны. Вскоре у нас создались вполне нормальные и хорошие отношения.

С детьми в начале моего пребывания мне было довольно трудно. Они не слушались и всячески пытались вывести меня из терпения. Я же старалась быть очень спокойной и сдержанной, особенно, когда слышала, как одна из девочек говорила другой: „Саванну (так сократили они мое имя и отчество) никак не выведем из себя“. Однажды я им сказала, что, остановив их раза два, я не буду больше делать им замечания. „А потом что?“ – спросили они. „А потом уеду от вас домой“. Это заставило их призадуматься. Убедившись в том, что главным их коноводом была Ольга Николаевна, я решила с ней поговорить. „Вы могли бы во многом мне помогать“, – сказала я ей. „Как помогать?“ – спросила она. „Вы имеете влияние на ваших сестер, вы старше их и можете уговорить их слушаться меня и поменьше шалить“. – „Ах, нет, – воскликнула она, – ведь тогда мне придется всегда хорошо себя вести, а это невозможно!“ В душе я не могла не согласиться с тем, что она права, что живой двенадцатилетней девочке очень трудно быть постоянным примером и образцом для других детей. Впрочем, впоследствии она останавливала расшалившуюся Анастасию Николаевну: „Перестань, а то Саванна от нас уйдет, и нам же будет хуже“».

* * *

С шести-семи лет великие княжны начинали учиться. Поначалу у них была та же программа, что и у мальчиков: их обучали закону Божьему, музыке и пению, рисованию, танцам, чтению, чистописанию, русскому и французскому языкам. Позже начинались уроки английского и немецкого языков, арифметики, всеобщей и отечественной истории, географии.

Одним из наставников дочерей Николая I Марии, Ольги и Александры был поэт Василий Жуковский, учивший также наследника Александра. Он писал об успехах своей шестилетней ученицы: «Ольга Николаевна очень прилежна. Она раз в неделю занимается уже и со мною и всегда очень, очень внимательна. Слушает прилежно, и что поймет, того не забывает... Жаль мне только того, что не имею более времени: с нею очень приятно учиться». В этом возрасте великая княжна уже говорила на трех языках и прилично играла на фортепиано. Но самой Ольге больше всего запомнились уроки химии и физики. В своих воспоминаниях Ольга Николаевна пишет, что «была страстно увлечена химией и следила с большим интересом за опытами, которые производил некто Кеммерер... Он показывал нам первые опыты электрической телеграфии, изобретателем которой был Якоби. Опыты эти в 1837 году вызвали глубочайшее изумление и в пользу их верили так же мало, как и в электрическое освещение. Уже в то время мы получили понятие о подводных снарядах, впоследствии торпед».

Физикой занимались и дочери Николая II, разумеется, им читали лишь самый общий курс, включавший в себя много занимательных опытов, но мало теории. Впрочем, в Смольном к тому времени уроки физики уже были устранены из расписания.

О своем круге чтения Ольга Николаевна пишет: «Жуковский и Плетнев, наши русские учителя, оба дружные с Пушкиным и члены литературного кружка „Арзамас“, давно уже познакомили нас с сочинениями Пушкина. Мы заучивали его стихи из „Полтавы“, „Бахчисарайского фонтана“ и „Бориса Годунова“, мы буквально глотали его последнее произведение „Капитанская дочка“, которое печаталось в „Современнике“».

Девочки также часто посещали музыкальные концерты в доме Энгельгардта, оперные и балетные постановки.

Великие княжны числились в классах Смольного женского института и при посещении института надевали форму и вставали в ряды своего класса. Однако это снова была формальность.

Об особенностях обучения великих князей и княжон Анна Тютчева отзывалась так: «Жизнь государей наших, по крайней мере, так строго распределена, они до такой степени ограничены рамками не только своих официальных обязанностей, но и условных развлечений и забот о здоровье, они до такой степени являются рабами своих привычек, что неизбежно должны потерять всякую непосредственность. Все непредусмотренное, а, следовательно, и всякое живое и животворящее впечатление навсегда вычеркнуто из их жизни. Никогда не имеют они возможности с увлечением погрузиться в чтение, беседу или размышление. Часы бьют – им надо быть на параде, в совете, на прогулке, в театре, на приеме и завести кукольную пружину данного часа, не считаясь с тем, что у них на уме или на сердце. Они, как в футляре, замкнуты в собственном существовании, созданном их ролью колес в огромной машине. Чтобы сопротивляться ходу этой машины, нужна инициатива гения. Ум, даже хорошо одаренный, характер, но без энергии Петра Великого или Екатерины II, никогда не справится с создавшимся положением. Отсюда происходит то, что как государи они более посредственны, чем были бы в качестве простых смертных. Они не рождаются посредственностями, они становятся посредственностями силой вещей. Если это не оправдывает их, то, по крайней мере, объясняет их несостоятельность. Они редко делают то добро, которое, казалось, было бы им так доступно, и редко устраняют зло, которое им так легко было бы уврачевать, не вследствие неспособности, а вследствие недостатка кругозора. Масса мелких интересов до такой степени заслоняет их взор, что совершенно закрывает от них широкие горизонты».

Светская жизнь

Дети рано начинали присутствовать на официальных церемониях, происходящих при дворе. Так, будущий Николай I и его сестра Анна уже в возрасте 1,5–2 лет танцевали на придворных балах. И если это еще можно было счесть развлечением, то участие в церемонии крестин Михаила Павловича, продолжавшейся более двух часов, представляется несомненно трудным для детей.

На крестинах сына Николая I Константина Николаевича присутствуют три его старших дочери: Мария, Ольга и Александра, которым в тот момент было соответственно восемь, пять и два года. Вспоминает Ольга Николаевна: «Следующей осенью, 9 сентября 1827 года, родился Константин, второй, долгожданный сын. Он родился уже как сын Императора, в то время как мы, старшие, родились еще детьми не венчанного на царство отца. К крестинам нам завилы локоны, надели платья-декольте, белые туфли и Екатерининские ленты через плечо. Мы находили себя очень эффектными и внушающими уважение. Но – о разочарование! – когда Папа увидел нас издали, он воскликнул: „Что за обезьяны! Сейчас же снять

ленты и прочие украшения!“ Мы были очень опечалены. По просьбе Мама нам оставили только нитки жемчуга. Сознаться? В глубине своего сердца я была согласна с отцом. Уже тогда я поняла его желание, чтобы нас воспитывали в простоте и строгости, и это ему я обязана своим вкусом и привычками на всю жизнь. Одеваться было мне всегда скучно. Мама или гувернантки заботились вместо меня об этом, и только будучи замужем, чтобы понравиться моему мужу, я научилась украшаться, и то только оттого, что мне было приятно, если Карл находил меня красивой и хорошо одетой».

Позже, в 1832 году, когда они гостили в Таллине, дети должны были совершать официальные прогулки: «По воскресеньям там играл военный оркестр. Нам надевали наши красивейшие платья, шляпы, подбитые розовым муслином, и рука об руку мы должны были проходить через публику, собравшуюся, чтобы видеть царских детей. Должна сказать, что мне было гораздо приятнее смотреть самой, чем давать себя разглядывать. Такие прогулки были обязанностью... Мы должны были также принимать сановников: военного губернатора Палена, гражданского губернатора Бенкендорфа, коменданта Паткуля, отца Сашиного друга детских игр, которому мы сделали визит, посетив его прекрасный загородный дом, расположенный на высоте над городом...»

В своей комнате дети могли, разумеется, есть вдоволь, но даже на семейных обедах, где соблюдался минимум этикета, дети часто вставали из-за стола голодными. Вот что рассказала своему биографу Ольга Александровна: «Робкой я не была, но эти семейные обеды скоро стали для меня сущей мукой. Мы с Михаилом все время ходили голодные, а хватать куски в неурочное время миссис Франклин нам не разрешала.

– Голодные? – переспросил я, не скрывая изумления.

– Ну, разумеется, еды было достаточно, – принялась объяснять Ольга Александровна, – и хотя блюда были простые, выглядели они гораздо аппетитнее, чем те, которые нам подавали в детской. Но дело в том, что существовал строгий регламент: сначала еду подавали моим родителям, затем гостям и так далее. Мы с Михаилом, как самые младшие, получали свои порции в самую последнюю очередь. В те дни считалось дурной манерой и есть слишком поспешно, и подьедать все, что положили тебе на тарелку. Когда наступал наш черед, мы успевали проглотить лишь один или два куса. Даже Ники однажды так проголодался, что совершил святотатство.

Великая княгиня рассказала мне, что каждый ребенок из Дома Романовых при крещении получал золотой крест. Крест был полый и наполнен пчелиным воском. В воск помещалась крохотная частица Животворящего Креста.

– Ники был так голоден, что открыл крест и проглотил все его содержимое. Потом ему стало очень стыдно, но он признался, что это было аморально вкусно. Я одна знала об этом. Ники не захотел рассказать о своем проступке даже Георгию и Ксении. Что же касается наших родителей, то не нашлось бы слов, чтобы выразить их негодование. Как вы знаете, все мы были воспитаны в строгом послушании канонам религии. Каждую неделю служили литургии, а многочисленные посты и каждое событие общенационального значения отмечалось торжественным молебном, все это было так же естественно для нас, как воздух, которым мы дышали. Не помню ни одного случая, чтобы кто-то из нас вздумал обсуждать какие-то вопросы религии, и все-таки, – улыбнулась Великая княгиня, – святотатство моего старшего брата ничуть нас не шокировало. Я только рассмеялась, услышав его признание, и впоследствии, когда нам давали что-то особенно вкусное, мы шептались друг другу: „Это было аморально вкусно“, – и никто нашего секрета так и не узнал.

Я снова выразил сомнение в том, чтобы наследник престола мог оказаться настолько голодным, живя во дворце, где в кухнях, кладовых, складах полно всевозможной еды.

– Это так, но существовал строгий порядок, – объяснила Великая княгиня. – Подавали завтрак, ленч, чай, обед и вечерний чай, все в строгом соответствии с инструкциями двор-

цовым буфетчикам. Некоторые из этих инструкций сохранились без изменения со времен Екатерины Великой. Скажем, в 1889 году появились маленькие булочки с шафраном, которые ежедневно подавались к вечернему чаю. Такие же булочки подавались при дворе еще в 1788 году. Мы с моим братом Михаилом то и дело проказничали, но мы просто не могли зайти украдкой в буфет и попросить бутерброд или булку. Такие вещи просто не делались».

В одиннадцать лет начинаются выходы в свет, пока еще кратковременные. «По обычаю, в одиннадцать лет я получила русское придворное платье из розового бархата, вышитого лебедями, без трена, – пишет Ольга Николаевна. – На некоторых приемах, а также на большом балу в день Ангела Папа, 6 декабря, мне было разрешено появляться в нем в Белом зале. Когда мы в него входили, все приглашенные уже стояли полукругом. Их Величества кланялись и подходили к дипломатическому корпусу. Папа открывал бал полонезом, ведя старшую чином даму дипломатического корпуса. В то время это была прелестная графиня Долли Фикельмон, жена австрийского посланника. За ними шли Мама с дядей Михаилом, затем я, под руку с графом Литта... Ввиду того что он был председателем Комиссии по постройке церквей, мне было велено навести разговор на эту тему, что я с грехом пополам и выполнила. В девять часов, когда начинался настоящий бал, я должна была уходить спать. Мне надлежало попрощаться с Мама, которая стояла в кругу стариков у ломберных столов. В то время как я повернулась, чтобы уйти в сопровождении своего пажа (его звали Жерве, и он был немногим старше меня), до меня донеслись слова Геккерна, нидерландского посла, обратившегося к Мама: „Как они прелестны оба! Держу пари, что перед сном они еще поиграют в куклы!“ Я с моим пажом! Эта мысль показалась мне невероятной, стоявшей вне моих представлений. Этот Геккерн был приемным отцом Дантеса, убившего на дуэли нашего великого поэта Пушкина».

В пятнадцать лет Ольга уже присутствует на половине бала и уходит спать только перед мазуркой. Она воспринимает это как неприятную обязанность, а не как развлечение: «В Москве мне пришлось принять участие в некоторых балах и торжественных обедах, без особой на то охоты: я всегда этого боялась, так как Папа очень следил за тем, чтобы мы все проделывали неспешно, степенно, постоянно показывая нам, как надо ходить, кланяться и делать реверанс. Мы могли танцевать только с генералами и адъютантами. Генералы всегда были немолоды, а адъютанты – прекрасные солдаты, а потому плохие танцоры. Перед мазуркой меня отсылали спать. Об удовольствии не могло быть и речи».

С ранних лет девочки начали принимать участие в благотворительности. Ольга Николаевна пишет: «Прежде чем мы покинули Москву, у Мэри (Мария Александровна. – Е. П.) явилась блестящая мысль, чтобы мы, сестры, из собственных сбережений, по примеру наших предков, учредили какой-либо общественный фонд; начальные училища для девочек оказались необходимыми. Составился дамский комитет, пожертвования со стороны предпринимателей и купцов не заставили себя ждать, так что в течение только одного года открыли 12 школ в разных частях города; они назывались „Отечественные школы“ и прекрасно работали».

Другая Ольга, дочь Александра III Ольга Александровна, тоже тяготилась своими светскими обязанностями. Она рассказывала своему официальному биографу Йену Ворресу о своем первом выходе в свет, состоявшемся в 1900 году (ей тогда было 18 лет): «Это был сущий кошмар. Выдался особенно жаркий день. В длинном бальном платье, в сопровождении несносной фрейлины, маячившей сзади меня, я чувствовала себя зверьком в клетке, которого впервые показывают публике. Вы знаете, это ощущение не покидало меня и впоследствии. Я всегда воображала себя зверьком, посаженным в клетку на цепь, всякий раз, как мне приходилось выходить в свет. Я видела толпу, и у толпы не было лица. Это было ужасно. Мне следовало бы помнить о своем происхождении и выполнять свой долг, не испытывая

такого рода чувств. Тут кроется какая-то загадка: ведь я гордилась именем, которое я ношу, и своими предками, но где-то в душе гнезвился вот этот непонятный страх...».

Александра Федоровна сознательно не вводила детей в большой свет до 16 лет. Сестры начали работать вместе с матерью в военном госпитале едва ли не раньше, чем побывали на балах. Фрейлина Александры Федоровны Анна Вырубова вспоминает: «Татьяна... часто жаловалась, что у нее нет друзей, и просила меня помочь ей завязать знакомства. Это было легче сказать, чем сделать, — императрица никогда не позволила бы своим детям знакомств, которых она предварительно не одобрила бы. Государыня боялась сближения дочерей с аристократическими семьями, так как в этих семьях дети часто воспитывались неумно и слишком свободно. Императрица не одобряла и дружбы со многими кузинами великих княжон.

...Во время войны, когда нормальный ход жизни был нарушен, великие княжны не могли выполнять тех официальных обязанностей, которые бы лежали на них в мирное время. Теперь они были сестрами милосердия, и эту работу выполняли хорошо. Ольга и Татьяна стали сестрами милосердия с первых же дней войны. Ольге было тогда девятнадцать лет, Татьяне — семнадцать. Но Ольге эта работа была не по силам, через два месяца она уже не держалась на ногах; Татьяна же, казалось, была создана сестрой милосердия, она даже жаловалась, что ей, по молодости, не поручают самых тяжелых случаев. Если бы не война, жизнь этих детей текла бы по совершенно иному руслу...

Обычно, когда великая княжна достигала совершеннолетия, давали большой официальный бал. Такой бал был дан, когда Ольге исполнилось шестнадцать лет. Впервые на ней было длинное бальное платье и волосы ее были собраны в прическу. Весь дворец утопал в цветах, и двери его были широко открыты в южную ночь. В парке играл оркестр, и молодые великие княжны порхали, как мотыльки. В этот вечер нелегко было уложить их спать, они так любили музыку и танцы».

* * *

Еще одной обязанностью детей с малых лет было посещение церкви. Анна Тютчева отмечает, что даже трехлетние малыши императорских кровей вели себя во время длинной службы благонравно, в отличие от многих придворных. «Я никогда не понимала, как удавалось внушить этим совсем маленьким детям чувство приличия, которого никогда нельзя было добиться от ребенка нашего круга. Однако не приходилось прибегать ни к каким мерам принуждения, чтобы приучить их к такому умению себя держать, оно воспринималось ими с воздухом, которым они дышали».

Такое же добросовестное отношение отмечает и «другая Тютчева» — Софья Ивановна. Она пишет о двенадцатилетней Ольге: «Хочу записать еще один случай, прекрасно характеризующий мою любимую воспитанницу Ольгу Николаевну. В торжественные дни обедню служили в церкви Большого Екатерининского дворца в Царском Селе. Дети стояли со мной на хорах. В день рождения государя, 6 мая, я приехала с девочками во дворец. Государя еще не было, и до его прихода служба не начиналась. Внизу, в церкви, собрались высокопоставленные лица, генералитет и придворные. Посмотрев на Ольгу Николаевну, я заметила, что она хмурится и выражает признаки недовольствия. „Что с вами, Ольга?“ — спросила я. „Я возмущаюсь, что все эти господа громко разговаривают в церкви, один только Петр Аркадьевич Столыпин да вот этот батюшка стоят как должно“, — ответила она. Я взглянула вниз. „Этот батюшка — епископ Арсений Новгородский“, — сказала я. „Так отчего же он их не останавливает?“ — „Он не считает себя хозяином этой церкви, это дело настоятеля, протопресвитера Благовещенского“, — пояснила я. Ольгу Николаевну это не удовлетворило: „Батюшка Благовещенский сейчас в алтаре совершает проскомидию, к тому же он старенький и глухой. Это не потому, Саванна, он просто боится. А когда придет папа, все сразу замолчат. А кто выше?

Бог или папа? Ведь митрополит Филипп не боялся говорить правду самому Иоанну Грозному“. Эти слова девочки и удивили меня, и порадовали. После обедни я отвезла девочек домой, а сама вернулась в Екатерининский дворец, чтобы присутствовать на парадном завтраке. На лестнице я встретила епископа Арсения. „Вы не подозреваете, владыка, какой о вас был сегодня утром разговор“, – смеясь, сказала я ему. Он вопросительно на меня посмотрел. Тогда я передала ему слова Ольги Николаевны. Епископ задумался и промолвил: „Великая княжна права“».

* * *

Традицией также было назначение великих княжон шефами полков. Это подразумевало участие в официальных церемониях и парадах. На этих церемониях великие княжны переодевались в платья, стилизованные под форму полка. Великая княжна Ольга Николаевна вспоминает: «Когда я проснулась в день Нового года, мне принесли пакет, отправителем которого было Военное министерство. В нем было мое назначение шефом 3-го гусарского Елисаветградского полка. Я почти задушила Папа, устроившего этот сюрприз, в своих объятиях, и он, тронутый до слез, обнял меня. Я приказала запрячь сани и поехала в Крепость к Адени, чтобы поделиться с ней своей радостью. Потом дядя Михаил провел передо мной моих гусар в их чудесной белой форме с белым ментиком. Папа непременно хотел нарядить меня так же, включая расшитые чакчиры генерала. Я же протестовала против брюк, Папа настаивал на этом, и впервые в жизни он рассердился на меня. Наконец был найден выход: вышивка должна была быть нашита на мою верхнюю юбку; со всем же остальным, включая саблю, я согласилась. Папа представил меня разным лицам в форме моего полка и заказал для полка мой портрет в форме елисаветградских гусар. Уменьшенную копию портрета он сохранил для себя; она была его любимым портретом. И когда я покинула дом после моего замужества, Папа уже с ней не разлучался. Он выразил желание, чтобы я сочинила для моих гусар полковой марш. Я сейчас же взялась за это вместе с моим стареньким Бэлингом. Я напевала ему мотивы, и он записывал их, потому что я понятия не имела о теории композиции. Результатом был марш полка, который носит мое имя в России и который и сегодня еще играют в Штутгарте для моих драгун».

Дочери Николая II вел. кнж. Ольга и Татьяна в мундирных платьях

Полвека спустя при Николае II традиции остались теми же. Анна Вырубова пишет: «Когда Ольге исполнилось шестнадцать лет, она получила звание почетного командира гусарского полка, и на бал в Ливадии была приглашена делегация этого полка. Ольга была в восторге. Формой полка был светло-голубой мундир и красные бриджи. Командир полка генерал Мартынов был замечательным красавцем – высокий, с большими усами. Ольга с увлечением танцевала с ним мазурку.

Позднее Татьяна также получила звание командира уланского полка. У обеих великих княжон была форма их полка, и, прекрасные наездницы, они красовались в ней на парадах».

Развлечения

Но не все было так мрачно в августейшем детстве. Кроме развлечений «на публику» были у детей и удовольствия для себя.

Конечно, игры и игрушки мальчиков и девочек различались. В царской семье всем детям с рождения были приписаны определенные роли, и игры, как и обучение, готовили детей к их исполнению.

М.А. Корф, биограф Николая I, пишет о детских играх будущего императора: «Оба они (великие князья Николай и Михаил. – *Е. П.*) одинаково сходились во вкусах ко всему военному, и нередко, утром, один из них шел будить другого, надев гренадерскую шапку и с алебардой на плече, для рапорта. Иногда же, подражая часовым, которых у них так много было перед глазами, они по целым часам стояли на часах, и даже, – сохранилось предание, – несмотря на строгий присмотр кавалеров, иногда по ночам вскакивали с постели, чтобы хоть немножко постоять на часах с алебардой или ружьем на плече.

С Анною Павловною игры были совершенно другие. Она более всего любила представлять императрицу. Братья устраивали карету из стульев, великая княжна садилась в нее, а они скакали по сторонам верхом, разумеется, на воображаемых конях, как бы конвоируя ее. После коронации Александра I у детей осталось в памяти воспоминание о тогдашних праздниках, и они часто представляли коронацию: императрицею была опять великая княжна, а императором всегда – Николай Павлович. Для этого они навешивали на себя все куски материй и платья, какие только можно было достать на половине великой княжны, для представления же бриллиантов, короны и проч. употребляли кусочки стекол в виде груш, ромбоидов и проч., которые, по тогдашней моде, бахромой привешивались под люстры в каждой комнате».

В игрушках царские дети не испытывали недостатка. Напротив, все люди, приближенные ко двору, прекрасно сознавали, что, сделав щедрый, выбранный с хорошим вкусом подарок детям, можно легко заслужить хорошее отношение родителей.

Вспоминает великая княжна Ольга Николаевна: «В память моего посещения монастыря в Новгороде игуменья Шишкина подарила мне крестьянскую избу, внутренность которой была из стекла, а мебель расшита цветным бисером. Кукла с десятью платьями, изготовленными монахинями, находилась в ней. Почти одновременно с этим подарком Рара подарил нам двухэтажный домик, который поставили в нашем детском зале. В нем не было крыши, чтобы можно было без опасности зажигать лампы и подсвечники. Этот домик мы любили больше всех остальных игрушек. Это было наше царство, в котором мы, сестры, могли укрываться с подругами. Туда я пряталась, если хотела быть одна, в то время как Мэри упражнялась на рояле, а Адини играла в какую-нибудь мною же придуманную игру».

В самом деле – любому ребенку требуется место, где он мог бы побыть один, и тем больше эта потребность, чем большая часть его жизни протекает на глазах других людей. Летом в Петергофе у детей была возможность обустроить себе более просторное царство, и родители, хорошо знавшие, что значит расти в царской семье, по возможности оберегали их покой.

«В то лето, когда у нас появился Мердер, Папа подарил нам остров около Петергофа – продолжает Ольга Николаевна. – Саша и товарищи его соорудили там дом из четырех комнат с салоном, мы таскали кирпичи и делали дорожки через кустарники, где до тех пор жили только одни кролики. Нам подарили лодки, для того чтобы мы научились грести. Матрос следил за нашей маленькой гаванью и учил нас морским обычаям. В кухне мы готовили настоящие обеды – я сама умела только тереть корицу для молочной каши. Небольшое возвышение было названо „Мысом Доброго Саши“, в этом видели счастливое предзнаменование.

Наряду с очень строгим воспитанием, с другой стороны, нам предоставляли много свободы. Папа требовал строгого послушания, но разрешал нам удовольствия, свойственные нашему детскому возрасту, которые сам же любил украшать какими-нибудь неожиданными сюрпризами. Без шляп и перчаток мы имели право гулять по всей территории нашего Лет-

него дворца в Петергофе, где мы играли на своих детских площадках, прыгали через веревку, лазили по веревочным лестницам трапещий или же прыгали через заборы. Мэри, самая предприимчивая из нашей компании, придумывала постоянно новые игры, в то время как я, самая ловкая, их проводила в жизнь. По воскресеньям мы обедали на Сашиной молочной ферме со всеми нашими друзьями, гофмейстерами и гувернантками, за длинным столом до тридцати приборов. После обеда мы бежали на сеновал, прыгали там с балки на балку и играли в прятки в сене. Какое чудесное развлечение! Но графиня Виельгорская находила такие игры предосудительными, так же как и наше свободное обращение с мальчиками, которым мы говорили „ты“. Это было донесено Папа: он сказал: „Предоставьте детям забавы их возраста, достаточно рано им придется научиться обособленности от всех остальных“».

Царское Село. «Фермочка»

Когда у Александра появились собственные дети, он приказал архитектору И. Монигетти построить на Детском острове в Царском Селе для восьмилетней Марии Александровны детскую «Фермочку», состоявшую из двух изб, коровника и птичника.

Л.Н. Огородникова, бывшая соседкой императорской семьи в Павловске, пишет в мемуарах об императоре: «В своих разговорах государь часто упоминал о своих детях, особенно о своей дочери Маше (Ее императорское высочество великая княгиня Мария Александровна); рассказывал о ее хозяйничанье на собственной ферме в Царском, о ее письмах из-за границы и с пути, о присылке ею из Варшавы в письме цветов липы, которые, как она знала, государь очень любил, и т. д. Мы, с своей стороны, посвящали его во все подробности нашей детской жизни...»

Такие же фермы были в Петергофе и на Каменном острове.

Позже вдоль берега Детского острова проложили маленькую железную дорогу, сделали тоннели, мосты и шлагбаумы, проложили рельсы до причала на берегу. В Петергофе, рядом с Коттеджем, выстроили большую площадку для игр, где были батут, беговая дорожка «серпантин», качели, карусель, кегельбан, площадка для игр серсо и бадминтон и др. Были в Петергофе также детская мельница и детская пожарная каланча.

Маленькая подружка сыновей Александра II А.П. Бологовская вспоминает галерею Большого дворца в Царском Селе, где «были собраны всевозможные игрушки, начиная с простых и кончая самыми затейливыми, и нашему детскому воображению представлялся тут полный простор. Помню, как сейчас, длинную вереницу всяких экипажей, приводивших нас в неописуемый восторг».

А дочь Александра III Мария Александровна вспоминала уже галерею в Гатчинском дворце: «Как нам было весело! Китайская галерея была идеальным местом для игры в прятки! Мы частенько прятались за какую-нибудь китайскую вазу. Их было там так много, некоторые из них были вдвое больше нас. Думаю, цена их была огромна, но не помню случая, чтобы кто-нибудь из нас хотя бы что-нибудь сломал...»

* * *

Дети много времени проводили на свежем воздухе. Катались в колясках, позже – верхом, на велосипедах, на лодках, даже на аквапеде – предшественнике водного велосипеда. Император Александр II был не только страстным охотником, но и удачливым грибником и часто брал с собой детей, отправляясь в лес.

Его сын Александр III также любил водить своих детей в лес. Вот еще один отрывок из воспоминаний Ольги Александровны о Гатчине: «Мы отправлялись в Зверинец – парк, где водились олени, – только мы трое и больше никого. Мы походили на трех медведей из русской сказки. Отец нес большую лопату, Михаил поменьше, а я совсем крохотную. У каждого из нас был также топорик, фонарь и яблоко. Если дело происходило зимой, то отец учил нас, как аккуратно расчистить дорожку, как срубить засохшее дерево. Он научил нас с Михаилом, как надо разводить костер. Наконец мы пекли на костре яблоки, заливали костер и при свете фонарей находили дорогу домой. Летом отец учил нас читать следы животных. Часто мы приходили к какому-нибудь озеру, и Папа учил нас грести. Ему так хотелось, чтобы мы научились читать книгу природы так же легко, как это умел делать он сам. Те дневные прогулки были самыми дорогими для нас уроками».

Александр также приохотил семью к рыбной ловле. Младшая сестра Ольги Ксения как-то записала в своем дневнике: «Мама и я пошли в Адмиралтейство, где сначала кормили уток, а потом, забрав матроса и удочки, отправились на „Моя“ (шлюпка „Моя-моя“) под большой мост около Зверинца, где высадились и стали ловить рыбу! Чрезвычайно увлекательно! Мама ловила все окуней, а я плотву, и наловила очень много, что меня обидело».

Зимой дети катались на санях и с террас Гатчинского дворца – на салазках. Играли в снежки и лепили огромную снежную бабу – на работу у всей семьи, включая императора, уходило несколько дней. Катались также на коньках – на катках в Таврическом и Аничковом саду.

Также весело развлекались дети Николая II, но уже не в Гатчине, а в Царском Селе. Вот что пишет Софья Тютчева: «В Царском Селе девочки любили кататься на коньках и спускаться с ледяной горы, которая была устроена для них в Александровском парке. В это время на прогулку обыкновенно выходил и государь, который очень любил расчищать дорожки от снега. Как-то раз, проходя неподалеку от катка, я увидела государя за этой работой. Но он был так ею увлечен, что не заметил меня и высморкался по-русски – в пальцы. Увидев меня, он смутился и сказал: „Как вы думаете, Софья Ивановна, хорошим бы я мог быть дворником?“ Вообще государь очень любил всяческие физические упражнения. Он говорил, что это для него лучший отдых после занятий государственными делами».

Николай II с дочерьми на байдарках

Весной, как только вскрывался лед на каналах в Александровском парке, государь и дети вооружались баграми и шли вылавливать льдины. В этом занятии принимал участие и весь персонал детской половины с дядькой наследника, матросом Деревенко во главе. Не отставала от них, конечно, и я, причем неоднократно получала одобрение государя. Он говорил: „Видно, что вы много жили в деревне“. Наследник бегал по берегу и громко выражал свою радость при каждом всплеске воды. Вообще, сколько здесь было шума и веселья! До сих пор вспоминаю с удовольствием об этом времени. Забрызганные водой, покрасневшие, веселые, возвращались дети домой. Когда же каналы окончательно освобождались ото льда, представлялось новое удовольствие: на воду спускались байдарки, и государь с детьми, чаще всего с наследником, катались по каналам, причем государь всегда греб сам. Иногда за ним следовала целая „флотилия“: в одной байдарке – две старшие девочки со мной (гребли мы по очереди), в другой – две младшие с матросом Деревенко».

* * *

Еще со времен детства Николая I во дворце появился обычай приглашать детей высшего дворянства для игр с императорскими детьми. Так, упоминавшаяся выше Юлия Баранова, в бытность свою Юлией Адлерберг, была подружкой великой княжны Анны Павловны.

Ольга Александровна также вспоминает своих маленьких товарищей по играм. «Для маленьких Ольги и Миши воскресенье было радостным днем. В этот день им разрешалось приглашать к себе в гости детей из знатных семейств, – пишет ее биограф Йен Воррес. – Те приезжали из Петербурга на поезде, чтобы напиться чаю и поиграть с Царскими детьми

пару часов. В дальней части дворца для юных гостей было отведено тринадцать комнат, являвшихся частью апартаментов Императора Павла I.

— Однажды один из моих самых любимых товарищей по играм, сынишка графа Шереметева (Шереметьев — существует два варианта написания этой фамилии. — *Е. П.*), погибшего в Борках, где-то раздобыл медвежью шкуру — с головой, лапами, с когтями и прочим. Напялив ее на себя, он стал на четвереньках ползать по коридорам дворца, издавая при этом грозное рычание. Старик Филипп, работавший на кухне, неожиданно наткнулся на страшного „зверя“. Похолодев от страха, бедняга вскочил на один из длинных столов, стоявших вдоль коридора, и бросился бежать с криком: „Господь Всемогуший, во дворце медведь! Помогите!“ Мы так испугались, что Мама может узнать об этой проделке!»

Компанию детям часто составляли и ручные животные. Как правило, это были собаки, но у детей Александра III был ручной волчонок (разумеется, его держали не во дворце, а в парке) и заяц Куку.

По воспоминаниям Ольги Александровны, во время путешествий на яхте «Держава» в Данию к родителям Марии Федоровны детям «...разрешали брать с собой некоторых своих домашних животных, но только не зайца Куку и не волчонка, которые были еще слишком дикими. И все равно яхта походила на Ноев ковчег. На борту судна находилась даже корова. Путешествие продолжалось ровно трое суток, и Мама считала, что без свежего молока никак нельзя обойтись».

В Александровском парке был зверинец, где со времен Николая I и вплоть до 1917 года содержали слонов и лам. Дети любили наблюдать за их купанием.

* * *

Особыми праздниками являлись Рождество и Новый год. Обычай наряжать на Новый год елку привезла в Россию жена императора Павла Мария Федоровна.

В 1818 году она устроила елку в Москве, а на следующий год — в петербургском Аничковом дворце. На Рождество 1828 года организовали первый праздник «детской елки» в Зимнем дворце для пяти императорских детей и дочерей великого князя Михаила Павловича. Елка была установлена в Большой столовой дворца.

Вот что пишет Мария Фредерикс, побывавшая девочкой на елках, устроенных для детей Николая I.

«Накануне Рождества Христова, в сочельник после всенощной, у императрицы была всегда елка для ее августейших детей, и вся свита приглашалась на этот семейный праздник. Государь и царские дети имели каждый свой стол с елкой, убранной разными подарками, а когда кончалась раздача подарков самой императрицей, тогда выходили в другую залу, где был приготовлен большой длинный стол, украшенный разными фарфоровыми изящными вещами с императорской Александровской мануфактуры. Тут разыгрывалась лотерея между всей свитой, государь обыкновенно выкрикивал карту, выигравший подходил к ее величеству и получал свой выигрыш-подарок из ее рук.

С тех пор, что я себя помню, с моих самых юных лет, я всегда присутствовала на этой елке и имела тоже свой стол, свою елку и свои подарки. Эти подарки состояли из разных вещей соответственно летам; в детстве мы получали игрушки, в юношестве — книги, платья, серебро; позже — брильянты и т. п. У меня еще до сих пор хранится с одной из царских елок: письменный стол со стулом к нему, на коем и сижу в эту минуту; сочинения Пушкина и Жуковского, серебро и разные другие вещи. Елку со всеми подарками мне потом привозили домой, и я долго потешалась и угощалась с нее.

Нас всегда собирали сперва во внутренние покои ее величества; там мы около закрытых дверей концертного зала или ротонды в Зимнем дворце, в которых обыкновенно про-

исходила елка, боролись и толкались, все дети между собою, царские включительно, кто первый попадет в заветный зал. Императрица уходила вперед, чтобы осмотреть еще раз все столы, а у нас так и билось сердце радостью и любопытством ожидания. Вдруг слышался звонок, двери растворялись, и мы вбежали с шумом и гамом в освещенный тысячью свечами зал. Императрица сама каждого подводила к назначенному столу и давала подарки. Можно себе представить, сколько радости, удовольствия и благодарности изливалось в эту минуту. Так все было мило, просто, сердечно, несмотря на то что было в присутствии государя и императрицы; но они умели, как никто, своей добротой и лаской удалять всякую натянутость этикета. Более полвека теперь прошло, много воды утекло, а как представится это счастливое прошлое, невольно слезы навертываются на глаза.

24 декабря 1855 года Анна Тютчева записывает в дневнике: «Была особая елка для императрицы, елка для императора, елка для каждого из детей императора и елка для каждого из детей великого князя Константина. Словом, целый лес елок. Весь большой Золотой зал был превращен в выставку игрушек и всевозможных прелестных вещиц. Императрица получила бесконечное количество браслетов... образа, платья и т. д. Император получил от императрицы несколько дюжин рубашек и платков, мундир, картины и рисунки».

Запомнились рождественские праздники и Ольге Александровне. Йен Воррес с ее слов рассказывает: «За несколько недель до Рождества во дворце начиналась суматоха; прибывали посыльные с какими-то пакетами, садовники несли многочисленные елки, повара сбивались с ног. Даже личный кабинет Императора был завален пакетами, на которые Ольге и Мише было запрещено смотреть. В тесной кухне в задней части детских апартаментов миссис Франклин священнодействовала, готовя сливовые пудинги. Такое блюдо без труда могли бы приготовить и повара, но миссис Франклин и слышать не хотела о том, чтобы переложить эту обязанность на чужие плечи.

К Сочельнику все уже было готово. Пополудни во дворце наступало всеобщее затишье. Все русские слуги стояли возле окон, ожидая появления первой звезды. В шесть часов начинали звонить колокола Гатчинской дворцовой церкви, созывая верующих к вечерне. После службы устраивался семейный обед.

– Обедали мы в комнате рядом с банкетным залом. Двери зала были закрыты, перед ними стояли на часах казаки Конвоя. Есть нам совсем не хотелось – так мы были возбуждены – и как же трудно нам было молчать! Я сидела, уставясь на свой нож и вилку, и мысленно разговаривала с ними. Все мы, даже Ники, которому тогда уже перевалило за двадцать, ждали лишь одного – когда же уберут никому не нужный десерт, а родители встанут из-за стола и отправятся в банкетный зал.

Но и дети, и все остальные должны были ждать, пока Император не позвонит в колокольчик. И тут, забыв про этикет и всякую чинность, все бросались к дверям банкетного зала. Двери распахивались настежь, и „мы оказывались в волшебном царстве“.

Весь зал был уставлен рождественскими елками, сверкающими разноцветными свечами и увешанными позолоченными и посеребренными фруктами и елочными украшениями. Ничего удивительного! Шесть елок предназначались для семьи и гораздо больше – для родственников и придворного штата. Возле каждой елки стоял маленький столик, покрытый белой скатертью и уставленный подарками.

В этот праздник даже Императрица не возмущалась суматохой и толкотней. После веселых минут, проведенных в банкетном зале, пили чай, пели традиционные песни. Около полуночи приходила миссис Франклин и уводила не успевших прийти в себя детей назад в детские. Три дня спустя елки нужно было убирать из дворца. Дети занимались этим сами. В банкетный зал приходили слуги вместе со своими семьями, а Царские дети, вооруженные ножницами, взбирались на стремянки и снимали с елей все до последнего украшения. Все изящные, похожие на тюльпаны подсвечники и великолепные украшения, многие из них

были изготовлены Боленом и Пето, раздавались слугам. До чего же они были счастливы, до чего же были счастливы и мы, доставив им такую радость!»

Подарки для родителей дети готовили своими руками.

Замужество

Следующим этапом в жизни великих княжон было семнадцатилетие, когда заканчивалось их воспитание и они получали собственные покои и собственных фрейлин. Теперь они были готовы сыграть свою роль в политической пьесе, называемой «Союз двух правящих домов».

Павел I выдал двух старших дочерей в один день. Александру – за Иосифа Антона Иоганна Габсбург-Лотарингского, эрцгерцога Австрийского и палатина Венгерского; Елену – за наследного герцога Мекленбург-Шверинского. И если в Мекленбурге русская княжна могла пожаловаться разве что на скромность обстановки, то Александре пришлось по-настоящему тяжело. Старший брат Иосифа и его жена были предубеждены против Александры из-за старых семейных распрей, кроме того, они убеждали ее сменить веру и перейти в католичество. По словам духовника палатины Андрея Самборского: «После сего возгорелось против невинной жертвы непримиримое мщение; после сего не нужно вычислять всех неприятностей, которыми нарушалось душевное спокойствие ее высочества... Одна только дама между всеми непрестанно внушала, дабы великая княгиня всемерно старалась показать свою любовь супругу в высочайшей степени, и таким образом, возобладав над его сердцем, располагала бы его мыслями по своему желанию. Не по чистой совести и сия дама таковые советы внушала, но с той целью, чтобы некоторые политики, чрез посредство ее высочества, могли действовать на палатина, который против них был весьма скрытен и не согласен с их планами». Когда палатина забеременела, врач, приставленный к ней по приказу императрицы, «более искусен был в интригах, нежели в медицине, а притом в обхождении был груб». Александра умерла в родах, умер и ее новорожденный ребенок. Через два года скончалась и ее сестра Елена. Ей было всего восемнадцать лет, и она родила двоих детей за три года, что сильно истощило ее организм.

Летом 1807 года, во время встречи Александра I и Наполеона в Тильзите, министр иностранных дел Франции Талейран по поручению своего императора начал вести переговоры о браке Наполеона с третьей дочерью Павла – Екатериной. Однако великую княжну такой брак вовсе не прельщал. По свидетельству фрейлины М.С. Мухановой, Екатерина Павловна заявила брату: «Я скорее выйду замуж за последнего русского истопника, чем за этого корсиканца». Александр был с нею согласен, и Екатерину Павловну поторопились выдать замуж за принца Георга Ольденбургского, нашедшего приют при дворе русского императора, после того как герцогство Ольденбургское в 1808 году было аннексировано Наполеоном. Супруги поселились в Петербурге в Аничковом дворце, позже переехали в Тверь. Они прожили вместе три года, и Георг не только показал себя деятельным и хозяйственным губернатором Твери, но и издал сборник стихотворений под названием «Поэтические попытки», украшенный рисунками и арабесками работы Екатерины Павловны. В 1816 году Екатерина вступила во второй брак с наследным принцем вюртембергским Вильгельмом, в том же году взошедшим на престол. Самая младшая сестра Анна была без всяких приключений выдана за принца Оранского, впоследствии короля нидерландского Виллема II.

* * *

Русские великие княжны являлись завидными невестами – Россия была одной из могущественнейших и богатейших держав Европы. Но от них требовался особый склад харак-

тера: они должны были одновременно оставаться совершенно невинными и управлять своим сердцем с расчетливостью зрелых, хорошо знающих жизнь женщин.

Вел. кнж. Ольга Николаевна

Разумеется, это им редко удавалось, и «старшие» сурово их отчитывали. Рассказывает Ольга Николаевна: «Наша тетя Елена (жена Великого князя Михаила Павловича) находила, что мы живем слишком замкнуто среди одинаково мыслящих, ни одна новая идея не проникает к нам, и нас нужно бы несколько встряхнуть в нашем девичьем спокойствии. В один прекрасный день она услышала, как мы поем припев одного романса о том, что только озаренный любовью день прекрасен, и спросила нас, понимаем ли мы смысл этих слов. Последовали один за другим вопросы, из которых стало ясно, насколько мы слепы и далеки от жизни. Приобщением к светской жизни, конечно, я обязана ей. Она приезжала за мною, чтобы взять на свои вечера, на которые приглашали массу молодежи; в Михайловском дворце устраивались живые картины, в которых должна была принимать участие и я, и однажды меня пригласили на несколько часов на Елагин остров. Там я произвела, как мне потом говорили, впечатление испуганной лани. В фейерверке игривых слов, галантных шуток и ничего не значащей болтовни, как это принято молодежью в обществе, я чувствовала себя вначале потерянной. Это была атмосфера, полная магнетической силы, свойственной молодежи, и в конце концов и я подпала под ее влияние. Я поймала на себе взгляд, который уже сопровождал меня в обществе тети Елены. Прежде чем я успела что-то понять, этот взгляд уже заглянул в мою душу. Я не могу передать того, что я пережила тогда: сначала испуг, потом удовлетворение и, наконец, радость и веселье. По дороге домой я была очень разговорчива и необычайно откровенна и рассказала Анне Алексеевне обо всех моих впечатлениях. Она стала моей поверенной, и ни одного чувства я не скрывала от нее. Я вспоминаю еще сегодня, как она спросила меня: „Нравится он Вам?“ – „Я не знаю, – ответила я, – но я нравлюсь ему“. – „Что же это значит?“ – „Мне это доставляет удовольствие“. – „Знаете ли

Вы, что это ведет к кокетству и что это значит?“ – „Нет“. – „Из кокетства развивается интерес, из последнего – внимание и чувство, с чувством же вся будущность может пошатнуться; Вы знаете прекрасно, что замужество с неравным для Вас невозможно. Если же Вам подобное „доставляет удовольствие“, то это опасное удовольствие, которое не может хорошо кончиться. О Вас начнут сплетничать, репутация молодой девушки в Вашем положении очень чувствительна; не преминут задеть насмешкой и того, кто стоит над Вами. Помните это всегда!“».

Наперсницами великих княжон часто становились фрейлины и сестры. Так, Ольга Николаевна мечтала о замужестве вместе со своей сестрой Александрой (Адини).

«Мы много говорили с ней, особенно о будущем, так как мы были еще очень молоды, чтобы говорить о прошлом. Чаще всего речь шла о наших будущих детях, которых мы уже страстно любили и верили, что внушим им уважение ко всему прекрасному и прежде всего к предкам и их делам и привьем им любовь и преданность семье. Наши будущие мужья не занимали нас совершенно, было достаточно, что они представлялись нам безупречными и исполненными благородства».

Первой из дочерей Николая I вышла замуж старшая, Мария. Она не захотела покидать Россию и выбрала в мужья Максимилиана Лейхтенбергского, который согласился приехать на родину жены и служить в российской армии.

Свадьба была пышной, обстановка, окружавшая молодую чету, – великолепной. Ольга Николаевна пишет: «Приданое Мэри было выставлено в трех залах Зимнего дворца: целые батареи фарфора, стекла, серебра, столовое белье, словом, все, что нужно для стола, в одном зале; в другом – серебряные и золотые принадлежности туалета, белье, шубы, кружева, платья, и в третьем зале – русские костюмы, в количестве двенадцати, и между ними – подвенечное платье, воскресный туалет, так же как и парадные платья со всеми к ним полагающимися драгоценностями, которые были выставлены в стеклянных шкафах: ожерелья из сапфиров и изумрудов, драгоценности из бирюзы и рубинов. От Макса она получила шесть рядов самого отборного жемчуга. Кроме этого приданого, Мэри получила от Папы дворец (который был освящен только в 1844 году) (Мариинский дворец на Исаакиевской площади. – Е. П.) и прелестную усадьбу Сергиевское, лежавшую по Петергофскому шоссе и купленную у Нарышкиных... В пурпурной императорской мантии, отделанной горностаем, Мэри выглядела невыгодно: она совершенно скрывала тонкую фигуру, и корона Великой княжны тяжело лежала на ее лбу и не шла к ее тонкому личику. Но его выражение было приветливым, даже веселым, а не сосредоточенным, как то полагалось. В браке она видела освобождение от девичества, а не ответственность и обязанности, которые она принимала на себя».

Но жизнь на чужбине была тяжела для Максимилиана. Его плохо приняли в царской семье, из-за того что он состоял в родстве с Наполеоном и исповедовал католичество, и при дворе у него было множество недоброжелателей. Анна Тютчева, описывая свой визит в Мариинский дворец, пишет: «...Я отправилась к великой княгине Марии Николаевне, которой была обязана своим назначением ко двору. Я застала ее в роскошном зимнем саду, окруженной экзотическими растениями, фонтанами, водопадами и птицами, настоящим миражом весны среди январских морозов. Дворец великой княгини Марии Николаевны был поистине волшебным замком, благодаря щедрости императора Николая к своей любимой дочери и вкусу самой великой княгини, сумевшей подчинить богатство и роскошь, которыми она была окружена, разнообразию своего художественного воображения. Это была, несомненно, богатая и щедро одаренная натура, соединявшая с поразительной красотой тонкий ум, приветливый характер и превосходное сердце, но ей не доставало возвышенных идеалов, духовных и умственных интересов. К несчастью, она была выдана замуж в возрасте 17 лет за принца Лейхтенбергского, сына Евгения Богарнэ, красивого малого, кутилу и игрока,

который, чтобы пользоваться большей свободой в собственном разврате, постарался деморализовать свою молодую жену.

Вел. кн. Мария Николаевна

В общественной среде петербургского высшего света, где господствуют и законодательствуют исключительно тщеславие, легкомыслие и стремление к удовольствиям, деморализация – нетрудное дело. В этом мире, столь наивно развращенном, что его нельзя даже назвать порочным, среди жизни на поверхности, жизни для внешности, нравственное чувство притупляется, понятия добра и зла стираются, и вы встречаетесь в этих сферах со своеобразным явлением людей, которые, при всех внешних признаках самой утонченной цивилизации, в отношении кодекса морали имеют самые примитивные представления дикарей. К числу таковых принадлежала и великая княгиня. Не без неприятного изумления можно было открыть в ней, наряду с блестящим умом и чрезвычайно художественными вкусами, глупый и вульгарный цинизм».

После смерти Максимилиана Мария тайно обвенчалась с графом Григорием Строгановым, и супруги поселились в Италии. Император о втором браке дочери так и не узнал. Анна Тютчева признается: «Император Николай имел достаточно высокое представление о своем самодержавии, чтобы в подобном случае насильственно расторгнуть брак, послать гр. Строганова на верную смерть на Кавказ и заточить свою дочь в монастырь. К счастью, он никогда не подозревал о событии, которое навсегда оттолкнуло бы его не только от любимой дочери, но также и от наследника и наследницы, которые содействовали этому браку».

* * *

Следующей вышла замуж младшая дочь – Адини, опередив Ольгу и «перебив» у нее жениха, Фрица Гессенского. Однако Ольга не была в претензии: очевидно, что в императорском дворце неожиданно расцвела искренняя любовь.

«Фриц Гессенский сидел за столом подле меня, – пишет Ольга. – Мне он показался приятным, веселым, сейчас же готовым смеяться, в его взгляде была доброта. Только на следующий день, незадолго до бала в Большом Петергофском дворце, он впервые увидел Адини. Я была при этом и почувствовала сейчас же, что при этой встрече произошло что-то значительное. Я испугалась; это было ужасное мгновение. Но я сейчас же сказала себе, что я не могу стать соперницей собственной сестры. Целую неделю я страшно страдала. Мои разговоры с Фрицем Гессенским были совершенно бессмысленны: он вежливо говорил со мной, но стоило только появиться Адини, как он сейчас же преображался. Однажды после обеда Адини думала, что она одна, и села за рояль; играя очень посредственно, она сумела вложить в свою игру столько выражения, что казалось, что она изливает свою душу в этой игре. Теперь мне все стало ясно, и я вошла к ней. Что произошло между нами, невозможно описать словами, надо было слышать и видеть, чтобы понять, сколько прекрасного было в этом прелестном создании. Да будет священной твоя память!»

К несчастью, Адини умерла спустя год после свадьбы, а Ольга долго не могла найти себе пару. Противоречие между желаниями сердца и политическим расчетом ясно представлялось ей.

«По вечерам ко мне приходили молодые фрейлины, чаще других Вера Столыпина, – пишет она. – Мы поверяли друг другу наши желания и мысли, мы говорили о наших ошибках и недостатках и мечтали устранить их, энергично работая над собой. Но какую же работу можно выполнять, оставаясь в девушках! Таким образом у нас пробудилась мысль о замужестве. Для Веры был выбор свободен, для меня очень ограничен, особенно если герой моей мечты окажется не одного со мной круга. Такие мысли вызывали во мне грусть, сознание, что я родилась Великой княжной, угнетало...

Брак, каким я представляла его, должен был быть построен на уважении, абсолютном доверии друг к другу и быть союзом в этой и потусторонней жизни. Молодые девушки, главным образом принцессы в возрасте, когда выходят замуж, достойны сожаления, бедные существа! В готском Альманахе указывается год твоего рождения, тебя приезжают смотреть, как лошадь, которая продается. Если ты сразу же не даешь своего согласия, тебя обвиняют в холодности, в кокетстве или же о тебе гадают, как о какой-то тайне. Была ли я предназначена для монастыря или же во мне таилась какая-то несчастливая страсть? Так говорили в моем случае».

Готский альманах (Almanach de Gotha), который упоминает Ольга Николаевна, – генеалогический сборник, издававшийся ежегодно с 1763 года в немецком городе Гота и включавший в себя родословные росписи правящих домов и наиболее значительных родов титулованного дворянства Европы.

Наконец нашелся жених, устроивший и родителей, и саму Ольгу, – Карл Вюртембергский, и Ольга мгновенно уверилась в том, что именно он предназначен Богом ей в мужья. «Возвратившись домой, мы узнали, что почтовый пароход Неаполь–Палермо, который должен был привезти нам весть, что приезжает Вюртембергский кронпринц, опоздал из-за непогоды на двенадцать часов, из-за чего принц прибыл одновременно с письмом, извещавшим о его визите. Тотчас Кости был отправлен в отель, где остановился гость, чтобы приветствовать его и привезти к нам.

Я была готова с переодеванием еще раньше, чем Мама. В белом парадном платье с кружевами и розовой вышивкой, с косой, заколотой наверх эмалевыми шпильками, прежде чем войти, я подождала минуту перед дверью в приемную. Два голоса слышались за ней: молодой, звонкий голос Кости и другой, мужской, низкий. Что-то неопишное произошло в тот миг, как я услышала этот голос, я почувствовала и узнала: это он! Несмотря на то что мое сердце готово было разорваться, я вошла спокойно и без смущения. Он взял мою руку, поцеловал ее и сказал медленно и внятно, голосом, который я тотчас же полюбила за его мягкость: „Мои Родители поручили мне передать вам их сердечнейший привет“, – при этом его глаза смотрели на меня внимательно, точно изучая».

Непонятно, была ли это искренняя страсть, или девушка, уставшая от того, что на нее «приезжают смотреть, как на лошадь», внушила себе любовь с первого взгляда. Во всяком случае, она и Карл прожили вместе долгую жизнь и, по-видимому, были счастливы.

* * *

Мужей великим княжнам выбирали, как правило, среди многочисленных германских принцев – эта традиция сложилась еще в конце XVIII века. Во второй половине XIX века наметились отклонения от традиции. Так, дочь Александра II Мария была выдана за принца Альфреда, герцога Эдинбургского, второго сына королевы Виктории. Супружество оказалось несчастливим: невестка не ладила со свекровью. Королева настаивала, что титул «Ее Королевское Высочество», принятый Марией Александровной после свадьбы, должен заменить титул «Ее Императорское Высочество», который принадлежал ей по рождению, на что Мария не согласилась и титуловалась «Ее Королевское и Императорское Высочество» и «Ее Императорское и Королевское Высочество». Кроме того, ей казалось несправедливым, что принцесса Уэльская, дочь датского короля Кристиана IX, предшествует ей, дочери русского императора.

* * *

Старшая дочь Александра III Ксения вышла замуж за своего двоюродного дядю, великого князя Александра Михайловича. Александр не без юмора описывает перипетии этой свадьбы.

« – Когда же твоя свадьба? – спросил меня отец, когда я возвратился в С.-Петербург.

– Я должен ждать окончательного ответа Их Величеств.

– Находиться в ожидании и путешествовать, кажется, две вещи, которые ты в состоянии делать, – неторопливо сказал отец. – Это становится уже смешным. Ты должен наконец создать свой домашний очаг. Прошел целый год с тех пор, как ты говорил с Государем. Пойди к Его Величеству и испроси окончательный ответ.

– Я не хочу утруждать Государя, чтобы не навлечь его неудовольствия.

– Хорошо, Сандро. Тогда мне придется самому заняться этим делом.

И не говоря ни слова, отец мой отправился в Аничков дворец, чтобы переговорить с Государыней окончательно, оставив меня в состоянии крайнего волнения. Я знал, что отец мой обожает Великую Княжну Ксению и сделает все, что в его силах, чтобы получить согласие ее царственных родителей на наш брак. Но я знал также и Императрицу.

Она не переносила, чтобы ее торопили или же ей противоречили, и я опасался, что она сгоряча даст отрицательный ответ и отрежет возможность дальнейших попыток.

Я помню, что сломал в своем кабинете по крайней мере дюжину карандашей, ожидая возвращения моего отца. Мне казалось, что с тех пор, как он ушел, прошла целая вечность.

Вдруг раздался звонок в комнате его камердинера, и вслед за тем я услышал его знакомые твердые шаги. Он никогда не поднимался быстро по лестнице. На этот раз он поднимался прямо бегом. Лицо его сияло. Он чуть не задушил меня в своих объятьях.

– Все устроено, – сказал он, входя, – ты должен отправиться сегодня к Ксении в половине пятого.

– Что сказала Императрица? Она рассердилась?

– Рассердилась? Нет слов, чтобы описать ее гнев. Она ужасно меня бранила. Говорила, что хочу разбить ее счастье. Что не имею права похитить у нее ее дочь. Что она никогда не будет больше со мною разговаривать. Что никогда не ожидала, что человек моих лет будет вести себя столь ужасным образом. Грозила пожаловаться Государю и попросить его покарать все наше семейство.

– Что же ты ответил?

– Ах – целую уйму разных вещей! Но к чему теперь все это. Мы ведь выиграли нашу борьбу. А это главное. Мы выиграли, и Ксения – наша...

М. Зичи. Венчание вел кнж. Ксении Александровны 25 июля 1894 г. в Большой церкви Петергофского дворца

20 июля мы возвратились в столицу, чтобы посетить выставку приданого, которая была устроена в одной из дворцовых зал.

В конце зала стоял стол, покрытый приданным жениха. Я не ожидал, что обо мне позаботятся также, и был удивлен. Оказалось, однако, что, по семейной традиции, Государь дарил мне известное количество белья. Среди моих вещей оказались четыре дюжины дневных рубаш, четыре ночных и т. д. – всего по четыре дюжины. Особое мое внимание обратил на себя ночной халат и туфли из серебряной парчи. Меня удивила тяжесть халата.

– Этот халат весит шестнадцать фунтов, – объяснил мне церемониймейстер.

– Шестнадцать фунтов? Кто же его наденет?

Мое невежество смутило его. Церемониймейстер объяснил мне, что этот халат и туфли по традиции должен надеть новобрачный, пред тем как войти в день венчания в спальную своей молодой жены. Этот забавный обычай фигурировал в перечне правил церемониала нашего венчания наряду с еще более нелепым запрещением жениху видеть невесту накануне свадьбы. Мне не оставалось ничего другого, как вздохнуть и подчиниться. Дом Романовых не собирался отступать от выработанных веками традиций ради автора этих строк.

Сутки полного одиночества и бессильных проклятий по адресу охранителей традиции, и наконец долгожданный день наступил. Наша свадьба должна была состояться как раз в той же церкви Петергофского Большого Дворца, в которой я присягал в день моего совершеннолетия. Эта церковь была избрана мною ввиду моей суеверной неприязни к столице.

За обрядом одевания невесты наблюдала сама Государыня при участии наиболее заслуженных статс-дам и фрейлин. Волосы Ксении были положены длинными локонами, и на голове укреплена очень сложным способом драгоценная корона.

Я помню, что она была одета в такое же серебряное платье, что и моя сестра Анастасия Михайловна и как все Великие Княжны в день их венчания. Я помню также бриллиантовую корону на ее голове, несколько рядов жемчуга вокруг шеи и несколько бриллиантовых украшений на ее груди.

Наконец мне показали невесту, и процессия двинулась. Сам Государь Император вел к венцу Ксению. Я следовал под руку с Императрицей, а за нами вся остальная Царская фамилия в порядке старшинства. Миша и Ольга, младшие брат и сестра Ксении, мне подмигивали, и я должен был прилагать все усилия, чтобы не рассмеяться. Мне рассказывали впоследствии, что „хор пел божественно“. Я же был слишком погружен в мои мысли о предстоящем свадебном путешествии в Ай-Тодор, чтобы обращать внимание на церковную службу и наших придворных певчих...

Мы возвращались во дворец в том же порядке, с тою лишь разницей, что я поменялся местом с Государем и шел впереди под руку с Ксенией.

– Я не могу дождаться минуты, когда можно будет освободиться от этого дурацкого платья, – шепотом пожаловалась мне моя молодая жена. – Мне кажется, что оно весит прямо пуды. Как бы я хотела поскорее встать из-за стола. Посмотри на папа, он прямо без сил...

Только в 11 час. вечера мы могли переодеться и уехать в придворных экипажах в пригородный Ропшинский дворец, где должны были провести нашу брачную ночь. По дороге нам пришлось переменить лошадей, так как кучер не мог с ними справиться...

Ропшинский дворец и соседнее село были так сильно иллюминированы, что наш кучер, ослепленный непривычным светом, не заметил маленького мостика через ручей, и мы все – три лошади, карета и новобрачные – упали в ручей. К счастью, Ксения упала на дно экипажа, я на нее, а кучер и камер-лакей упали прямо в воду. К счастью, никто не ушибся, и к нам на помощь подоспела вторая карета, в которой находилась прислуга Ксении. Большая шляпа с страусовыми перьями Ксении и пальто, отделанное горностаем, были покрыты грязью,

мои лицо и руки были совершенно черны. Князь Вяземский, встречавший нас при входе в Ропшинский дворец, как опытный царедворец, не проронил ни одного слова...

Семья вел. кн. Ксении Александровны и вел. кн. Александра Михайловича. 1911 г.

Нас оставили одних... Это было впервые со дня нашего обручения, и мы едва верили своему счастью. Может ли это быть, что никто не помешает нам спокойно поужинать!

Мы подозрительно покосились на двери и затем... расхохотались. Никого! Мы были действительно совсем одни. Тогда я взял ларец с драгоценностями моей матери и преподнес его Ксении. Хотя она и была равнодушна к драгоценным камням, она все же залюбовалась красивой бриллиантовой диадемой и сапфирами.

Мы расстались в час ночи, чтобы надеть наши брачные одежды. Проходя в спальную к жене, я увидел в зеркале отражение моей фигуры, задрапированной в серебряную парчу, и мой смешной вид заставил меня снова расхохотаться. Я был похож на оперного султана в последнем акте...

На следующее утро мы возвратились в С.-Петербург для окончания свадебного церемониала, который заключался в приеме поздравлений дипломатического корпуса в Зимнем Дворце, в посещении усыпальницы наших царственных предков в Петропавловском соборе и поклонении чудотворной иконе Спасителя в домике Петра Великого. На вокзале нас ожидал экстренный поезд. Быстро промчались семьдесят два часа пути, и новая хозяйка водворилась в Ай-Тодор. Здесь мы строили планы на многие годы вперед и рассчитывали прожить жизнь, полную безоблачного счастья».

* * *

По-другому сложилась судьба ее младшей сестры Ольги Александровны. Родители, желая оставить ее в России, выбрали ей в мужа еще одного представителя рода Ольденбургских – Петра Александровича. Брак, заключенный без малейшей склонности с обеих сторон, не мог быть счастливым и в течение долгих лет оставался чистой формальностью, так как Петр, будучи гомосексуалом, не стремился к супружеским отношениям. Ольга Алек-

сандровна пишет: «Иногда мне приходило в голову, что нам, Романовым, лучше бы родиться без сердца. Мое сердце было еще свободным, но я была связана узами брака с человеком, для которого я была всего лишь носительницей Императорской фамилии. Чтобы потрафить своей жесткой, честолюбивой матери, он стал номинальным зятем Императора. Если бы я вздумала рассказать кузену Петру о своем сердце, истосковавшемся по любви и нежности, он счел бы меня сумасшедшей».

В 1903 году Ольга познакомилась в Гатчине с офицером Кирасирского полка Николаем Куликовским. «Это была судьба, – рассказывает она. – И еще – потрясение. Видно, именно в тот день я поняла, что любовь с первого взгляда существует... Мне было двадцать два года, впервые в жизни я полюбила, и я знала, что любовь мою приняли и ответили взаимностью».

Ей пришлось ждать развода долгих десять лет. Впрочем, Петр Александрович взял Куликовского в адъютанты и сообщил ему, что он может поселиться в особняке великой княгини на Сергиевской улице. В 1914 году великая княгиня в качестве сестры милосердия отправилась на фронт, а Куликовский последовал за своим полком. Развод состоялся в 1915 году, и в 1916-м Ольга с Николаем обвенчались. У них было два сына, Тихон и Гурий.

Вел. кнж. Ольга Александровна

Протопресвитер Георгий Шавельский, навещавший великую княгиню в Крыму перед ее отъездом в эмиграцию, писал: «Следующее мое свидание с вел. княгиней Ольгой Александровной было 12 ноября 1918 года в Крыму, где она жила со вторым своим мужем, ротмистром гусарского полка Куликовским. Тут она еще более опростилась. Не знаящему ее трудно было бы поверить, что это великая княгиня. Они занимали маленький, очень бедно обставленный домик. Великая княгиня сама нянчила своего малыша, стряпала и даже мыла белье. Я застал ее в саду, где она возила в коляске своего ребенка. Тотчас же она пригласила меня в дом и там угощала чаем и собственными изделиями: вареньем и печеньями. Простота обстановки, граничившая с убожеством, делала ее еще более милою и привлекательною».

* * *

Первая мировая война значительно осложнила выбор женихов для дочерей последнего императора. Анна Вырубова вспоминает: «Когда теперешний король (тогда еще принц)

Румынии приехал просить руки великой княжны Ольги, он влюбился в Марию. Однако императрица не хотела и слышать о браке, она говорила, что Мария еще не переросла своей детской». Однако никто тогда еще не знал, какую страшную участь готовит судьба этой семье.

Великие княгини

Русские принцессы уезжали за рубеж, а из-за границы в Россию приезжали будущие великие княгини и императрицы – невесты великих князей. По-разному сложились их судьбы.

Молодые люди, как правило, могли познакомиться друг с другом еще до свадьбы, их мнение принималось во внимание, но срок знакомства был слишком невелик, и многих принцесс по приезду в Россию поджидали неприятные сюрпризы.

Шарль-Франсуа Филибер Массона де Бламон, француз, учитель математики великих князей Александра и Константина, писал: «Юные и трогательные жертвы, которых Германия посылает в дань России, как некогда Греция посылала своих девушек на сожжение Минотавру... Эта помпа, которая вас окружает, эти богатства, которыми вас покрывают, не ваши... Конечно, ваш жребий достоин слез тех, кто вам завидует...»

* * *

В 1796 году семнадцатилетний великий князь Константин, брат цесаревича Александра, сочетался браком с принцессой Саксен-Заальфельд-Кобургской Юлианой-Генриеттой-Ульрикой (приняла православие, получив при крещении имя Анны Федоровны).

Этот брак заключался под присмотром августейшей бабушки – Екатерины II. Принцесса Саксен-Кобургская Августа-Каролина Рейсс фон Эберсдорф прибыла в Петербург вместе с тремя дочерьми: восемнадцатилетней Софией, шестнадцатилетней Антуанеттой и четырнадцатилетней Юлией. Императрица писала: «Наследная принцесса Саксен-Кобургская – прекрасная, достойная уважения женщина, дочери у нее хорошенькие. Жаль, что наш жених должен выбрать только одну, хорошо бы оставить всех трех. Но, кажется, наш Парис отдаст яблоко младшей: вот увидите, что он предпочтет сестрам Юлию... действительно, шалунья Юлия лучше всех».

Существует легенда, что императрица приняла решение, увидев, как принцессы выходят их кареты. Старшая споткнулась на ступеньках, средняя спрыгнула на землю, и только Юлиана спустилась по всем правилам: неторопливо и с достоинством.

Вел. кн. Анна Федоровна

Князь Адам Чарторижский отметил двусмысленность этого визита: «Говоря откровенно, было тяжело смотреть на эту мать, приехавшую в чужую страну, чтобы выставить напоказ, подобно товару, своих дочерей, в ожидании милостивого взгляда императрицы и выбора Великого князя».

Принцесса постоянно пишет мужу из России и делится с ним новостями. Ее восхищает красота Петербурга: «В пятницу утром мы поехали кататься по городу. Трудно себе представить что-нибудь прекраснее нового города и набережной Невы... После обеда мы пошли с генералом Будбергом в Эрмитаж смотреть картины и разные произведения искусства. Картин здесь множество... В бесконечной анфиладе зал и галерей всего прежде бросается в глаза обширный вид на Неву, покрытую множеством больших и малых судов, и по ту сторону реки на Васильевский остров, с прекраснейшими зданиями, кадетским корпусом, Академией и пр. И все кажутся такими свежими и чистыми – словно модели».

Константин приходит пить чай в их комнаты, потом ужинает у них. Принцессе нравятся его честность, скромность, прямой нрав, она восхищается нравами, царящими при русском дворе: «Совершенное доверие, которое Великий Князь питает к Императрице, сердечное, нежное обращение всех членов этой семьи друг с другом, отдаление от придворных, которые всегда представляются мне точно зрителями в партере, – вот что меня поражает и вызывает во мне чувство глубокой радости, когда подумаю, что оставляю в таком семействе дитя мое. Вот почему я совершенно довольна, что судьба Юлии так устроилась».

Трудно понять, искренна ли принцесса в своих заблуждениях, или она сознательно поддерживает общую атмосферу лицемерия.

И вот наконец звучит долгожданное предложение: «После обеда, около 6 часов, Константин пришел ко мне делать формальное предложение. Он вошел в комнату бледный, опустив глаза, и дрожащим голосом сказал: „Сударыня, я пришел у вас просить руки вашей дочери“. Я было приготовила на этот случай прекрасную речь, но вместо этого зарыдала. Он вместе со мною прослезился и молча прижал к губам мою руку... Не помню, что я говорила ему и что ему внушило отвечать мне его доброе сердце. Послали за Юлией. Она вошла в комнату бледная. Он молча поцеловал у ней руку Она тихо плакала: я никогда не видела ее

такую хорошенькой, как в эту минуту. „Не правда ли, вы со временем меня полюбите?“ – сказал Константин. Юлия взглянула на него так выразительно и сказала: „Да, я буду любить вас всем сердцем“».

Доволен и жених, он пишет своему бывшему воспитателю Фредерику Лагарпу: «Я нахожусь в приятнейшем в жизни положении; я жених принцессы Юлианы Саксен-Кобургской. Очень сожалею, что вы ее не видели, она прекрасная молодая особа, и я люблю ее всем сердцем. Мать ее, добрейшая женщина, какую можно себе вообразить, так же как и сестры ее, принцессы София и Антуанетта».

Но больше всего довольна Екатерина: «Дело сладилось: Константин женится на Юлии, и они в восторге друг от друга. Глядя на милую парочку, мать и все окружающие то плачут, то смеются; жениху шестнадцать лет, невесте четырнадцать. Оба проказники».

Она осыпает новых родственниц бриллиантами, устраивает в их честь балы и маскарады. Принцесса Амалия, совершенно довольная и спокойная, возвращается в Кобург, заручившись обещанием зятя, что тот скоро привезет Юлиану в гости к ее родителям.

Но идиллия длилась недолго. Вскоре Варвара Головина, бывшая фрейлиной двора, пишет: «Эта бедная молодая принцесса вовсе не казалась довольна судьбой, ожидавшей ее. Едва просватанная за Великого Князя Константина, она подвергалась грубостям с его стороны и нежности, тоже очень походившей на дурное обращение».

Принцесса Юлия была отдана на попечение г-жи Ливен, гувернантки Великих Княжон. Частью она брала уроки вместе с ними, также вместе обедала и выходила; и с ней обращались так строго, как она к этому до сих пор не привыкла. Она утешалась от этого временного стеснения с Великим Князем Александром и Великой Княгиней Елизаветой. Последняя отдавала ей все время, которое она могла уделить, и между ними вполне естественно завязалась дружба. В середине зимы Великий Князь Константин приходил завтракать к своей невесте ежедневно в десять часов утра. Он приносил с собой барабан и трубы и заставлял ее играть на клавесине военные марши, аккомпанируя ей на этих шумных инструментах. Это было единственное изъятие любви, которое он ей оказывал.

Он ей иногда ломал руки, кусал ее, но это было только прелюдией к тому, что ее ожидало после свадьбы.

В январе месяце я появилась при дворе и была представлена принцессе Юлии. Ее свадьба с Великим Князем была отпразднована в феврале 1796 года. Она получила имя Великой Княгини Анны. В день свадьбы был большой бал и иллюминация в городе. Их отвезли в Мраморный дворец, находившийся недалеко от Государыни, на берегу Невы. Императрица подарила Мраморный дворец Великому Князю Константину... но его поведение, когда он почувствовал себя на свободе, доказало, что за ним был нужен строгий надзор. Немного спустя после свадьбы он забавлялся в манеже Мраморного дворца тем, что стрелял из пушки, заряженной живыми крысами. И Государыня, возвратясь в Зимний дворец, поместила его в боковых апартаментах Эрмитажа.

Великой Княгине Анне было тогда четырнадцать лет; у нее было очень красивое лицо, но она была лишена грации и не получила воспитания; она была так романтична, что становилось еще опаснее от полного отсутствия принципов и образования. Она обладала добрым сердцем и природным умом, но все представляло опасность для нее, потому что у нее не было ни одной из тех добродетелей, которыми преодолевают слабости. Ужасное поведение Великого Князя Константина еще более сбивало ее с толку. Она стала подругой Великой Княгини Елизаветы, которая была бы способна содействовать подъему ее души, но обстоятельства и ежедневные события, все более и более тягостные, едва давали ей опомниться самой».

Константин оказался грубым, нетерпеливым, неотесанным. При дворе говорили, что однажды он посадил Анну Федоровну в одну из огромных ваз в Мраморном дворце и при-

нялся по ней стрелять. Вскоре великий князь начал изменять жене, а Анна увлеклась Константином Чарторижским, братом Адама.

В конце концов Анна Федоровна уехала из России. Вот что Варвара Головина рассказывает о трудностях, сопровождавших этот отъезд, превратившийся в настоящее приключение: «В это время Великий Князь Константин к дурному обращению со своей супругой, которое она терпела с самого начала брака, присоединил еще неверность и вольное поведение. Освобожденный от боязни подвергнуться гневу своего отца, он завел связи, недостойные его ранга. Он часто давал в своих апартаментах маленькие ужины актерам и актрисам, и из этого последовало, что Великая Княгиня Анна, не знавшая его поведения, заразилась болезнью, от которой долго хворала, не зная ее причины. Медики объявили, что она радикально может вылечиться только с помощью Богемских вод, и было решено, что она отправится туда в марте месяце.

Великий Князь Константин около этого времени уехал в Вену, откуда он должен был направиться в Италию, в русскую армию. Надо отдать ему справедливость, что, когда он узнал о действии его поведения на здоровье жены, он испытал самое горячее сожаление и старался тысячью способов исправить сделанную им несправедливость. Но Великая Княгиня Анна была полна негодования и, зная, как мало можно повлиять на характер своего мужа, решила разойтись с ним, пользуясь удобным случаем путешествия, чтобы привести в исполнение этот проект. Она собиралась увидеться с родными, думала, что без труда получит их согласие и легко уладит все с Великим Князем, пока он находится за границей, а потом объявит Государю и Государыне, что никакая сила в мире не заставит ее вернуться в Россию.

Этот план, вышедший из семнадцатилетней головы и построенный только на горячем желании осуществить его, был сообщен Великой Княгине Елизавете. Последняя, хотя и предвидела гораздо большие трудности, чем это предполагала ее подруга, все-таки старалась уверить ее в возможности осуществления этого проекта, потому что Великая Княгиня Анна, которую она любила с нежностью сестры, связывала с ним все счастье, возможное для нее.

Великий Князь Александр, питавший к ней те же чувства и страдавший от того, что она была осуждена на роль жертвы его брата, вошел в ее планы, советовал, помог ей, ободрил ее, и такое серьезное дело было легко разрешено двумя княгинями, из которых одной было семнадцать лет, а другой девятнадцать, и советником двадцати лет.

Великая Княгиня Анна уехала 15 марта в сопровождении обер-гофмейстерши ее двора г-жи де Ренн, гофмейстера Тутолмина и двух фрейлин – м-ль де Ренн и графини Екатерины Воронцовой, молодой девушки, крайне ветреной и непоследовательной.

Разлука была очень тягостной для Великих Княгинь, потому что, по их плану, она должна была быть неограниченной, почти вечной; но свидетели, присутствовавшие при их прощании, знали, что Великой Княгине Анне было приказано вернуться осенью, и приписывали огорчение, испытываемое ими, опасениям, которые внушало положение Великой Княгини Елизаветы, так как беременность ее приближалась к концу, и ей предстояли первые роды...

На почте Ростопчиным был отдан строжайший приказ: не пропускать ни одного письма Великих Княгинь друг к другу, не вскрыв его. Но незадолго до отъезда Великой Княгини Анны один чиновник, знакомый Великим Княгиням только по имени, нашел возможность предупредить их об этом, прибавляя, что он умоляет их не пользоваться ни симпатическими чернилами, ни какими-либо другими средствами, употребляемыми с целью ускользнуть от почтового осмотра, потому что все они известны. Великие Княгини, очень признательные за это предупреждение, так как они думали, что могут свободно переписываться при помощи одного средства, ограничились очень незначительной перепиской...

В то время как двор дожидался в Гатчине приезда эрц-герцога Иосифа ко времени, назначенному для свадьбы Великой Княжны Александры, а также и Елены, Великая Княгиня Елизавета получила уведомление от Великой Княгини Анны об ее скором приезде, без всякого объяснения. Накануне свадьбы Великой Княжны Елены Государь сам привел Великую Княгиню Анну в ее апартаменты, смежные с апартаментами Великой Княгини Елизаветы. Они в присутствии Государя выразили живую радость от того, что им пришлось увидеться, и в эту минуту Государь, казалось, забыл свою строгость по отношению к Великой Княгине Елизавете, сказав ей несколько слов.

– Вот и она, – сказал Государь, подводя к ней Великую Княгиню Анну. – Все-таки она вернулась к нам и с довольно хорошим видом.

Но на следующий день он опять возобновил по отношению к Великой Княгине Елизавете свое упорное молчание, продолжавшееся еще шесть недель.

Как только они остались одни, Великая Княгиня Елизавета выразила удивление по поводу неожиданного приезда Великой Княгини Анны и спросила ее, что же случилось с проектом, на котором они остановились перед ее отъездом. Она узнала от Великой Княгини Анны, что Государь, должно быть, осведомился об их проекте, потому что раньше, чем она могла приступить к его исполнению, Ростопчин обратился к Туттолмину, сопровождавшему ее, с письмами в самом угрожающем тоне, на случай если бы Великая Княгиня вздумала просить у Государя продолжить ее пребывание в Германии; письма эти повторялись, и наконец в последнем было бесповоротно определено, что Великая Княгиня должна возвратиться в Россию к свадьбам Великих Княжон. Она же, напуганная этими угрозами и боясь, что весь гнев Государя обрушится на лиц, сопровождавших ее, решила покориться».

Итак, беглянка была вынуждена вернуться домой. Она снова пытается наладить жизнь с мужем, но снова все идет не в лад.

«Великий Князь Константин недолго оставался в Петербурге. Император разгневался на полк конногвардейцев, изгнал его в Царское Село и, чтобы довершить наказание, поручил Великому Князю Константину обучать их. Он отправился в Царское Село и поселился там со своей супругой, Великой Княгиней Анной, следовавшей за ним. Жизнь, которую он вел там и в которой Великая Княгиня Анна должна была принимать участие, была совершенно лишена достоинства, приличествовавшего его рангу. Великая Княгиня Анна, чтобы доставить удовольствие своему супругу, во многом переменявшемуся относительно нее, присутствовала в манеже на ученье. Великий Князь приводил в апартаменты своей супруги, безразлично во всякое время, офицеров вверенного ему полка.

Танцевали под звуки клавирина, и в обществе Их Императорских Высочеств царила фамильярность, не подходившая даже и не к такому высокому рангу.

В марте месяце Великая Княгиня опасно захворала, и ее перевезли в Петербург, чтобы лучше можно было заботиться о ней, как этого требовала ее болезнь...»

В 1801 году, после смерти императора Павла, Анна Федоровна почувствовала, что теперь у нее появилась возможность осуществить свой план. Константин горячо увлекся очередной любовницей и не исключал женитьбы на ней, а Анна получила из-за границы известия о болезни матери и с разрешения нового императора Александра I уехала в Кобург. Принцесса Амалия вскоре поправилась (она прожила еще тридцать лет и умерла в Кобурге 16 ноября 1831 года в возрасте семидесяти четырех лет), но Анна в Россию уже не вернулась. Почти сразу она начала переговоры о разводе с мужем. Константин Павлович ответил на ее письмо: «Вы пишете, что оставление вами меня через выезд в чужие края последовало потому, что мы не сходны друг с другом нравами, почему вы и любви своей ко мне оказывать не можете. Но покорно прошу вас, для успокоения себя и меня в устройении жребия жизни нашей, все сии обстоятельства подтвердить письменно, а также что кроме сего других причин вы не имеете».

Однако в императорских семьях ничего не делается быстро, и развод состоялся только в 1820 году, и 24 мая того же года Константин, ставший к тому времени польским наместником, женился на знатной полячке Иоанне Грудзинской.

Юлиана осталась жить в Германии, в городке Эльфенау. Она увлекалась музыкой, создала свой музыкальный салон, много занималась благотворительностью. В ее жизни было место и для любви. В 1808 году Юлиана родила сына от французского дворянина Жюль де Сенье, а в 1812-м – дочь от швейцарского профессора хирурга Рудольфа Абрахама де Шиферли. Скончалась Анна Федоровна 12 августа 1860 года.

Герцогиня Александрина (жена ее племянника Эрнста II) писала по поводу ее смерти: «Соблезновения, должно быть, будут всеобщими, так как тетю необычайно любили и уважали, поскольку она много занималась благотворительностью и в пользу бесчисленных бедняков, и неимущих».

* * *

Еще один пример неудачного брака в императорской семье – союз великого князя Михаила Павловича, младшего сына Павла Петровича и Марии Федоровны, и принцессы Фредерики Шарлотты Марии Вюртембергской, получившей при переходе в православие имя Елены Павловны.

Если в этом браке и была любовь, то она оказалась недолговечной. Уже через четыре года после свадьбы великий князь Константин Павлович писал брату Николаю: «Положение (Елены Павловны) оскорбительно для женского самолюбия и для той деликатности, которая вообще свойственна женщинам. Это – потерянная женщина, если плачевное положение, в котором она находится, не изменится». Тем не менее Елена Павловна не протестовала, не совершала опрометчивых поступков, и ее брак продолжался 25 лет.

У супругов родились пять дочерей. Две из них умерли в младенчестве, еще две скончались в молодом возрасте сразу после замужества.

Вел. кн. Елена Павловна

Елена Павловна, с детства славившаяся своей любовью к знаниям и искусствам, находила утешение в активном меценатстве и благотворительности: две сферы деятельности, участие в которых для женщин императорской фамилии считалось приличным и даже поощрялось. Из концертов в Михайловском дворце, которые она организовывала, выросло Русское музыкальное общество, и его патронессой стала великая княгиня. А в 1858 году в ее дворце открылись первые классы консерватории под руководством музыканта и композитора Антона Григорьевича Рубинштейна. Елена Павловна оплатила их из собственных средств, расставшись с принадлежавшими ей бриллиантовыми украшениями. Рубинштейн писал: «Другой, равной ей, я ни прежде, ни после в ее положении не знавал». Она также покровительствовала Брюллову и Айвазовскому, была знакома с Пушкиным, Тургеневым, способствовала посмертному изданию сочинений Гоголя. А в 1857 году дала деньги тяжело больному и бедствующему Александру Андреевичу Иванову на перевозку его полотна «Явление Христа народу» в Россию, а также на изготовление с него фотокопий, стоивших в то время очень дорого.

По завещанию императрицы Марии Федоровны к Елене Павловне перешло управление Мариинским и Повивальным институтами. «Зная твердость и доброту характера своей невестки, – писала Мария Федоровна, – я убеждена, что в таком случае эти институты будут всегда процветать и приносить пользу государству». Кроме того, Елена Павловна была попе-

чительницей Максимилиановской больницы, Елизаветинской детской больницы (которую она основала в память о рано умерших дочерях), приютов Елизаветы и Марии в Петербурге и Павловске и других учреждений.

Во время Крымской войны 1853-1856 годов великая княгиня основала Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия и направила в Севастополь отряд хирургов во главе с Николаем Ивановичем Пироговым. «Взявшись помочь раненым и больным, она позаботилась о том, чтоб все было доставлено верно, скоро и сохранно, – вспоминает графиня А.Д. Блудова. – ...Госпитальные принадлежности уже не гнили и не залеживались на пути... Все в ее дворце работали по ее примеру. Внизу тюки принимались, разбирались, уставлялись, распределялись, вверху у фрейлин свои и посторонние шили, кроили, примеряли, делали образцы чепцов, передников, воротников для сестер, записывали их имена. В конторе с раннего утра и до поздней ночи принимали ответы, посылали отзывы, писали условия с подрядчиками, с врачами, с аптекарями».

Елена Павловна, будучи горячей противницей крепостничества, первой освободила крестьян своего полтавского имения Карловка и оказывала политическую поддержку реформам Александра II. Сторонники реформ между собой именовали ее «матерью-благодетельницей» и «княгиней Свободой». Позже за заслуги в деле освобождения крестьян Александр II наградил Елену Павловну золотой медалью.

Великая княгиня Елена Павловна умерла 9 января 1873 года в возрасте 67 лет, почти на тридцать лет пережив своего мужа.

* * *

Трудно судить о чужом семейном счастье, особенно о семейном счастье публичного человека, ведь он прямо заинтересован в том, чтобы не откровенничать о своих проблемах и представлять окружающим «лакированную картинку». Но все же мы можем предположить, что некоторые великие княгини были довольны своими мужьями и своим браком в целом. Одной из них, вероятно, была Мария Александровна Элизабета Элеонора Мекленбург-Шверинская, приходившаяся внучкой русской великой княжне Елене Павловне, вышедшей за герцога Мекленбург-Шверинского. В России Мария Александровна приняла имя Марии Павловны.

В отличие от других великих княгинь, Мария Павловна, или Михен, как прозвали ее в царской семье, долгое время оставалась лютеранкой и приняла православие только в апреле 1908 года, незадолго до смерти мужа. Уже тот факт, что она сумела настоять на сохранении прежнего вероисповедания, говорит о ее сильной воле и умении влиять на людей.

Свадьба Марии и великого князя Владимира Александровича, сына Александра II, состоялась 16 августа 1874 года в церкви Зимнего дворца. Петербургская газета «Всемирная иллюстрация» так описывала торжественный выход молодоженов: «Вся набережная, покрытая несметной толпой народа, была блистательно иллюминирована, на судах развевались различные флаги среди разноцветных фонарей, над главным подъездом дворца, фасад которого был ярко освещен, горели вензеля Великого князя Владимира Александровича и его Августейшей Супруги. В три четверти десятого началось торжественное шествие из Зимнего дворца во дворец новобрачных. Едва показался передний эшелон кортежа, лейб-гвардии кавказский казачий эскадрон собственного Его Величества конвоя, как воздух огласился криками „ура“, умолкнувшими лишь тогда, когда Императорская фамилия скрылась во внутренних покоях дворца. По окончании шествия лица, участвовавшие в церемониале, разъехались, а Высочайшие особы изволили оставаться некоторое время у Высоконовобрачных на семейном ужине».

Газета также не преминула отметить, что невеста была «в белом серебристом платье, вышитом цветами, а на голове у ней была бриллиантовая диадема».

Все мемуаристы вспоминают Марию Павловну как очень самостоятельную, энергичную женщину, хорошо знавшую, чего она хочет, и добивавшуюся этого. Великий князь Гавриил Константинович с удивлением писал, что «Михен сама кормит ребенка». Другой великий князь Александр Михайлович отзывался о ней так: «Она была очаровательною хозяйкой, и ее приемы вполне заслужили репутацию блестящих, которыми они пользовались при европейских дворах. Александр III не любил ее за то, что она не приняла православия, что породило легенду о ее „немецких симпатиях“». После смерти мужа она в конце концов все же перешла в православие, хотя злые языки и продолжали упорствовать, обвиняя ее в недостатке русского патриотизма».

Вел. кн. Мария Павловна

Князь Феликс Юсупов, вспоминая Марию Павловну, пишет: «Великая княгиня точно сошла с картины ренессансного мастера. Она была урожденной герцогиней Мекленбург-Шверинской и по рангу шла сразу за императрицами. Ловкая и умная, она прекрасно соответствовала своему положению».

Придворный чиновник генерал А.А. Мосолов вспоминал о ней в своих эмигрантских мемуарах: «Не существовало в Петербурге двора популярнее и влиятельнее, чем двор великой княгини Марии Павловны, супруги Владимира Александровича».

Владимир Александрович был известен как любитель искусства и меценат, он много лет являлся президентом Академии художеств. В его дворце хранилась богатая библиотека исторических трудов, а также коллекция картин русских художников, в том числе картина «Бурлаки на Волге», написанная И.Е. Репиным по заказу самого Владимира Александровича.

Мария Павловна сумела претворить увлечения супруга в жизнь, организовав знаменитый «Русский бал», на который представители семьи Романовых явились в костюмах царей и бояр допетровской Руси. Для того чтобы костюмы были исторически достоверными, Владимир Александрович запросил из Библиотеки императорской Академии художеств иллюстрированные издания по истории костюма, а также пригласил художников Г.Г. Гагарина, К.Е. Маковского и А.И. Шарлеманя, которые создали эскизы костюмов для лиц, приглашенных на бал. А.И. Шарлемань также создал эскиз меню и концертную программу к балу, которые отпечатали в типографии А. Петерсена в количестве 250 экземпляров.

Вел. кн. Мария Павловна и вел. кн. Владимир Александрович с детьми

Бал состоялся 25 января 1883 года. Позже газета «Всемирная иллюстрация» так описывала «исторический бал»: «Перед началом съезда августейшие хозяева, великий князь Владимир Александрович и великая княгиня Мария Павловна, изволили выйти из внутренних апартаментов в красную гостиную. Его Высочество великий князь Владимир Александрович был одет в кафтан русского боярина XVII века, сделанный из темно-зеленого бархата, отороченный собольим мехом, причем боярская шапка, кушак и воротник шелковой рубашки были унизаны драгоценными камнями. Великая княгиня Мария Павловна изволила быть в праздничном роскошном костюме боярыни того же века. На голове Ее Высочества

был высокий кокошник новгородского образца. Кокошник, шубка и ферязь (от араб. *fārāğā* – старинная русская мужская и женская одежда с длинными рукавами, без воротника и перехвата. Применялась как парадная верхняя одежда боярами и дворянами. Надевалась поверх кафтана. – *Е. П.*) золотой парчи были унизаны разноцветными драгоценными камнями и жемчугом...

Костюмы императорских особ были следующие: великий князь Алексей Александрович был в боярском, малинового бархата кафтане. Великие князья Сергей Александрович и Павел Александрович в белых кафтанах также с драгоценными камнями. Их Высочества: герцог Эдинбургский – в темно-синем бархатном боярском кафтане и собольей шапке с драгоценными украшениями, Мария Александровна – в роскошном, золотой парчи костюме русской боярыни и в меховой шапке с драгоценными камнями и жемчужной сеткой, великий князь Михаил Николаевич – в живописном алом грузинском костюме, великая княгиня Ольга Федоровна – в старинном русском наряде. Их августейшие сыновья: Николай Михайлович бы витязем в кольчуге и шлеме, Михаил Михайлович – рындю (оруженосец-телохранитель при великих князьях и царях России XVI-XVIII веков. – *Е. П.*), Георгий Михайлович – ловчим (организатор охоты, егермейстер, с XVI века придворный чин у великих князей и царей. – *Е. П.*): в темно-зеленом суконном кафтане, с козырем, расшитым жемчугом, в перевязи у него находился серебряный рог, на голове серая поярковая шапка...

Все костюмы вообще были роскошны, изящны и исторически верны. Оружие и некоторые принадлежности были настоящие, сохранившиеся от тех времен.

В 10 часов 25 минут вечера изволили прибыть на бал Их Императорские Величества Государь Император и Государыня Императрица (Александр III и Мария Федоровна. – *Е. П.*). Его Величество был в современном генеральском конноартиллерийском мундире, а Государыня Императрица в одежде русской царицы XVII века. На Ее Величестве была надета дорогой парчи ферязь, украшенная бриллиантами, изумрудами, рубинами, жемчугом и другими драгоценностями, на оплечье – бармы (оплечье или широкий воротник, надеваемый поверх парадного платья; часть парадной княжеской одежды, к концу XV в. великокняжеской, вполсл. – царская регалия. – *Е. П.*), украшенные драгоценными камнями, парчовая шубка с золотыми цветами, отороченная собольим мехом и с разрезными рукавами. На голове Ея Величества была надета серебряная шапка-венец, отороченная соболем и украшенная большими бриллиантами, изумрудами и крупным жемчугом, который в несколько ниток ниспадал на оплечье...

...После мазурки в конце третьего отделения начался ужин, сервированный в малой столовой, красной гостиной и большой столовой, а также внизу – в собственных комнатах Его Высочества.

Государь Император изволил ужинать внизу, а Государыня императрица, великая княгиня Мария Павловна, герцогиня Эдинбургская и другие высочайшие особы ужинали в красной гостиной и малой столовой, где сервировка столов отличалась особенно роскошным убранством. Некоторые из великих князей и все остальное общество – бояре, воеводы, витязи, боярыни, боярышни и другие – ужинали в большой столовой, которая отделана в русском вкусе, теперь так кстати гармонируя с русскими костюмами ужинающих лиц...»

Это лишь один из множества роскошных балов и приемов, которые с большим искусством организовывала Мария Павловна. У супругов было пятеро детей – четыре сына и дочь.

После смерти мужа Мария Павловна заменила его на посту президента Академии художеств (1909–1917 гг.) и вслед за ним взяла на себя покровительство над берлинским православным Свято-Князь-Владимирским братством (1909–1920 гг.).

Она принимала активное участие в подготовке юбилейной художественно-исторической выставки, посвященной 300-летию дома Романовых, возглавила сбор денег на проведение археологических раскопок в Новгороде, организовала передачу семьей Бенуа в

Императорский Эрмитаж так называемой «Мадонны с цветком» Леонардо да Винчи и строительство нового выставочного здания Русского музея, получившего название Корпус Бенуа.

Во время Первой мировой войны Мария Павловна через своих родственников в Германии вела переговоры об улучшении условий содержания военнопленных, организовала несколько лазаретов в Петербурге, отправила на фронт два санитарных поезда и автомобильный летучий отряд, который должен был оказывать первую помощь и доставлять раненых к военно-санитарным поездам. Возглавляла летучий отряд княгиня Виктория – невестка Марии Павловны, награжденная позже тремя Георгиевскими крестами.

После падения монархии уехала в Кисловодск; в феврале 1920 года покинула Россию вместе с сыном на итальянском судне. Из Венеции уехала во Францию на свою виллу в Контрексвиль, где умерла через несколько месяцев, 6 сентября 1920 года.

* * *

Свой путь к счастливому браку нашла и Элизабет Августа Мария Агнеса Саксен-Альтенбургская, ставшая женой российского великого князя Константина Константиновича и принявшая имя Елизаветы Маврикиевны.

Эта женщина как нельзя лучше соответствовала идеалу «хорошей хозяйки» – добрая, заботливая и не имеющая интересов вне мужа и семьи. Великий князь – поэт и интеллектуал, приехавший погостить в Альтенбург (он был сыном двоюродной сестры принца Морица, отца Элизабет, т. е. приходился принцессе троюродным братом), очевидно, поразил ее воображение. И в самом деле, какая девушка устоит, когда ей посвящают такие стихи:

Я засыпаю... Уж слабея и бледнея,
Сознание еле властно надо мной,
И все еще, как наяву, дрожа, немея,
Я вижу образ твой перед собой.

За мной смыкаются действительности двери,
Я сплю, – и в царстве призраков и снов
Ты мне являешься, пленительная пери,
И звуки ласковых я слышу слов.

Я просыпаюсь, полн волшебных впечатлений,
К тебе протягиваю руки я, —
Но расступились уже ночные тени,
Уж воцарилось сияние дня.

И пронесли мимолетные виденья...
И целый день с томлением, с тоской
Я темной ночи жду, – жду грез и усыпления,
Чтоб хоть во сне увидеться с тобой!

Вероятно, сердце юной и скромной альтенбургской принцессы сдалось без боя, более того, она проявила достаточную настойчивость, убеждая родителей, что русский великий князь – это ее судьба. И вот уже Константин Константинович пишет:

Взошла луна... Полуночь просияла,
И средь немой, волшебной тишины

Песнь соловья так сладко зазвучала,
С лазоревой пролившись тишины.

Ты полюбила – я любим тобою,
Возможно мне, о друг, тебя любить!
И ныне песнью я зальюсь такою,
Какую ты могла лишь вдохновить.

Но приезд на новую родину сулил принцессе не одно только счастье. Россия неизмеримо больше Альтенбурга, двор – роскошнее и многочисленнее, обычаи – строже, недоброжелатели, следившие за каждым жестом и движением новой великой княгини, не упускали ни одной ошибки, ни одного, даже самого малейшего промаха. Бедняжка Элизабет, смущенная и напуганная, постоянно вела себя невпопад: то отказывалась целовать православный крест, потому что ей запретил это протестантский пастор в Альтенбурге, то наоборот, во время свадебной церемонии непрестанно крестилась и перепутала указания священника.

Впоследствии Елизавета Маврикиевна категорически отказалась перейти в православие, говоря, что ее дети получают православное воспитание от отца, сама же она чувствует себя не готовой принять новую веру. Константин Константинович был шокирован таким упорством своей жены в принципиально важном для него вопросе (он был глубоко религиозен).

Семейная жизнь тоже оказалась для великого князя разочарованием. «Со мной у нее редко бывают настоящие разговоры. Она обыкновенно рассказывает мне общие места. Надо много терпения. Она считает меня гораздо выше себя и удивляется моей доверчивости. В ней есть общая Альтенбургскому семейству подозрительность, безграничная боязливость, пустота и приверженность к новостям, не стоящим никакого внимания. Переделаю ли я ее на свой лад когда-нибудь? Часто мною овладевает тоска», – писал великий князь через несколько месяцев после свадьбы.

Но постепенно он понял, что не стоит требовать от жены чего-то превышающего ее умственные и духовные силы, и, наоборот, стоит наслаждаться теми радостями, которые она способна подарить в силу своего характера.

В 1890 году в Павловске он пишет стихотворение «В разлуке», где новое, спокойное и глубокое чувство к жене приобретает четкие очертания:

В тени дубов приветливой семьею
Вновь собрались за чайным мы столом.
Над чашками прозрачною струею
Душистый пар нас обдавал теплом.

Все было здесь знакомо и привычно,
Кругом все те же милые черты.
Казалось мне: походкою обычной
Вот-вот пойдешь и сядешь с нами ты.

Но вспомнил я, что ты теперь далеко
И что не скоро вновь вернешься к нам
Подругою моей голубоокой
За чайный стол к развесистым дубам!

С тем же домашним, семейным окружением связаны воспоминания о матери великого князя Гавриила Константиновича: «Обедали мы в чисто семейной обстановке; после обеда отец садился за пасьянс в своем большом кабинете, в котором между двойными рамами жили снегири, которых отец очень любил. Мы располагались вокруг него. Матушка вязала крючком что-нибудь из шерсти. В десять часов она уходила к себе».

Когда для поправки здоровья Константина Константиновича семейство отправляется в Египет, Елизавета Маврикиевна, возможно, не в состоянии оценить египетские древности и произведения искусства взглядом знатока, но она неизменно сопутствует мужу во всех его прогулках.

Вел. кн. Елизавета Маврикиевна

«Родители были очень в духе, в особенности – матушка, – пишет Гавриил Константинович. – Она была счастлива быть все время с отцом и тем, что никто им не мешал, как это зачастую бывало дома. Обычно, живя в Павловске, отец часто ездил в Петербург и не всегда знал, вернется ли обратно в тот же день, или будет принужден ночевать в Мраморном дворце. Матушке была очень неприятна эта постоянная неизвестность, и она тоже старалась выезжать в Петербург, когда отец там оставался... После утреннего кофе мы шли гулять. Матушка тоже ходила с отцом и со мной. Иногда я ездил верхом в сопровождении араба. Иной раз после дневного кофе, который я пил на веранде, мы ездили по Нилу на лодках. Эти прогулки на лодках были большим удовольствием. Мои родители их очень любили. На веслах сидели молодые арабы. Побыв в Ассуане более месяца, мы поехали в Люксор, который находится между Ассуаном и Каиром. Там мы тоже остановились в большой гостинице,

на берегу Нила. Подле Люксора сохранилось много остатков египетских древностей. Мы каждый день их осматривали, видели аллею сфинксов и много очень интересных храмов, вернее – развалин храмов. Были также и в так называемой Долине Царей».

Вел. кн. Константин Константинович

Особенно близка была Елизавета Маврикиевна с дочерьми – Татианой и Верой. Когда старшая дочь выбрала в мужья грузинского князя Константина Багратион-Мухранского, что вызвало недовольство в императорском семействе, мать помогла ей не только словом, но и делом. «Матушка очень грустила о Татиане и не знала, что придумать, чтобы ей доставить удовольствие. Она послала свою камерфрау, Шадевиц, купить для Татианы книжку о Грузии. Ей дали единственное, что было: маленькую беленькую брошюру грузинолога проф. Марра: „Царица Тамара, или Время расцвета Грузии. XII век“. Проф. Марр в ней защищает царицу Тамару от общепринятого о ней понятия, будто она была не строгих правил, и повествует о том, как никогда, ни до, ни после, Грузия не доходила до такого расцвета во всех областях своей жизни: поэзии, музыки, строительства и государственного управления. Он отмечал нищелюбие царицы, ее заботу о церквах, которые она снабжала книгами, утварью, ризами...

Прочитав эту брошюру, Татiana полюбила святую и блаженную царицу Тамару, помолилась ей, любившей и защищавшей Грузию, за ее прямого потомка – князя Константина Багратиона. И вскоре Государь разрешил Багратиону вернуться и увидаться с Татианой в Крыму», – вспоминает Гавриил Константинович.

А вот что пишет о матери находившаяся с ней до конца жизни младшая дочь Вера: «Всегда ровная, с большим чувством юмора, поэтическая натура. Всей душой полюбила Россию. Много занималась благотворительностью и стояла во главе Синего Креста – опека

над сиротами и бездомными детьми. Во время Первой мировой войны заботилась о раненых, имела в Павловске свой лазарет. Также, по возможности и несмотря на очень трудное и деликатное положение, не забывала немецких военнопленных. Ее такт и мудрость могли быть примером многим».

Триумфом Елизаветы Маврикиевны и Константина Константиновича была их серебряная свадьба. Праздник получился одновременно и торжественным, и интимным: «15 апреля 1909 года исполнилось двадцать пять лет свадьбы моих родителей, – пишет Гавриил Константинович. – На эту „серебряную свадьбу“ приехал в Россию брат моей матушки, дядя Эрнест Саксен-Альтенбургский. Отец, дяденька, мои братья и я выехали его встречать на станцию царской ветки. На платформе был выстроен почетный караул и собрались лица свиты.

Дядя Эрнест приехал в сопровождении флигель-адъютанта Свечина, назначенного состоять при нем, а также – своего альтенбургского гофмаршала. Не успел он приехать, как надо было спешить на богослужение в лютеранскую церковь Павловска. Матушка, выходя замуж, не перешла в православие и всю свою жизнь оставалась лютеранкой, поэтому накануне дня серебряной свадьбы было лютеранское богослужение.

После завтрака, днем, приехал великий князь Андрей Владимирович и привез подарок – серебряные тарелки от всего Семейства. На обратной стороне каждой тарелки было выгравировано имя одного из членов царствующего дома...

Обед был в присутствии Государя и Государыни, торжественный и праздничный. Прежде чем сесть за стол, Государь и Государыня удалились с моими родителями в туалетную комнату рядом с парадной спальней Императора Павла Петровича и благословили их образом. Кроме того, они подарили матушке брошь с большим аквамаринном, окруженным бриллиантами. Аквамарин был любимым камнем Императрицы Александры Федоровны.

Во время обеда играли прекрасные балалаечники Измайловского полка (Константин Константинович был их шефом. – *Е. П.*). После обеда Татиана, братья и я устроили собственный концерт в картинной галерее: мы дули в чайники, наполненные водой, и таким образом очень прилично сыграли несколько вещей. После концерта Государь и Государыня уехали, а за ними спешно стали разъезжаться и другие.

На следующий день утром, в самый день серебряной свадьбы, когда родители вошли в кабинет, мы с Татианой сыграли им в четыре руки свадебный марш из „Лоэнгрина“, после чего мы все вместе пошли пить кофе в столовую. Мы поднесли родителям в этот день сделанные на серебре наши профили, вроде того, как Императрица Мария Федоровна, жена Императора Павла, нарисовала своих детей. Профили наши писал художник Рундальцев, остальное делал ювелир Фаберже.

Отец подарил матушке раскрашенные фотографии – свою и всех нас, детей, в серебряной раме, в стиле ампир. Кроме наших фотографий в эту же раму были вставлены фотографии Мраморного, Павловского и Стрельнинского дворцов и дома в имении Осташево – то есть тех мест, где протекала жизнь моих родителей в течение 25 лет. А матушка подарила отцу свою и наши миниатюры.

Подарков было очень много: бабушка, дяденька, тетя Оля и тетя Вера подарили серебряную „бульетку“ – для чая. Вышло какое-то недоразумение: предполагалось подарить серебряный самовар, но получилась вместо русского самовара – заморская „бульетка“. Ювелир Фаберже поднес моим родителям по платиновому обручальному кольцу, которые они с тех пор всегда носили.

Утром был торжественный молебен. Мы все были в парадной форме и альтенбургских лентах. После завтрака поехали в Петербург, в Мраморный дворец. Тут собралось множество народу. Залы во втором этаже, выходившие окнами на Дворцовую набережную, были переполнены депутациями и поздравителями. Дядя Эрнест, Татиана, братья и я шли непо-

средственно за родителями. Старшие в депутациях говорили речи. Преображенцы преподнесли родителям статуэтку Петра Великого, полк. Воейков – букет красных роз. Прием этот запомнился мне навсегда: родителям было оказано столько внимания, они увидели к себе столько любви. Тут можно было воочию убедиться, какой популярностью и каким уважением они пользовались!

Днем 17-го апреля состоялся у нас в Павловске спектакль. Шла пьеса П.С. Соловьевой „Свадьба солнца и весны“. В ней приняло участие до пятидесяти детей и в их числе – моя старшая сестра Татiana и мои братья – Константин, Олег и Игорь...

По окончании спектакля папа, мама и все приглашенные собрались в картинной галерее и ждали шествия цветов, жуков, птиц и других, участвовавших в первой пьесе. Все они с цветами в руках проходили мимо папа и мама, причем клали цветы у их ног. Самые маленькие проделывали это настолько смешно, что все улыбались... По окончании шествия всех позвали обедать. В шести залах стояли круглые столы, за которыми сидели дети, их матери и много других приглашенных. Нам, то есть Татiane, Косте и мне, хотелось устроить такой стол, чтобы никого из больших за ним не сидело, а сидели бы только мы и самые симпатичные дети...

Вскоре все задвигали стульями, и надо было прощаться. Это всегда так грустно! За эти репетиции и представление все так сошлись, всем было так весело! И вот теперь все это кончилось, и кончилось навсегда!

Я побежал на большой подъезд, откуда все отъезжали. Гости говорили, что им тоже жалко, что все кончилось. Меня одна девочка даже остановила и сказала: „Кланяйтесь Татiane Константиновне, Константину Константиновичу и Игорю Константиновичу, скажите им, что было очень весело, и поблагодарите их!“

Все уехали. Я пошел в залу, где стоит наша сцена, и показалось мне, что тут сделалось так грустно. Я взошел на подмости. Везде беспорядок. Лежат декорации, стружки, стулья. Между мусором я нашел ветку какого-то цветка, кажется, ветку одной из яблонь. Я улыбнулся, поднял ее и ушел».

Елизавета Маврикиевна, мужественно поддерживая остальных членов семьи, пережила все несчастья, выпавшие на их долю: смерть в младенчестве первой дочери Натальи, гибель на войне сына Олега и зятя, князя Багратиона, смерть мужа в 1915 году, расстрел большевиками троих ее сыновей Иоанна, Константина и Игоря. Она не сразу, но приняла в семью жену Гавриила – балерину Антонину Рафаиловну Нестеровскую, спасшую великого князя из тюрьмы в дни большевистского террора. После революции она покинула Россию вместе с младшими детьми и двумя внуками и умерла в Германии в 1927 году.

Императрицы

Разумеется, выбор невесты для наследника был делом особенно ответственным. Следовало учитывать не только родственные связи, которые за два века образовали сложную сеть, но и политическую конъюнктуру. Екатерина II требовала, чтобы немецкие невесты приезжали в Россию на смотрины. В XIX веке чаще на смотрины отправлялись женихи.

Вот что рассказывает великая княжна Ольга Николаевна о помолвке своего брата Александра – будущего императора Александра II.

«Здесь я должна рассказать немного о Саше и его поездке по Германии, где он посетил Мюнхен, Штутгарт и Карлсруэ. Там, в Карлсруэ, была принцесса, подходившая ему по возрасту, которая могла бы стать его невестой. Она сидела за столом рядом с ним, и ему предоставили возможность разговаривать с ней долго и подробно. О чем же говорила она? О Гете и о Шиллере, пока Саша, совершенно обескураженный, не отказался от этого разговора. Было взаимное разочарование, и Саша уехал во Франкфурт, чтобы оттуда поехать в Англию. Весной, уже в Берлине, он пережил подобное же разочарование с Лилли, принцессой Мекленбург-Стрелицкой, и его свита не переставала дразнить его неудачными невестами. Один из свиты – кажется, Барятинский – заметил: „Есть еще одна молодая принцесса в Дармштадте, которую мы забыли посмотреть“. – „Нет, благодарю, – ответил Саша, – с меня довольно, все они скучные и безвкусные“. И все же он поехал туда, и Провидению было это угодно. Под вечер он прибыл в Дармштадт. Старый герцог принял его, окруженный сыновьями и невестками. В кортеже совершенно безучастно следовала и девушка с длинными, детскими локонами. Отец взял ее за руку, чтобы познакомить с Сашей. Она как раз ела вишни, и в тот момент, как Саша обратился к ней, ей пришлось сначала выплюнуть косточку в руку, чтобы ответить ему. Настолько мало она рассчитывала на то, что будет замечена. Это была наша дорогая Мари, которая потом стала супругой Саши. Уже первое слово, сказанное ему, заставило его насторожиться: она не была бездушной куклой, как другие, не жеманилась и не хотела нравиться. Вместо тех двух часов, которые были намечены, он пробыл два дня в доме ее отца. Никто до сих пор ничего не слыхал об этой принцессе, выросшей очень замкнуто со своим братом Александром, в то время как остальные братья уже были давно женаты. Стали собирать сведения, Мама написала Елизавете, дочери тети Марьянны, чтобы узнать побольше. Ответ был очень положительным. Правда, ей еще не было и пятнадцати лет, но она была очень серьезна по натуре, очень проста в своих привычках, добра, религиозна и должна была как раз подтвердиться. Нельзя было терять времени. Можно себе представить, какое волнение вызвало в Дармштадте, да и во всей Германии, известие, что внимание Саши остановилось на девушке, о существовании которой до сих пор никто ничего не знал. Неужели он в самом деле станет ее женихом, и не было ли это похоже на то, что выбор Наследника русского престола пал на Сандрильону».

Но в то же время Александр влюблен во фрейлину Ольгу Калиновскую. Настолько, что готов расторгнуть дармштадтскую помолвку, что, разумеется, недопустимо. Девушку удаляют от двора, выдают замуж, и Золушка, но Золушка царских кровей, становится русской императрицей.

«Ум, спокойная уверенность и скромность в том высоком положении, которое выпало на ее долю, вызвали всеобщее поклонение, – продолжает Ольга. – Папа с радостью следил за проявлением силы этого молодого характера и восхищался способностью Мари владеть собой. Это, по его мнению, уравнивало недостаток энергии в Саше, что его постоянно заботило. В самом деле, Мари оправдала все надежды, которые возлагал на нее Папа, главным образом потому, что никогда не уклонялась ни от каких трудностей и свои личные интересы ставила после интересов страны. Ее любовь к Саше носила отпечаток материнской

любви, заботливой и покровительственной, в то время как Саша, как ребенок, относился к ней по-детски доверчиво. Он каялся перед нею в своих маленьких шалостях, в своих увлечениях – и она принимала все с пониманием, без огорчения. Союз, соединявший их, был сильнее всякой чувственности. Их заботы о детях и их воспитании, вопросы государства, необходимость реформ, политика по отношению других стран поглощали их интересы. Они вместе читали все письма, которые приходили из России и из-за границы. Ее влияние на него было несомненно и благотворно. Саша отвечал всеми лучшими качествами своей натуры, всей привязанностью, на какую только был способен. Как возросла его популярность благодаря Мари! Они умели не выпячивать свою личность и быть человечными, что редко встречается у правителей...

Имп. Мария Александровна

Мари сопровождала его во время маневров в лагерь, на смотры и приемы и храбро со своей простой манерой говорила по-русски с генералами и офицерами частей. Потом, когда Саше внушили недоверие к такому влиянию и представили это как слабость с его стороны, Мари отступила на задний план совершенно добровольно. К тому же ее здоровье оставляло желать лучшего. Смерть ее старшего сына, Наследника, которому она отдала всю свою заботливость, докончила ее совершенно. С 1865 г. да она перестала быть похожей на себя. Каждый мог понять, что она внутренне умерла и только внешняя оболочка жила механической жизнью. Ее взгляды, ее отношение к жизни не соответствовали тому, с чем ей пришлось встретиться, и это сломило ее. У нее были свои идеи, свои нерушимые исповедания, главным образом в вопросах религии и веры. Как все перешедшие в православие, она при-

держивалась догматов, и это было точкой, в которой они расходились с Сашей; он, как Мама, любил все радостное и легкое в религиозном чувстве. Если все, что делается, делается из соображений долга, а не из чувства радости, какой грустной и серой становится жизнь!»

Когда в 1880 году Мария Александровна умирала в Зимнем дворце от туберкулеза, в том же дворце жила возлюбленная Александра, его будущая вторая жена Екатерина Долгорукая со своими внебрачными детьми. Легкой симпатии императора к очаровательной немецкой принцессе оказалось недостаточно для прочного семейного счастья.

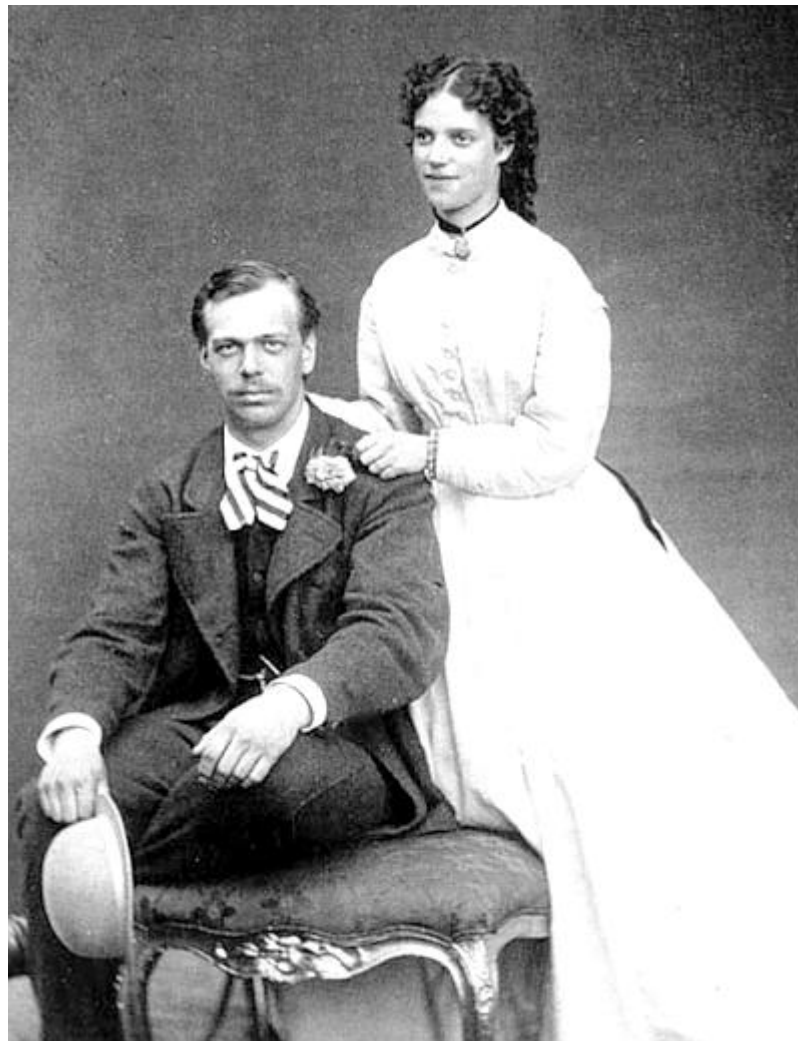
* * *

Встреча будущей императрицы обставлялась очень торжественно. Вот как принимали Марию Софию Фредерику Дагмару, будущую Марию Федоровну, супругу Александра III.

«Александр II с супругой и детьми встретили Августейшую Невесту в Кронштадте. Затем на пароходе „Александрия“ они отправились в Петергоф. Пристань была убрана зеленью, украшена гербами и вензелями царственных жениха и невесты. По всему пути следования императорского поезда стояли войска. В Кронштадте и в Петергофе корабль встречали пушечным салютом. Местное купечество во главе с городским главой поднесло принцессе на серебряном блюде хлеб-соль. Император сел на коня, дамы – в парадный экипаж. Петергофские дамы устилали путь кортежа цветами.

В Александрии кортеж остановился у капеллы. Высочайших гостей встретил протоиерей Рождественский со святым крестом. Во второй половине дня гости уехали в Царское Село».

За этой парадной картинкой скрывалась настоящая трагедия. Первым женихом Дагмары был старший брат Александра и наследник престола Николай. Судя по воспоминаниям современников, молодые люди успели искренне полюбить друг друга. Но Николай скоропостижно скончался от туберкулезного менингита. И принцесса, и великий князь Александр были у постели умирающего. Легенда утверждает, что Николай сам соединил их руки. Так или иначе, но вскоре Дагмара стала невестой Александра.

Вел. кн. Александр Александрович и принцесса Дагмар

Цесаревич написал отцу: «Я уже собирался несколько раз говорить с нею, но все не решался, хотя и были несколько раз вдвоем. Когда мы рассматривали фотографический альбом вдвоем, мои мысли были совсем не на картинках; я только и думал, как бы приступить с моею просьбою. Наконец я решился и даже не успел всего сказать, что хотел. Минни бросилась ко мне на шею и заплакала. Я, конечно, не мог также удержаться от слез. Я ей сказал, что милый наш Никс много молится за нас и, конечно, в эту минуту радуется с нами. Слезы с меня так и текли. Я ее спросил, может ли она любить еще кого-нибудь, кроме милого Никса. Она мне отвечала, что никого, кроме его брата, и снова мы крепко обнялись. Много говорили и вспоминали о Никсе, о последних днях его жизни в Ницце и его кончине. Потом пришла королева, король и братья, все обнимали нас и поздравляли. У всех были слезы на глазах».

Историкам неизвестно о каких бы то ни было увлечениях Александра после свадьбы, по-видимому, он был верным мужем. Императрица энергично и с большим удовольствием выполняла светские ритуалы: она была общительна, любила танцевать, умела держать себя с людьми, в отличие от мужа, который был, скорее, замкнут и нелюдим. Вероятно, он был благодарен ей за то, что она взяла на себя обязанности представлять императорскую чету перед светом.

«Придворные балы были наказанием для государя, – вспоминает друг Александра, граф Шереметев, – но они имеют свое значение, в особенности большой бал Николаевской

залы. Это предание, которое забывать не следует, и балы по-прежнему продолжались: Концертные, Эрмитажные, Аничковские...

Приглашенный однажды на бал в английское посольство, государь предпочел остаться в Гатчине... Императрица поехала и вернулась очень поздно. На другой день я завтракал у государя, и он забавно подтрунивал над нею, говоря, что наслаждался всю ночь на Гатчинском озере, где ловил рыбу, и вдвойне наслаждался при мысли, что без него отплясывают в английском посольстве...

Аничковские балы, которых бывало по несколько в сезон, отличались немногочисленностью и носили несколько домашний, семейный характер. Нетанцующих бывало немного, и для этих немногих время казалось несколько томительным. Государь показывался вначале, радушно принимал и уходил в свой кабинет, где у него была партия. Возвращался он ко времени ужина. Когда котильон продолжался слишком долго, а императрица не хотела кончать, государь придумывал особое средство. Музыкантам приказано было удаляться поодиночке, оркестр все слабел, пока наконец не раздавалась последняя одинокая струна, и та наконец смолкала. Все оглядывались в недоумении, бал прекращался сам собою. Иных государь приглашал в свой кабинет, чтобы покурить, впрочем, весьма немногих дам и кавалеров. За проникавшими в кабинет следили со вниманием, предаваясь праздным выводам и замечаниям, другим донельзя хотелось туда проникнуть. В пустых гостиных кое-где в углу образовывалась партия. Иные ходили из угла в угол, не находя покоя. Иные держались на виду императрицы и дорожили сидением неподалеку от нее. Императрица неутомима. Вальсы, мазурки, котильоны с разнообразными фигурами чередовались без умолку. Изредка показывался государь и, стоя в дверях, оглядывал танцующих и делал свои замечания, но долго он не выдерживал».

Зато Александр III увлекался классической музыкой и даже играл на корнете (медный духовой инструмент) в маленьком придворном оркестре. (Коллекция духовых инструментов Александра III – квартет корнетов – хранится в Музее музыки в Шереметевском дворце среди других коллекций инструментов, принадлежавших семье Романовых.) Александр Берс, еще один из участников этого оркестра, вспоминает: «Раз в месяц весь наш кружок собирался в Аничковом дворце у ее высочества. Выходило так, что три четверга подряд мы играли в адмиралтействе, а четвертый четверг во дворце. Пьесы, назначенные к исполнению во дворце, разучивались весьма тщательно. На этих вечерах во дворце все были в сюртуках с погонами, а цесаревич, по своему обыкновению, в тужурке и белом жилете. Приглашенных на эти музыкальные собрания было всегда немного, человек шесть–восемь, и то все приближенные их высочеств. Эти вечера устраивались для цесаревны Марии Федоровны...»

Об одной выходке императрицы, также связанной с балом, долго судачили современники. В январе 1889 года стало известно о кончине австрийского эрцгерцога, и пришлось отменить назначенные императорские балы. Но императрица вспомнила, как австрийский двор в свое время пренебрег трауром в России, и решила, что подвернулся хороший повод для мести: она назначила «Черный бал», на который приглашенные должны были прийти в черных платьях. Во время бала исполнялась только венская музыка, чтобы намек был еще яснее. Один из участников «Черного бала», великий князь Константин Константинович Романов (поэт «К. Р.»), записал в дневнике: «Бал в Аничковом 26 января 1886 г. был очень своеобразным, с дамами во всем черном. На них бриллианты сверкали еще ярче. Мне было не то весело, не то скучно».

Мария Федоровна не покинула светской сцены даже после смерти Александра. Ее невестка и новая императрица Александра Федоровна была застенчива, и к тому же постоянно плохо себя чувствовала, ей отказывали ноги, и ее приходилось возить в коляске.

«Обе женщины разительно отличались своим характером, привычками и взглядами на жизнь, – рассказывала Ольга Александровна. – После того как острота потери притупилась, Мама снова окунулась в светскую жизнь, став при этом еще более самоуверенной, чем когда-либо. Она любила веселиться; обожала красивые наряды, драгоценности, блеск огней, которые окружали ее. Одним словом, она была создана для жизни двора. Все то, что раздражало и утомляло Папа, для нее было смыслом жизни. Поскольку Папа не было больше с нами, Мама чувствовала себя полноправной хозяйкой. Она имела огромное влияние на Ники и принялась давать ему советы в делах управления государством. А между тем прежде они нисколько ее не интересовали. Теперь же она считала своим долгом делать это.

Воля ее была законом для всех обитателей Аничкова дворца. А бедняжка Алики была застенчива, скромна, порой грустна и на людях ей было не по себе...»

Мария Федоровна попечительствовала Женскому патриотическому обществу, Обществу спасения на водах, возглавляла Ведомство учреждений императрицы Марии – ее «тезки», жены, а потом вдовы императора Павла I, которая заложила основы регулярной императорской благотворительности. Под патронажем Марии Федоровны находились учебные заведения, воспитательные дома, приюты для детей, богадельни, а также Российское общество Красного Креста.

* * *

Становясь русской императрицей, принцесса соглашалась на «жизнь под колпаком», на то, что за ней будут постоянно наблюдать тысячи глаз. Еще в 1855 году Астольф де Кюстин писал о супруге Николая I Александре Федоровне: «Императрица обладает изящной фигурой и, несмотря на ее чрезмерную худобу, исполнена, как мне показалось, неописуемой грации. Ее манера держать себя далеко не высокомерна, как мне говорили, а скорее обнаруживает в гордой душе привычку к покорности. При торжественном выходе в церковь императрица была сильно взволнована и казалась мне почти умирающей. Нервные конвульсии безобразили черты ее лица, заставляя иногда даже тряссти головой. Ее глубоко впавшие голубые и кроткие глаза выдавали сильные страдания, переносимые с ангельским спокойствием; ее взгляд, полный нежного чувства, производил тем большее впечатление, что она менее всего об этом заботилась. Императрица преждевременно одряхлела, и, увидев ее, никто не может определить ее возраста. Она так слаба, что кажется совершенно лишенной жизненных сил... Супружеский долг поглотил остаток ее жизни: она дала слишком многих идолов России, слишком много детей императору... Все видят тяжелое состояние императрицы, но никто не говорит о нем. Государь ее любит; лихорадка ли у нее, лежит ли она, прикованная болезнью к постели, – он сам ухаживает за нею, проводит ночи у ее постели, приготовляет, как сиделка, ей питье. Но едва она слегка оправится, он снова убивает ее волнениями, празднествами, путешествиями. И лишь когда вновь появляется опасность для жизни, он отказывается от своих намерений. Предосторожностей же, которые могли бы предотвратить опасность, император не допускает: жена, дети, слуги, родные, фавориты – все в России должны кружиться в императорском вихре с улыбкой на устах до самой смерти, все должны до последней капли крови повиноваться малейшему помышлению властелина, оно одно решает участь каждого. И чем ближе кто-либо к этому единственному светилу, тем скорее сгорает он в его лучах, – вот почему императрица умирает!»

Имп. Николай II и имп. Александра Федоровна

Хотя, возможно, отчасти это замечание было правдиво – публичная жизнь никому не прибавляет здоровья, а особенно тем, кто любит уединение и семейный круг (а именно такой была Александра Федоровна), тем не менее она прожила еще почти двадцать лет и почти на пять лет пережила своего супруга.

Ее тезка, жена Николая II, в полной мере почувствовала, что значит находиться под постоянным и недоброжелательным контролем. Самые интимные подробности ее жизни выставлялись на всеобщее обозрение и обсуждались в светских гостиных. Ее осуждали за то, что она рождает только девочек, затем за то, что она передала своему сыну гемофилию, распространяли сплетни о ее дружбе с Распутиным, приписывали поражение в войне ее попыткам вмешаться в политику.

«Из всех нас, Романовых, Алики наиболее часто была объектом клеветы, – вспоминала великая княжна Ольга Александровна. – С навешанными на нее ярлыками она так и вошла историю. Я уже не в состоянии читать всю ложь и все гнусные измышления, которые написаны про нее. Даже в нашей семье никто не попытался понять ее... Помню, когда я была еще подростком, на каждом шагу происходили вещи, возмущавшие меня до глубины души. Что бы Алики ни делала, все, по мнению двора Мама, было не так, как должно быть. Однажды

у нее была ужасная головная боль; придя на обед, она была бледна. И тут я услышала, как сплетницы стали утверждать, будто она не в духе из-за того, что Мама разговаривала с Ники по поводу назначения каких-то министров. Даже в самый первый год ее пребывания в Аничковом дворце – я это хорошо помню – стоило Алики улыбнуться, как злюки заявляли, будто она насмешничает. Если у нее был серьезный вид, говорили, что она сердита... Она была удивительно заботлива к Ники, особенно в те дни, когда на него обрушилось такое бремя. Несомненно, ее мужество спасло его. Неудивительно, что Ники всегда называл ее „Солнышком“ – ее детским именем».

Словом, судьба Александры Федоровны показывает, что императрица была в гораздо большей мере жертвой общественного мнения, чем избранницей судьбы.

Фрейлины

Придворный штат императрицы и цесаревен (позже – великих княжон) начал формироваться еще в XVIII веке. В годы Петра I он имел следующий вид:

обер-гофмейстерины;

жены действительных тайных советников;

действительные статс-дамы;

действительные камер-девицы, чин, равный рангу жен президентов коллегий;

гоф-дамы, чин, равный женам бригадиров (не получил значительного распространения);

гоф-девицы, чин, равный женам полковников (не получил значительного распространения);

камер-девицы.

Со временем многие должности стали ненужными. Так, при Александре III упразднили гофмейстерин, их обязанности исполняли статс-дамы. Но постепенно эта должность хоть и не была формально устранена, но превратилась в чисто номинальную. Статс-дамы (как правило, это замужние женщины из родов Голицыных, Нарышкиных, Долгоруковых, Трубецких и т. д.) получали право носить на правой стороне платья медальон с портретом императрицы и, облачаясь в придворное платье в русском стиле, присутствовали на торжественных событиях в императорском семействе (одной из их привилегий было нести на подушке «порфирородного младенца» во время крещения), в остальное же время находились «в отпуску», со своими семьями.

При императрице, великой княгине или великой княжне неотлучно пребывали незамужние фрейлины и камер-фрейлины. Последние обычно были старше возрастом, опытнее и часто сопровождали императрицу или великую княгиню со времени ее приезда в Россию, они также имели право носить портрет. Девушек-фрейлин, носивших шифр (вензель императрицы) на Андреевской голубой ленте, выбирали в институтах благородных девиц. При посещении институтов патронессы обращали внимание на хорошенькие личики и безупречные манеры и подбирали спутниц для себя и своих дочерей. Должность была завидной, так как давала, кроме возможности приобщиться к блистательной жизни двора, чин, равный чину супруги генерал-майора, жалованье, составлявшее в конце XIX века около 4000 рублей в год, и солидное приданое, которое она получала в подарок в день свадьбы.

Но часто фрейлинами становились просто по знакомству – это были дочери подруг и доверенных лиц императриц. Вот как описывает свое назначение фрейлиной Мария Фредерикс, дочь статс-дамы Цецилии Гуровской, бывшей соотечественницей и подругой детства императрицы Александры Федоровны, и барона Петра Фредерикса, обер-шталмейстера двора: «В этот же описываемый мною высокаторжественный день 1849 года (1 июля, день именин императрицы Александры Федоровны. – *Е. П.*) по окончании завтрака матушка моя отправила меня домой в Знаменское, а сама поехала с императрицей в Большой Петровский дворец для высочайшего выхода и слушания литургии.

Возвратясь домой, я сняла с себя свой праздничный наряд, зная, что уже покончила со своими придворными обязанностями. Вдруг вижу, скачет карета, и мне докладывают, что ее величество требует меня как можно скорее опять к себе; я в простом домашнем платье, так как велено было взять меня, как и в чем я есть, бросаюсь опрометью в эту карету, и меня мчат прямо в Большой дворец и ведут в комнаты ее величества. Несмотря на всю поспешность, я все-таки опоздала, государыня уже у обедни, и мне приходится ждать довольно долго, а для меня это ожидание кажется целым веком, так как я недоумеваю, зачем меня опять потребовали. Наконец, идет императрица, обнимает меня и объявляет, что жалует мне свой шифр.

Только что был получен из Варшавы телеграфический ответ от государя, что он согласен произвести меня во фрейлины ее величества. Я почти обезумела от счастья и восторга. Я фрейлина... да может ли это быть?! Просто не верилось! Привожу здесь факт моего восторга в доказательство, как просто было тогда воспитание и какой великий престиж имела всякая царская милость. Уже по обстановке, в коей я находилась, видно, что рано или поздно мне выпадет доля быть фрейлиной, тем более что мои старшие сестры были все фрейлинами, так что собственно для меня тут неожиданного ничего не могло быть, но я была воспитана так далеко от этой мысли, что мне и в голову не приходило, что я могу получить фрейлинский шифр, особенно не имея на то права по летам. Для моих родителей это было тоже неожиданно, и они были крайне тронуты и обрадованы этой царской милостью.

Императрица и великие князья и княгини, которые тут присутствовали, при моей робости, поздравили и расцеловали меня. Вышли из внутренних покоев ее величества к официальному поздравлению и завтраку, а мне велено было тут ожидать; я все-таки была еще подросток, да еще, сверх того, в домашнем платье, как сказала выше; мне подали отдельно позавтракать в комнатах ее величества, но мне было не до еды. Между тем распространился слух, что „Маша – фрейлина“. Нужно признаться, что „Маша“ была „enfant gâtée“ (балованный ребенок. – Е. П.), как царской фамилии, так и всех светских фрейлин; конечно, это было ради моей матери, которую все так искренно любили и почитали. Смею сказать, что эта новость, что Маша фрейлина, была общей радостью. Ко мне стали приходить мои новые товарищи, старшие фрейлины, а одна из них, которая меня особенно всегда баловала, графиня Юлия Павловна Бобринская, так ко мне стремительно бежала, по залам и галереям, что прическа ее распалась, и она добежала до меня с распущенной косой чудных белокурых волос.

Наконец, в ноябре месяце мне исполнилось 17 лет. Императрица потребовала для большей важности и, понятно, ради шутки, чтобы я была официально ей представлена... Накануне именин его величества, 5-го декабря, было назначено большое представление дам у ее величества, и я явилась на это представление. Вечером меня матушка привезла во дворец, отвела в малахитную залу, где имело быть представление, и оставила там одну с массой чужих для меня дам, а сама ушла к императрице. Ober-церемониймейстер, тогда граф Воронцов-Дашков, стал нас устанавливать в кружок по старшинству; я, как уже фрейлина, была поставлена первой. Я была очень застенчива, мне становилось жутко, хотя я с рождения была тут, но официальности я еще на себе никогда не испытывала. Когда все было готово и граф Воронцов доложил о том ее величеству, распахнулись двери из внутренних покоев и императрица, в бальном туалете, величественно вошла в сопровождении дежурной фрейлины Н.А. Бартеневой, свиты и камер-пажей. Мы все низко присели. Мне становилось совсем жутко. За дверью стояли государь, великие князья и княгини, матушка моя и делали мне все разные знаки. Императрица плавно и тихо, как она одна это умела делать, приблизилась к кругу дам и, так как я стояла первая, очень важно и холодно подошла ко мне; фрейлина Бартенева, представлявшая дам, меня, конечно, не назвала; тогда ее величество обратилась к ней с вопросом: „Qui est se demoiselle“ (Кто эта девица?). Смех начинал разбирать всех присутствующих, знаки из двери усиливались; я окончательно сконфузилась; императрица очень серьезно и холодно обратилась ко мне и сказала: „Charmée de fair votre connaissance, mademoiselle, ou se trouvent vos parents?“ – я до того растерялась, что ни слова не могла выговорить и готова была расплакаться; все присутствующие разразились хохотом; особенно за ужасной дверью происходило что-то страшное; я, красная как рак, готова была провалиться сквозь землю. Нечего и говорить, что наш ангел императрица, хотя сама ужасно смеялась над моим конфузом, сейчас же меня обласкала и успокоила своим обыкновенным со мной обращением и добротой. Представление окончилось, но мой конфуз возобновился,

когда императрица взяла меня потом к себе и когда стоявшие за дверью напали на меня – досталось же мне тогда!

На другой день, 6-го декабря, я первый раз, уже вполне большой, присутствовала на высочайшем выходе в малой церкви, на поздравлении и завтраке. Но и тут со мной произошёл скандал; среди обедни мне сделалось дурно, и меня принуждены были вывести из церкви; впрочем, я скоро оправилась, и остальное все прошло благополучно.

В 1850 году меня стали вывозить в большой свет. Помню первый мой бал у графини Протасовой, второй у Виельгорских, потом... потом пошло по всему обществу... но я первый год не веселилась, меня выезды утомляли, и, как всякой девушке 17-ти лет, мне хотелось поступить в монастырь и тому подобные глупости. Но на следующую зиму монастырь был позабыт, я веселилась от души, танцевала до упаду, начиная и кончая все балы.

Ее величество сама назначила день моего первого дежурства при ее особе. Это утро императрица проводила в Монплезире. Мне велено было явиться туда к первому завтраку.

Когда проживали летом в Петергофе, то их величества часто, совершая утреннюю прогулку, пили кофе в различных дворцах и павильонах.

Около 12-ти часов, для второго завтрака, я поехала с ее величеством в Александрию, и так как это была моя первая действительная служба при ней, она меня взяла в свою спальню, поставила на колени перед киотом с образами и благословила образом мученицы царицы Александры. Этот образ до сих пор постоянно находится при мне...

В ноябре месяце, а именно 22-го числа, в день именин моей покойной матери, я переселилась из родительского дома в Зимний дворец, чтобы быть на своем посту к приезду их величеств из Москвы. Квартира моя была наверху, во Фрейлинском коридоре. Отец устроил сам мне ее очень мило и уютно; встретил меня с хлебом и солью, приказав привезти чудотворную икону Божией Матери Всех Скорбящих, хотя он был лютеранин, и, отслужив молебен Пресвятой Богородице, водворил меня на новом поприще. Вся моя семья и моя старая няня сопровождали меня тоже на новое жительство».

* * *

Тот же Фрейлинский коридор, расположенный на третьем этаже Зимнего дворца, в его южной половине, вспоминает и Александра Россет. В коридор выходили 64 комнаты, обращенные окнами на Дворцовую площадь и внутренний двор. Разумеется, обстановка в комнатах бедных девушек-провинциалок, взятых ко двору из Екатерининского института, была гораздо скромнее, чем обстановка в квартире дочери обер-шталмейстера двора.

«Нам сшили черные шерстяные платья, и начальница повезла нас в Зимний дворец, где нас представили как будущих фрейлин, императрице Александре Федоровне, а оттуда в Аничковский, где нас представили Марии Федоровне, – пишет Россет. – После нескольких слов гофмаршал от двора, граф Моден, велел нас отвести в наши комнаты: всего три маленькие конурки. В спальне была перегородка, за которой спала моя неразлучная подруга Александра Александровна Эйлер. Она тотчас нашла фортепиано, и мы с ней играли в четыре руки. У нас был слуга, мужик Илья, он приносил нам обед. У Эйлер была девушка-чухонка, а у меня русская. Эти две постоянно ссорились... В наш Фрейлинский коридор ходили всякие люди просить помощи и подавать прошения, вероятно, полагая, что мы богаты и могущественны. Но ни того, ни другого в сущности не было».

Анна Тютчева, ставшая обитательницей Фрейлинского коридора чуть позже, чем Александра Россет, и одновременно с Марией Фредерикс, находит здесь ту же обстановку: «Мы занимали на этой большой высоте очень скромное помещение: большая комната, разделенная на две части деревянной перегородкой, окрашенной в серый цвет, служила нам спальней и гостиной, в другой комнате поменьше, рядом с первой, помещались, с одной сто-

роны – наши горничные, а с другой – наш мужик, неизменный Меркурий всех фрейлин и довольно комическая принадлежность этих девических хозяйств, похожих на хозяйства старых холостяков... Я нашла в своей комнате диван стиля ампир, покрытый старым желтым штофом, и несколько мягких кресел, обитых ярко-зеленым ситцем, что составляло далеко не гармоничное целое.

На окне ни намека на занавески. Я останавливаюсь на этих деталях, малоинтересных самих по себе, потому что они свидетельствуют, при сравнении с тем, что мы теперь видим при дворе, об огромном возрастании роскоши за промежуток времени в четверть века. Дворцовая прислуга теперь живет более просторно и лучше обставлена, чем в наше время жили статс-дамы, а между тем наш образ жизни казался роскошным тем, кто помнил нравы эпохи Александра I и Марии Федоровны...»

Особо приближенные фрейлины жили на втором этаже, поблизости от императорских комнат.

При Александре III фрейлин стало гораздо меньше, и при последнем императоре они уже могли расположиться с удобствами. Анна Вырубова, бывшая фрейлиной Александры Федоровны, рассказывает, что в ее распоряжении уже была квартира: «Каждая фрейлина имела свою квартиру во дворце: гостиную, спальню, ванную и комнату для горничной. Был еще лакей, который прислуживал за столом, коляска, пара лошадей и кучер».

Приятный бонус – возможность получать блюда из дворцовой кухни. И не только для себя, но и для гостей, если они посещали фрейлину во дворце. Анна Вырубова вспоминает: «Ни повар, ни кухня не были нужны, так как еду приносили с царской кухни. В свободное время фрейлина могла принимать гостей, все угощение предоставлялось двором. Ежедневная пища была превосходна. Утром приходил лакей с бланком заказа; туда вписывались вина – обычно три сорта, – фрукты и сладости. Я никогда не выпивала больше бокала вина за столом, но каждый раз открывалась новая бутылка».

В общем, несмотря на стесненные условия, дочерям бедных, но родовитых дворян жилось во Фрейлинском коридоре несравненно лучше, чем дома. Анна Тютчева рассказывает: «В то время Фрейлинский коридор был очень населен. При императрице Александре Федоровне состояло 12 фрейлин, что значительно превышало штатное число их. Некоторых из них выбрала сама императрица, других по своей доброте она позволила навязать себе. Фрейлинский коридор походил на благотворительное учреждение для нуждающихся бедных и благородных девиц, родители которых переложили свое попечение о дочерях на Императорский двор».

Имп. Александра Федоровна и А. Вырубова

* * *

Фрейлины дежурили по трое, деля между собой время так, чтобы одна из них всегда была к услугам патронессы. Они сопровождали ее на прогулках, торжественных выходах, писали письма, читали, музицировали, занимались рукодельем, садились за карточный стол. Обязанности несложные, но невозможность самой управлять своим временем постепенно начинала угнетать.

Анна Тютчева писала: «Мое нормальное состояние – спешить. Я спешу, даже когда занимаюсь у себя дома; я пишу, читаю, работаю, все делаю второпях.

На днях у цесаревны был большой бал, очень блестящий, очень роскошный. Странное чувство я испытываю на балах и вообще в свете. Когда я нахожусь среди этой блестящей толпы, нарядной и оживленной, среди улыбок и банальных фраз, среди кружев и цветов, скрывающих под собой неизвестных и мало понятных мне людей, ибо даже близкие знакомые принимают на балу такой неестественный вид, что их трудно узнать, – мною овладевает какая-то тоска, чувство пустоты и одиночества, и никогда я так живо не ощущаю ничтожество и несовершенство жизни, как в такие минуты».

Ей вторит Анна Вырубова: «Фрейлина (их было три) дежурила целую неделю. Во время дежурства фрейлина не должна была отлучаться, так как в любую минуту она должна была быть готова к вызову императрицы. Она должна была присутствовать при утреннем приеме, должна была быть с государыней во время прогулок и поездок, короче – быть с государыней везде, где государыня бывала. Фрейлина должна была отвечать на письма и посылать поздравительные телеграммы и письма по указанию или под диктовку императрицы. Она также, помимо всего прочего, должна была читать царице.

Можно подумать, что все это было просто – и работа была легкой, но в действительности это было совсем не так. Надо было быть полностью в курсе дел Двора. Надо было знать дни рождения важных особ, дни именин, титулы, ранги и т. п. и надо было уметь ответить на

тысячу вопросов, которые государыня могла задать. Малейшая неточность могла повлечь за собою массу осложнений и неприятностей. Рабочий день был долгий, и даже в недели, свободные от дежурств, фрейлина должна была выполнять обязанности, которые не успевала выполнить дежурная».

Появляясь при дворе, фрейлины надевали особое форменное платье, покрой и украшения которого были прописаны в законах Российской империи: «Штатс-дамам и Камер-фрейлинам: верхнее платье бархатное зеленое, с золотым шитьем по хвосту и борту, одинаковым с шитьем парадных мундиров Придворных чинов. Юбка белая из материи, какой кто пожелает, с таким же золотым шитьем вокруг и напереди юбки. Наставницам Великих Княжон: верхнее платье бархатное синего цвета; юбка белая; шитье золотое того же узора. Фрейлинам Ее Величества: верхнее платье бархатное пунцового цвета; юбка белая; шитье тоже, как сказано выше. Фрейлинам Великой Княгини: платье и юбка, как у фрейлин Ее Величества, но с серебряным Придворным шитьем. Фрейлинам Великих Княжон: платье бархатное светло-синего цвета; юбка белая; шитье золотое, того же узора. Гофмейстринам при фрейлинах: верхнее платье бархатное малинового цвета; юбка белая; шитье золотое. Приезжающим ко Двору Городским Дамам предоставляется иметь платья различных цветов; с различным шитьем, кроме, однако ж, узора шитья, назначенного для придворных дам. Что же касается до покроя платьев, то оный должны иметь все по одному образцу, как на рисунке показано. Всем вообще Дамам, как Придворным, так и приезжающим ко Двору, иметь повойник или кокошник произвольного цвета, с белым вуалем, а Девицам повязку, равным образом произвольного цвета и также с вуалем».

* * *

Хорошенькие вышколенные девушки, готовые к услугам, умеющие красиво танцевать и музицировать, невольно привлекали внимание подраставших молодых князей. Во Фрейлинском коридоре завязывалось множество романов, но ни один из них так и не закончился браком.

Вот что рассказывает Анна Тютчева об обстоятельствах, при которых она оказалась при дворе: «Я надеялась, что ко двору будет назначена одна моих сестер. Дарье, старшей, было семнадцать лет, Китти, младшей, – шестнадцать, они были очень миловидны, на виду в Смольном, жаждали попасть ко двору и в свет, между тем как мне и то и другое внушало инстинктивный ужас. Но выбор цесаревны остановился именно на мне, потому что ей сказали, что мне двадцать три года, что я некрасива и что я воспитывалась за границей. Великая княгиня больше не хотела иметь около себя молодых девушек, получивших воспитание в петербургских учебных заведениях, так как благодаря одной из таких неудачных воспитанниц она только что пережила испытание, причинившее ей большое горе. Брат цесаревны принц Александр Гессенский, старше ее всего на один год и неразлучный товарищ ее детства, сопровождал свою сестру в Россию, когда она вышла замуж за цесаревича, чрезвычайно полюбившего своего шурина. Действительно, принц был очень привлекателен; обладал прелестной наружностью и элегантною военной осанкой, умением носить мундир; умом живым, веселым, склонным к шутке, – на устах у него всегда были остроумные анекдоты и выпады, одним словом, он представлял из себя личность тем более незаменимую при дворе, что резко выделялся на общем фоне господствующих там банальности и скуки. Цесаревна обожала своего брата. Император Николай относился к нему благосклонно, все, казалось, предвещало молодому принцу легкую карьеру и блестящее будущее. К несчастью, при цесаревне в то время состояла фрейлиной некая Юлия Гауке, воспитанница Екатерининского института, дочь генерала, убитого в Варшаве на стороне русских в 1829 году, и благодаря этому получившая воспитание под специальным покровительством императорской семьи,

а затем назначенная ко двору цесаревны. Эта девица в то время, т. е. в 52 г., уже не первой молодости, никогда не была красива, но нравилась благодаря присущим полькам изяществу и пикантности. Скандальная хроника рассказывает, что принц был погружен в глубокую меланхолию вследствие неудачного романа с очень красивой дочерью графа Петра Шувалова, гофмейстера высочайшего двора, так как император Николай положил категорический запрет на его намерение жениться на молодой девушке. М-лле Гауке решила тогда утешить и развлечь влюбленного принца и исполнила это с таким успехом, что ей пришлось броситься к ногам цесаревны и объявить ей о необходимости покинуть свое место. Принц Александр, как человек чести, объявил, что женится на ней, но император Николай, не допускавший шуток, когда дело шло о добрых нравах императорской фамилии и императорского двора, пришел в величайший гнев и объявил, что виновники должны немедленно выехать из пределов России с воспрещением когда-либо вернуться; он даже отнял у принца его жалованье в 12 000 р., а у м-лле Гауке пенсию в 2 500 р., которую она получала за службу отца. То был тяжелый удар для цесаревны, ее разлучили с нежно любимым братом, потерявшим всякую надежду на какую-либо карьеру и вместе с тем все свои средства к существованию благодаря игре кокетки, увлекшей этого молодого человека без настоящей страсти ни с той, ни с другой стороны. Говорят, что она (цесаревна. – Е. П.) долго и неутешно плакала и что впоследствии к ней уже никогда не возвращались веселость и оживление, которыми она отличалась в то время, как брат принимал участие в ее повседневной жизни. И другие фрейлины императрицы, вышедшие из петербургских учебных заведений, давали повод для сплетен скандального характера. Некая Юлия Боде была удалена от двора за ее любовные интриги с красивым итальянским певцом Марио и за другие истории. Все эти события и послужили причиной моего назначения ко двору; меня выбрали как девушку благоразумную, серьезную и не особенно красивую...»

Фрейлинами были возлюбленная будущего Александра II Ольга Калиновская и возлюбленная будущего Александра III Мария Мещерская. И снова надежды на чудо, и снова разочарование...

Друг Александра III Сергей Дмитриевич Шереметев вспоминает: «В то время в полном расцвете красоты и молодости появилась на петербургском горизонте княжна Мария Элимовна Мещерская. Еще будучи почти ребенком, в Ницце, она была взята под покровительство императрицы Александры Феодоровны. Она была тогда почти сиротой, не имея отца и почти не имея матери. Тетка ее, княгиня Елизавета Александровна Барятинская (кн. Чернышева), взяла ее к себе в дом на Сергиевскую, и я был в полку, когда прибыла в дом Барятинских девушка еще очень молодая, с красивыми грустными глазами и необыкновенно правильным профилем. У нее был один недостаток: она была несколько мала ростом для такого правильного лица. Нельзя сказать, чтобы княгиня Барятинская ее баловала. Напротив того, она скорее держала ее в черном теле. Она занимала в доме последнее место, и мне как дежурному и младшему из гостей, когда приходилось обедать у полкового командира, не раз доставалось идти к столу в паре с княжной Мещерской и сидеть около нее... Когда и как перешла княжна Мещерская во дворец, фрейлиною к императрице Марии Александровне, не знаю, но только с этого времени нерасположение к ней княгини Барятинской стало еще яснее. Совершенно обратное произошло с князем. Он, казалось, все более и более привязывался к ней и сам, быть может, того не замечая, просто-напросто влюбился в нее... Возвышенная и чистая любовь все сильнее захватывала его, и чем сильнее она росла, тем сознательнее относился молодой великий князь к ожидаемым последствиям такого глубокого увлечения. Оно созрело и получило характер зрело обдуманной бесповоротной решимости променять брэнное земное величие на чистое счастье семейной жизни. Когда спохватились, насколько все это принимало серьезный характер, стали всматриваться и наконец

решили положить всему этому предел. Но здесь наткнулись на неожиданные препятствия, несколько раскрывшие характер великого князя.

Живо помню это время и прием у великой княгини Елены Павловны. Это был один из тех блестящих вечеров, которыми славилась великая княгиня, и имевших историческое значение. Между двух гостиных, в дверях, случайно очутился я около канцлера князя Горчакова, княжны Мещерской и в. к. Александра Александровича. Я вижу, как последний нагнулся к княжне и что-то говорил ей на ухо. До меня долетает и полушутливый, полусерьезный ответ: „Молчите, Августейшее дитя“. Только тут заметил я особенность отношений, о которых до того не догадывался...

Я не буду говорить о последующей драме, закончившейся удалением княжны Мещерской за границу, где ее против воли выдали за муж за Демидова Сан-Донато. Но мне пришлось быть случайным свидетелем последнего вечера, проведенного ею в России. После обеда у полкового командира князя В.И. Барятинского в Царском Селе мне предложено было ехать с ним на музыку в Павловск. В четырехместной коляске сидели князь Барятинский и княжна Мещерская. Я сидел насупротив. Князь был молчалив и мрачен. Разговора почти не было. Княжна сидела темнее ночи. Я видел, как с трудом она удерживалась от слез. Не зная настоящей причины, я недоумевал и только потом узнал я об отъезде княжны за границу на следующий за тем день».

В свою очередь великий князь Алексей Александрович (сын Александра III), полюбив дочь Василия Андреевича Жуковского фрейлину Александру Жуковскую, писал матери: „... Я не хочу быть срамом и стыдом семейства... Не губи меня, ради Бога. Не жертвуй мной ради каких-нибудь предубеждений, которые через несколько лет сами распадутся... Любить больше всего на свете эту женщину и знать, что она одна, забытая, брошенная всеми, она страдает, ждет с минуты на минуту родов... А я должен оставаться какой-то тварью, которого называют великим князем и который поэтому должен и может быть по своему положению подлым и гадким человеком, и никто не смеет ему это сказать... Помогите мне, возвратите мне честь и жизнь, она в ваших руках».

А.В. Жуковская

Но и этот брак не состоялся. Жуковскую отправили за границу, где выдали замуж. Алексей так и не женился. Он прожигал жизнь то в своем роскошном дворце, то в Париже, обедался деликатесами, завел бурный роман с замужней дамой Зинаидой Богарне и умер 1 октября 1908 года в Париже.

В этой книге мы уже не раз приводили свидетельства фрейлин, близко знавших императорский двор и все тонкости придворной жизни. Но в интересах собственной безопасности фрейлинам следовало оставаться только наблюдательницами. Если они вольно или невольно позволяли себе увлечься, забыть свое место и вмешивались в придворную жизнь, это грозило потерей места и репутации, а главное – безвозвратной потерей душевного спокойствия.

Итермедия 1. История одной жизни Придворных витязей гроза

Наша героиня в старости писала: «Я часто думала, что сам Господь меня вел своей рукой, и из бедной деревушки на самом юге России привел меня в палаты царей русских на самом севере».

Она родилась на Украине в 1809 году. Ее отец – француз, из старинного рода, был комендантом порта Одессы и умер во время эпидемии чумы, когда дочери было всего пять лет. Мать вскоре вторично вышла замуж за И.К. Арнольди, с которым маленькая Александра (так звали нашу героиню) не поладила. Ее увезли к бабушке, а позже отдали на воспитание в Петербург, в Екатерининский институт. Вот как она вспоминает об этом времени.

«Мне купили сундучок, в который уложили стамедовый красный капот (стамед – легкая шерстяная ткань, капот – накидка с капюшоном. – *Е. П.*), платье и две перемены белья, пока приищут казенные в мой рост, и мы подъехали к подъезду того приюта, откуда я столько лет не выходила, в котором я была совершенно счастлива шесть лет...

Класс был сформирован, и первого августа явились учителя. В понедельник, в девять часов, законоучитель, священник с какого-то кладбища, который был рассеян и немного помешан, никого по имени не знал, а вызывал прозвищами. Была одна „курчавая“, другая „белобрысая“, „маленькая“, „большая“. Если кто урока не знал, он говорил: „Поди, стань на дыбки“, т. е. на колени...

В половине одиннадцатого в классе отворяли форточку, и мы ходили попарно, молча, в коридоре (не смели разговаривать). Потом приходил учитель географии Успенский. Он всегда был пьян, но хорошо знал свое дело, и мы любили его урок. В двенадцать часов обедали. По милости нашего эконома, обед наш был очень плохой; суп, подобный тому, который подали Хлестакову, разварная говядина с горохом или картофелем и большой пирог с начинкой из моркови или чернослива. Вторым – размазня с горьким маслом и рагу из остатков. Картофель в мундире был самое любимое блюдо, но, увы, порция горького масла была самая маленькая, из-за нее были торги или споры. Питье было весьма кислый квас, из которого два раза в неделю делали гадчайший кисель. Картофель уносили по уговору с Крупенниковой в кармане или в подкладке наших салопчиков, а Крупа жарила этот картофель в печке и разносила, когда дама классная уходила в свою узенькую келью, оставляя из предосторожности дверь полуоткрытую. Наши другие учителя были очень плохи...

Наш день начинался в шесть часов зимой и летом. Наши слуги были инвалиды, которые жили в подвалах, женатые, со своими семьями. Тот, который звонил, курил смолкой в коридорах. „Курилка“ звонил беспощадно четверть часа, так что волей-неволей мы просыпались. Мы все были готовы в половине восьмого и шли молча попарно в классы. Было три отделения, и каждое в особой комнате. У дежурной классной дамы была тетрадь, куда она записывала малейший проступок в классе. Дежурная девица читала главу из Евангелия, а потом воспитанницы разносили булки, за которые родители платили даме классной десять руб. в месяц, пили уже чай с молоком, а прочие пили какой-то чай из разных трав с патокой и молоком. Это называлось „декоктom“ и было очень противно. В девять часов звонок, и все должны были сидеть по местам в ожидании учителя.

В среду и субботу нам мыли головы и ноги. Зимой вода была так холодна, что молочками пробивали лед и мылись ею.

Государыня очень заботилась о вентиляции, тогда не было новых способов изменять воздух. В каждом классе были две двери, их открывали, когда в половине двенадцатого мы ходили по коридору, и открывали форточку. Когда мы входили, было тринадцать градусов Реомюра (около 15 по Цельсию. – *Е. П.*). Мы снимали пелеринку, когда отогревались, и, чуть

делалось жарко, открывали окна в коридор. Эти окна называли фрамугами. В коридоре всегда было свежо и накурено смолкой. Когда было холодно, мы надевали большие драдедамовые платки... (драдедам – шерстяная ткань полотняного переплетения с ворсом. – *Е. П.*).

От часу до двух мы ходили и учили наизусть для учителя. В два часа учитель приходил, до трех с половиной опять ходили попарно, молча по коридору. Вообще молчание соблюдалось и за отдыхом, а в пять часов ходили пить чай, а победнее довольствовались ржаным хлебом с солью. Хлеб пекли у нас в подвалах, и он был прекрасный и прекрасно испечен.

Из лазарета государыня (Мария Федоровна. – *Е. П.*) обыкновенно входила в первое отделение, она вызывала, осматривала с ног до головы, ей показывали руки, зубы, уши. Она сама убеждалась, что мы носим панталоны. Их шили из такой дерюги, что они были похожи на парусинные, а фланелевые юбки такие узкие, что после первой стирки с трудом сидели в них».

По ночам в спальнях девочки рассказывали друг другу страшные истории, пугали друг друга «понимашками», которые бродят по темным институтским коридорам. «Всегда заранее знали, когда они появятся, и говорили: „Mesdames, не ходите поздно по коридору, сегодня будут бегать „понимашки“. Крупеникова рассказывала, что она видела глаза „понимашек“, что они были зеленые и большие, как луна, „понимашки“ играли на полу и пристально на нее смотрели, и что раз, когда мы пошли ужинать, она видела их ноги мимо церкви, и что они за ней бежали по мертвецкой лестнице. Она закричала нам: „Mesdames, я видела только одни голые ноги „понимашек“. Мы все ринулись в столовую с криком, почти повалили классных дам».

В институте Александре пришлось пережить «знаменитое и ужасное наводнение в Петербурге». Она вспоминает: «Ночью поднялся сильный ветер и продолжался двенадцать часов. Утром мы по обыкновению были в девять часов в классе. Швейцар вышел и объявил, что дрожки пришли, но учителя не будут, потому что на многих улицах вода выступает. Через несколько минут вошла m-me Krempine (начальница института. – *Е. П.*), очень озабоченная, и сказала: „Возьмите тетради и идите в дортуар“. Наши солдаты жили в подвалах, и их начало заливать. Они перешли со своим добром и семейством в классы, где оставались три дня. А мы блаженствовали в дортуарах. Все облепили окна и смотрели, как прибывает вода. Наша смиренная Фонтанка была свинцового цвета и стремилась к Неве с необыкновенной быстротой, скоро исчезли все камни. По воде неслись лошади, коровы, заложенные дрожки, кареты, кучера стояли с поднятыми руками. Пронеслась будка с будочником. Дело становилось серьезным. Наконец кто-то закричал: „Ну, mesdames, если вода дойдет до нашего среднего этажа?“ – „Что вы, что вы говорите, неужели вы думаете, что императрица не найдет способа нас вывезти!“

А.О. Россет-Смирнова

Многие здания были повреждены, оказались трещины во многих домах. Все хлебные магазины были залиты, и мы долго ели затхлый ржаной хлеб, пока из Москвы не подвезли свежий.

Императрица, всегда готовая подать помощь, поместила в наш институт двадцать девочек, поместила других в разные заведения. Их называли „наводняшками“... Почти все были дети бедных чиновников и немцев с Выборгской стороны и с Петербургской стороны. В этот день нам не могли приготовить обед, и мы пили казенный чай, а вечером свежий квас, как ужин. На другой день утром Фонтанка была ниже обыкновенного и покрыта досками, собаками и кошками».

Там же, в институте, Александра впервые встретила с великой княгиней Александрой Федоровной: «Два звонка, и в залу впорхнуло прелестное существо. Молодая дама была одета в голубое платье, и по бокам приколоты маленькими букетами *goses rompons* (мелких роз), такие же розы украшали ее миленькую головку. Она не шла, а как будто плыла или скользила по паркету. За ней почти бежал высокий, веселый молодой человек, который держал в руках соболью палатину (широкий меховой женский воротник со спущенными вперед концами. – *Е. П.*) и говорил: „Шарлотта, Шарлотта, ваша палатина“. За решеткой она поцеловала руку государыни, которая ее нежно обняла. Мы все сказали: „*Mesdames*, какая

прелесть! Кто такая? Мы будем ее обожать!“ Нам сказали: „Это в. к. Александра Федоровна и в. к. Николай Павлович“».

Выйдя из института, Александра очень не хотела возвращаться в родной дом и встречаться с отчимом, который во время приезда в Петербург недвусмысленно приставал к ней, поэтому была рада принять приглашение занять место при дворе. Она быстро прижилась во Фрейлинском коридоре, вместе с двором она ездила с Москву и в Царское Село, скучала на приемах и весело проводила время со своей подругой фрейлиной Стефанией Радзивилл.

«Двор отправился в Зимний дворец, но фрейлинские комнаты еще не были готовы, и я жила в Аничковом и с утра отправлялась к Стефани. При ней была гувернантка *me Ungebauer*, при ней мы с Стефани делали свой туалет. В спальне за перегородкой с ног до головы обливались холодной водой с одеколоном, сами причесывались и очень хорошо делали свои букли, потом на босу ногу у открытой форточки садились пить чай. Медный самовар кипел, мы сами заваривали чай в высоком чайнике. Тут был кулич, масло, варенье из черной смородины, купленное в лавочке. Она находила, что это лучше. Перед ней стоял ее человек Сергей Игнатьев, с которым она болтала всякий вздор и говорила, чтобы карета была готова в два часа, и Богданка стоял на запятках: он похож на обезьяну... Поехали кататься по Невскому с Богданкой на запятках. Возле саней в огромных санях, похожих на пошевни (дровни. — *Е. П.*), ехал генерал Костецкий, который выдумал влюбиться в Стефани, от этого назывался „Боголюбов номер второй“. Только что он был с ее стороны, я тотчас пересаживалась, и так все время. Костецкий мне говорил: „Не для вас, не для вас, сударыня“. Из ее окошка в седьмом этаже видна была Зимняя канавка, и карета Костецкого там стояла, когда мы возвращались. Тотчас я на него сыпала бумажки и выливали воду. Когда совсем смеркалось, он уезжал. Он вздумал раз ей сделать предложение и сказал, что у него имение в Конотопском уезде, и послал ей бриллиантовые серьги. Ее девушка их себе взяла, из этого вышла история, и она должна была отпустить девушку».

Однажды летом Стефании понравился юноша, проезжавший мимо дачи на серой лошади. Александра решила их познакомить.

«Я гуляла всегда за решеткой сада с Софи Моден, она всех знала, в этот день дежурный по караулу был красавец, я ее спросила: „Кто он?“ — „Это граф Луи Витгенштейн“. Я ей сказала: „Какой он красавец!“ Он у нас ужинал, я ему сказала: „Граф Витгенштейн, у вас серая лошадь? Вы часто проезжаете мимо Головинской дачи“. — „Да, а кто вам это сказал?“ — „О, вы не знаете кто; одна из моих подруг“. — „Как ее зовут?“ — „Княжна Стефани Радзивилл, она только что получила известие о смерти своего кузена и жениха, князя Фердинанда Радзивилла“. — „Она его любила и сожалеет о нем?“ — „Нет, это был брак по расчету, его желал князь Антуан. У Стефани сто пятьдесят тысяч душ, прекрасные леса в царстве Польском, имения в Несвиже и Кайданах, где у нее замки. А вы, *monsieur*, собираетесь жениться или хотите устроиться как-нибудь иначе?“ Он сильно покраснел (Софи Моден мне сказала: „У него есть любовница-немка и двое или трое детей от нее“). — „Мое сердце свободно. Родители мои хотят меня женить, так как мне уже тридцать лет. Но все мое богатство — двадцать пять тысяч рублей дохода с Дружина, из них я посылаю отцу“. Потом говорили всякий вздор. У Салтыковых был бал, я спросила его: „Поедете ли вы туда?“ Он отвечал, что совсем не ездит в свет. Стефани писала, что ей все надоело, и продолжала разговор: „Каким образом с ним познакомиться?“ — „Скажите Волконскому, что дежурный по караулам у нас всегда ужинает, приглашаются к ужину и гвардейцы, которых у вас не приглашают“. Сказали Волконскому, он ответил: „Вот хорошая мысль, дорогая моя, наши ужины смертельно скучны, всякий лишний человек, помимо Ивановского и Безобразова, будет развлечением. Луи Витгенштейн достоин этой чести“. Он раз ужинал, императрица с ним была ласкова, потому что уважала его отца. Он ей [Стефани] понравился и через Велеурского сделал предложение. Она была хороша, умна и мила. Витгенштейн тотчас взял отпуск и поехал в Тульчин к отцу

и матери. Стефани разгорелась любовью и говорила: „У нас останется еще шесть недель, чтобы поближе познакомиться...“

В 1828 году был первого января бал с мужиками, в их числе, конечно, было более половины петербургских мещан. Государыня была в сарафане, в повойнике и все фрейлины тоже. Мужчины в полной форме, шляпа с пером; тогда была мода на султаны из белых и желтых куриных перьев, и каждый старался, чтобы его султан был лучше других. Полиция счетом впускала народ, но более сорока тысяч не впускали. Давка была страшная. За государем и государыней шел брат мой Иосиф, уже камер-паж, он держал над ее головой боа из белых и розовых перьев. Государь [говорил] беспрестанно: „Господа, пожалуйста“, и перед ним раздвигалась эта толпа, все спешили за ним, я шла с каким-то графом Ельским, впереди Стефани с графом Витгенштейном. Он давно был в Петербурге, но узнал, что она усердно кокетничает с кривым князем Андреем Львовым. Бедный Львов сделал ей предложение, она ему отказала. Он занемог, впал в чахотку, поехал в Италию, умер в Ливорно, где его похоронили с Кутузовым и Мухановым. Это оскорбило Витгенштейна, но раз он ее где-то встретил и решил явиться на этот праздник.

Императрица Мария Федоровна сидела за ломберным столом и играла в бостон или вист, с ней министры, в Георгиевском зале; туда мужиков пускали по десять зараз. Везде гремела полковая музыка. По углам были горки, на которых были выставлены золотые кубки, блюда и пр. Лакеи разливали чай и мешали чай ложечками, не равно кто-нибудь позарится на чужое добро. Церковь была открыта: и священники, и дьяконы служили молебны остальным, их было немало. Удовольствие кончалось в восемь часов, а в десять часов дежурная фрейлина и свита отправлялись ужинать в Эрмитаж. Все комнаты были обиты разноцветным стеклярусом, и освещение было а *giorno*, и (это все от времен Екатерины) за ужином играла духовая музыка Бетховена. Мужики имели право оставаться до полночи, а мы все расходились по своим комнатам. Я видела, что боа Стефани было в шляпе Витгенштейна. Я ей сказала: „Знаешь, я приеду болтать с тобой“. — „Нет, я устала, и у меня болит голова“. Я поняла, что все решено. На другой день я поехала к ней, она сидела, смеясь, возле жениха...»

Сама же Александра познакомились в Павловске с семейством знаменитого историка Карамзина, а на одном из балов — с Пушкиным. Александр Сергеевич оценил ее красоту и живой характер, но в своих стихах он отдает предпочтение Анне Олениной, за которой тогда ухаживал.

Она мила — скажу меж нами —
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза,
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!

(Забавно, что в первоначальном варианте, записанном в альбом Олениной, вторая строчка читается «твоя Россетти, егоза».)

Сама же Александра признавалась позже биографу Пушкина П.И. Бартеневу: «Ни я не ценила Пушкина, ни он меня. Я смотрела на него слегка, он много говорил пустяков, мы жили в обществе ветреном. Я была глупа и не обращала на него особенного внимания».

Однако позже, когда Александра уже вышла замуж и перестала быть фрейлиной, хотя и осталась светской женщиной, он посвятил ей такие стихи:

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный
И как дитя была добра;
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

Гораздо куртуазнее стихи Василия Жуковского:

Честь имею препроводить с моим человеком,
Федором, к вашему превосходительству данную вами
Книгу мне для прочтения, записки французской известной
Вам герцогини Абрантес. Признаться, прекрасная книжка!
Дело, однако, идет не об этом. Эту прекрасную книжку
Я спешу возвратить вам по двум причинам: во-первых,
Я уж ее прочитал; во-вторых, столь несчастно навлекши
Гнев на себя ваш своим непристойным вчера поведением,
Я не дерзаю более думать, чтоб было возможно
Мне, греховоднику, ваши удерживать книги. Прошу вас,
Именем дружбы, прислать мне, сделать
Милость мне, недостойному псу, и сказать мне, прошла ли
Ваша холера и что мне, собаке, свиной образине,
Надобно делать, чтоб грех свой проклятый загладить и снова
Милость вашу к себе заслужить? О царь мой небесный!
Я на все решиться готов! Прикажете ль – кожу
Дам содрать с своего благородного тела, чтоб сшить вам
Дюжину теплых калошей, дабы, гуляя по травке,
Ножек своих замочить не могли вы? Прикажете ль – уши
Дам отрезать себе, чтоб, в летнее время хлопушкой
Вам усердно служа, колотили они дерзновенных
Мух, досаждающих вам, недоступной, своею любовью
К вашему смуглому личику? Должно, однако, признаться:
Если я виноват, то не правы и вы. Согласитесь
Сами, было ль за что вам вчера всколыхаться, подобно
Бурному Черному морю? И сколько слов оскорбительных с
ваших
Уст, размалеванных богом любви, смертоносной картечью
Прямо на сердце мое налетело! И очи ваши, как русские пушки,
Страшно палили, и я, как мятежный поляк, был из вашей,
Мне благосклонной доныне, обители выгнан! Скажите ж,
Долго ль изгнание продлится?.. Мне сон привиделся чудный!
Мне показалось, будто сам дьявол (чтоб черт его побрал)
В лапы меня ухватил, да и в рот, да и начал, как репу,
Грызть и жевать – изжевал, да и плюнул. Что же случилось?

Только что выплюнул дьявол меня – беда миновалась,
Стал по-прежнему я Василий Андреич Жуковский,
Вместо дьявола был предо мной дьяволенок небесный...
Пользуюсь случаем сим, чтоб опять изъяснить перед вами
Чувства глубокой, сердечной преданности, с коей пребуду
Вечно вашим покорным слугою, Василий Жуковский.

В 1832 году Александра выходит замуж за сына богатого помещика, молодого дипломата Николая Михайловича Смирнова. «В начале я была к Смирнову расположена, – будет она позже рассказывать человеку, которого полюбит. – Но отсутствие достоинства оскорбляло и огорчало меня, не говоря уже о более интимных отношениях, таких возмутительных, когда не любишь настоящей любовью».

В своем салоне она собирала литературную элиту Петербурга. Ее гостями были Пушкин, Одоевский, Вяземский, Жуковский и многие другие.

Ее первый ребенок – мальчик – оказался слишком крупным и умер во время родов.

«Семьдесят два часа во время первых родов, – рассказывает Александра Осиповна. – Весь город был в волнении. Пушкин, Вяземский, Жуковский встречались, чтобы спросить друг у друга: „Что, родила ли? Только бы не умерла, наше сокровище...“ Шольц попробовал применить то, что называется ложечкой, но ребенок лежал головой на одну сторону, и хотя ложечки нагревали, мне это причиняло очень сильную боль... Шольц пригласил старика Мудрова, Арендта и нашего петербургского доктора Персона... Императрица только что родила последнего своего сына Михаила и прислала мне Лейтона, своего акушера-англичанина. Я его знала. Он высказался за перфорацию и убедил всех... Одну минуту думали сделать мне кесарево сечение... Должны были разрезать мне бок и вынуть ребенка, но сделали перфорацию. Меня положили на край кровати, оба акушера держали мне колени, Арендт и Персон поддерживали поясницу и голову. У Лейтона в руках был инструмент, который он прятал, это был крючок. Я спросила: „А можно кричать?“ – „Сколько хотите“. Во время ложных схваток, которые хуже настоящих, я только стонала и сжимала изо всех сил ложечки и руки Шольца и акушерки. Я кричала, как орел, и только сказала Лейтону, увидя, как он поднял в руках маленькое окровавленное тельце: „Но дитя не кричит“. Он мне сказал: „Он слаб, сейчас ему будет лучше“. Дело в том, что он умер за два дня перед первыми схватками, это и сделало роды такими трудными. Так как я трое суток не ела и не спала, мне дали сильную дозу опиума, и я великолепно заснула на спине, повернув только голову. Вы ничего не знаете о той пытке, которую испытываешь во время родов. Моя спина горела, я просила то акушерку, то старую тетку моего мужа, madame Безобразову, опустить руки в холодную воду, чтобы освежить мою бедную спину, я умоляла Шольца позволить мне повернуться на бок; он мне сказал: „Подождите, я вас спеленаю“. – „Зачем это и что такое?“ – „Вы увидите“. Мне положили на живот две большие простыни и бандаж, очень туго стянутый, между тем молоко показалось на третий день; у меня так болели груди, и в них было так много молока, что можно было бы кормить всю семью. Так как тело было спеленуто, акушерка попробовала промывательное. Она испугалась раны и побежала за Шольцем, который сказал: „Связать крепко колени и, по крайней мере, две недели не поворачиваться“. Я возненавидела свою комнату и свою кровать. Я ненавидела запах пахитоски, которую мой муж курил даже в кровати. Это отвращение продолжалось и после моих родов».

Нужно добавить, что решение делать не кесарево сечение, а плодоразрушающую операцию, вероятно, спасло Александре жизнь. В то время после кесарева большинство роже-ниц умирало из-за послеоперационных осложнений.

Тем не менее Александре очень хотелось иметь детей, хотя врачи и не рекомендовали ей этого. «Как я люблю чувствовать, как движется маленькое существо, – писала она, – если что-то острое, говоришь себе, ножка или ручка, если круглое – головка».

Во второй раз забеременела в 1834 году. По этому поводу Пушкин пишет жене: «Отвечаю на твои запросы: Смирнова не бывает у Карамзиных, ей не встащить брюха на такую лестницу...», позже: «Смирнова на сносях. Брюхо ее ужасно; не знаю, как она разрешится...»

В дневнике же записывает: «Петербург полон вестями и толками об минувшем торжестве. Разговоры несносны. Слышишь везде одно и то же. Одна Смирнова по-прежнему мила и холодна к окружающей суете. Дай Бог ей счастливо родить, а страшно за нее».

Однако на этот раз все обошлось, хотя роды и сопровождалась, по свидетельству Александры, «ужасающим кровотечением». Она благополучно родила двух дочерей Александру и Ольгу и отправилась в Баден-Баден на воды поправлять здоровье. Там она пережила, по ее словам, «роман всей своей жизни» – влюбилась в генерал-губернатора Молдавии и Валахии Николая Киселева, бывшего сослуживца мужа. «Все долгие семь месяцев я его страстно любила, – пишет Александра. – Он меня боготворил. К моему несчастью, я открыла эту тайну лишь за три дня до его отъезда». Муж вечерами играл в рулетку, а она рассказывала Киселеву о своей жизни, о замужестве и отвращении к интимным отношениям с мужем, о радостях беременности и тяготах родов, о своих детях. В то время она снова была беременна и родила несколько месяцев спустя дочь Софью.

В 1837 году она похоронила трехлетнюю Александру, позже родила дочь Надежду и долгожданного сына Михаила.

В 1838 году, на время возвратившись в Петербург, Александра познакомилась с М.Ю. Лермонтовым. Литературоведы считают, что он описал свои впечатления в неоконченной повести «Лугин»: «...Она была среднего роста, стройна, медленна и ленива в своих движениях; черные, длинные, чудесные волосы оттеняли ее молодое и правильное, но бледное лицо, и на этом лице сияла печать мысли. Лугин... часто бывал у Минской. Ее красота, редкий ум, оригинальный взгляд на вещи должны были произвести впечатление на человека с умом и воображением...»

Позже в Риме Александра сдружилась с художником Александром Ивановичем Ивановым и с Николаем Васильевичем Гоголем. Много лет Смирнова с Гоголем вели переписку. Он посвятил ей свои статьи в сборнике «Выбранные места из переписки с друзьями»: «Женщина в свете», «О помощи бедным», «Что такое губернаторша» – к этому времени муж Александры стал калужским губернатором.

Умерла Александра Осиповна в 1882 году в Париже, согласно завещанию, похоронена в Москве.

Жизнь дворянки

Происхождение

Законы

Что первым приходит в голову, когда мы говорим о XIX веке. Какой образ? Золотое шитье мундиров и белые платья с кринолинами? Пары, плывущие в вальсе? Светский раут или вечер в тихой усадьбе? В любом случае эта картинка, скорее всего, будет связана с жизнью дворянства. Только редкий оригинал-правдолюб припомнит в первую очередь, например, стихи Некрасова:

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Меж тем дворянство составляло всего 1,5 % от населения России. Из них $\frac{2}{3}$ семейств являлись дворянами потомственными, а $\frac{1}{3}$ – пожалованными за личные заслуги или в соответствии с занимаемой должностью. Так, 14-й военный класс петровской «Табели о рангах» (фендрик, с 1730 г. – прапорщик) давал право на потомственное дворянство (в гражданской службе потомственное дворянство приобреталось чином 8-го класса – коллежский асессор, а чин коллежского регистратора (14-й класс) давал право на личное дворянство). Таким коллежским регистратором и личным дворянином были хвастунишка Хлестаков и станционный смотритель Самсон Вырин. А бедолага Макар Девушкин, герой романа Достоевского «Бедные люди», дослужился к 47 годам аж до 9-го ранга (титулярный советник), но выше ему никогда не подняться, потому что следующий, 8-й ранг давал право на потомственное дворянство. Титулярными советниками были и другие герои русской классики – Акакий Акакиевич Башмачкин, Мармеладов и Карамазов-старший. Последний, впрочем, был прирожденным потомственным дворянином и не гнался за чиновничьей карьерой.

По Манифесту 11 июня 1845 г. потомственное дворянство приобреталось с производством в штаб-офицерский чин (8-й класс). Александр II указом от 9 декабря 1856 года право получения потомственного дворянства ограничил получением чина полковника (6-й класс), а по гражданскому ведомству – получением чина 4-го класса (действительный статский советник).

Особ первых пяти классов следовало именовать с отчеством на -вич; лиц, занимавших должности с 6-го класса до 8-го включительно, предписывалось именовать полуотчеством (Иван Петров – т. е. сын Петра), всех же остальных – только по именам.

До 1860-х годов дворяне являлись неподатным сословием: они освобождались от подушной подати, от рекрутской службы и от телесных наказаний. За дворянами оставались привилегии при приеме на государственную службу, также их первыми продвигали по службе и назначали пенсии. Дворянство наряду с императорской фамилией и государством могло владеть землей. И только дворянство обладало следующими полезными личными правами: свободой от постоя войск в их домах; правом выезда за границу и, при получении разрешения правительства, правом поступления на службу союзных иностранных держав. Исключить из дворянского сословия можно было только за совершение таких тяжких пре-

ступлений, как государственная измена, лжесвидетельство, разбой, воровство или изготовление подложных документов; в число полезных входило также право подавать кассационные жалобы на смертный приговор или лишение дворянского состояния в Сенат и лично императору.

В число потомственных дворян входила прежде всего допетровская знать, старинные боярские роды, но также и большое число «выдвиженцев» петровского времени, получивших дворянство и земельные наделы за службу государству.

За время своего краткого правления Петр III успел принять весьма важный манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству».

Манифест, в частности, объявлял: «Все находящиеся в разных наших службах дворяне могут оную продолжать, сколь долго пожелают, и их состояние им позволит...»

~~~~~

Кто ж, будучи уволен из нашей службы, пожелает отъехать в другие европейские государства, таким давать нашей Иностранной коллегии надлежащие паспорта беспрепятственно с таковым обязательством, что когда нужда востребует, то б находящиеся дворяне вне государства нашего явились в свое отечество, когда только о том учинено будет надлежащее обнародование, то всякий в таком случае повинен со всевозможною скоростию волю нашу исполнить под штрафом секвестра его имения.

А как по сему нашему всемилостивейшему установлению никто уже из дворян российских неволею службу продолжать не будет, ниже к каким-либо земским делам от наших учрежденных правительств употребится, разве особливая надобность потребует, но то не инаково, как за подписанием нашей собственной руки именным указом поведено будет... то мы высочайше повелеваем отныне впредь всегда погодно с переменою быть при Сенате по 30, а при конторе оного по 20 человек, для чего герольдии ежегодно по пропорции живущих в губерниях, а не в службах находящихся дворян и наряд чинить, однако ж не назначивая никого поименно, но самим дворянам в губерниях и провинциях меж собой выборы чинить, объявляя только, кто выбран будет, в канцеляриях, дабы оные могли о том в герольдию рапортовать, а выбранным высылку учинить.

~~~~~

Хотя сим нашим всемилостивейшим узаконением все благородные российские дворяне, исключая однодворцов, навсегда вольностию пользоваться будут, то наше к ним отеческое попечение еще далее простирается, и о малолетних их детях, коих отныне повелеваем для единственного только сведения объявлять в 12 лет от рождения их в герольдии, губерниях, провинциях и городах, где кому выгоднее и способнее, причем от родителей или от сродников их, у кого оные в смотре, брать известия, чему они до двенадцатилетнего возраста обучены и где далее науки продолжать желают, внутри ли нашего государства, в учрежденных на иждивении нашем разных училищах, или в прочих европейских державах, или в домах своих через искусных и знающих учителей, буде недостаток имения родителям то сделать дозволит; однако ж чтоб никто не дерзал без обучения пристойных благородному дворянству наук детей своих воспитывать под тяжким нашим гневом; того для повелеваем всем тем дворянам, за коими не более 1000 душ крестьян, объявлять детей своих прямо в нашем Шляхетском кадетском корпусе, еще они всему тому, что к знанию благородного дворянства принадлежит, с наиприлежнейшим рачением обучаемы будут, а по изучении всякой по его достоинству с награждением чинов выпустится, и потом может всякий вступить и продолжать службу по вышепомянутому.

~~~~~

Но как мы сие наше всемилостивейшее учреждение всему благородному дворянству, на вечные времена фундаментальным и неперменным правилом узаконяем, то в заключение сего, мы нашим императорским словом, наиторжественнейшим образом утверждаем, навсе-

гда сие свято и ненарушимо содержать в постановленной силе и преимуществах и нижепоследующие по нас законные наши наследники в отмену сего в чем-либо поступить могут, ибо сохранение сего нашего узаконения будет им непоколебимым утверждением самодержавного всероссийского престола; напротиву ж того мы надеемся, что все благородное российское дворянство, чувствуя толикие наши к ним и потомкам их щедроты, по своей к нам всеподданической верности и усердию побуждены будут не удаляться, ниже укрываться от службы, но с ревностью и желанием в оную вступать, и честным и незазорным образом оную по крайней возможности продолжать, не меньше и детей своих с прилежностью и рачением обучать благопристойным наукам, ибо все те, кои никакой и нигде службы не имели, но только как сами в лености и праздности все время препровождать будут, так и детей своих в пользу отечества своего ни в какие полезные науки не употреблять, тех мы, яко суще нерадивых о добре общем, презирать и уничтожать всем нашим верноподданным и истинным сынам отечества повелеваем, и ниже ко двору нашему приезд или в публичных собраниях и торжествах терпимы будут».

Итак, впервые в истории России дворяне освобождались от обязательной 25-летней гражданской и военной службы, могли выходить в отставку и беспрепятственно выезжать за границу. Однако по требованию правительства обязаны были служить в вооруженных силах во время войн, для чего возвращаться в Россию приходилось под угрозой конфискации земель.

Основные положения указа Петра III подтверждались законодательным актом Екатерины II от 21 апреля 1785 года в известной «Жалованной грамоте дворянству». Эти законы позволили дворянам жить на доходы со своих земель и не заниматься государственной службой, если к тому не лежала душа. Кроме того, дворяне имели право, не вступая в купеческую гильдию, торговать сельскохозяйственной или промышленной продукцией, произведенной на собственной земле. До 1863 года дворяне-землевладельцы имели исключительное право заниматься винокурением. Если дворянин за совершение преступления бывал приговорен к смертной казни или лишению прав дворянского состояния, его наследственная собственность отходила к его законным наследникам, а не подвергалась конфискации государством. Екатерина II также впервые созвала Уездные дворянские собрания и повелела каждые три года избирать местных дворян для отправления судебных и полицейских функций в сельской местности. Официальными руководителями и представителями дворянства в его новой корпоративной роли стали уездные предводители дворянства (административная должность, учрежденная той же «Жалованной грамотой дворянству»).

Всю внутреннюю политическую историю России в XVIII-XIX веках можно рассматривать как историю компромиссов между императорской семьей и крупным дворянством. Император Павел I частично отменил привилегии дворянства, что и послужило одной из причин его убийства. Александр I, взойдя на престол, тут же вернул дворянам отнятые у них права. Николай I урезал право выезда за границу и восстановил обязательность службы государству для приписанных к Западным губерниям польских дворян, владевших менее чем сотней крепостных. Дав свободу крепостным, Александр II ликвидировал самую ценную из дворянских привилегий. Последовавшие за этим массовые продажи ставших без дарового труда убыточными имений и исход дворян в города многими воспринимались как «гибель России». Однако некоторые современные историки, проанализировав документы тех лет, приходят к выводу, что капитал, вырученный как от продажи, так и от залога земли, чаще всего вкладывался в торговлю и промышленность, где приносил куда большую прибыль, чем в сельском хозяйстве. Таким образом, те, кто был связан с землей лишь по праву рождения, предпочли распрощаться с «отеческими наделами» и попытать удачи на ином поприще. Многие дворяне воспользовались новыми возможностями и переехали в города, где обрели более родственную культурную среду и новое положение в общественной жизни. Оставше-

еся на земле меньшинство продолжало сокращаться по численности и по площади принадлежавших ему земель, но зато это меньшинство превращалось в группу преданных своему делу, ориентированных на рынок и на прибыль производителей.

Соответственно изменилась и судьба женщин-дворянок. Отрывок из записки графа Н.А. Протасова-Бахметьева, куратора Александровского лицея и главноуправляющего Собственной Его Императорского Величества канцелярией по учреждениям Императрицы Марии от 6 марта 1899 г., написанной в ответ на обращенные к Особому совещанию требования о выделении казенных средств на создание пансионов для учащихся дворянок, рассказывает об этих переменах: «...Да вряд ли педагогично и полезно было бы возлагать на школу поддержание сословной обособленности, когда последняя так слабо поставлена в самой жизни. Мы видим, что, с одной стороны, ряды нашего потомственного дворянства постоянно пополняются притоком новых сил из служилого сословия; с другой же стороны – потомственное дворянство путем браков постоянно смешивается то с купечеством, то с чиновничеством. Нам также думается, что и „своя усадьба, свой родной семейный очаг“ уже не представляет теперь такого неотъемлемого коэффициента дворянской семьи, как то было прежде. Ведь ныне, с отдалением от земли прикрепленного к ней труда, прежнее поместье – недвижимая родовая собственность – превратилось в капитал, который, по экономическому закону, обладает способностью весьма быстрого передвижения от одного владельца к другому. А потому нам кажется, что вряд ли следует дворянок готовить по преимуществу к усадьбе, которых у большинства дворян уже не существует».

* * *

Несмотря на то что судьба дворянки внешне представлялась завидной, главная проблема, стоявшая перед ней, была той же, что и для крепостной крестьянки: отсутствие личной свободы. Может быть, несвобода дворянки не очевидна на первый взгляд, но ее было легко обнаружить при взгляде более пристальном.

Сословное положение, социальный статус и образ жизни женщины в России XIX века зависели от происхождения ее отца и отчасти мужа. Буквально до самого конца XIX века женщина не могла сделать собственной карьеры, она получала положение в обществе лишь через рождение или замужество. В повести А. Куприна «Поединок», написанной в 1905 году, героиня не может переехать в столицу, пока ее муж – полковой офицер – не сдаст экзамен и не получит назначения в генеральный штаб. Эта невозможность самой повлиять на свою судьбу мучительна для умной, волевой и амбициозной женщины.

«Ромашов вздохнул и покосился на могучую шею Николаева, резко белевшую над воротником серой тужурки.

– Счастливцев Владимир Ефимыч, – сказал он. – Вот летом в Петербург поедет... в академию поступит.

– Ну, это еще надо посмотреть! – задорно, по адресу мужа, воскликнула Шурочка. – Два раза с позором возвращались в полк. Теперь уж в последний.

Николаев обернулся назад. Его воинственное и доброе лицо с пушистыми усами покраснело, а большие, темные, воловььи глаза сердито блеснули.

– Не болтай глупостей, Шурочка! Я сказал: выдержу – и выдержу. – Он крепко стукнул ребром ладони по столу. – Ты только сидишь и каркаешь. Я сказал!..

– Я сказал! – передразнила его жена и тоже, как и он, ударила маленькой смуглой ладонью по колену. – А ты вот лучше скажи-ка мне, каким условиям должен удовлетворять боевой порядок части? Вы знаете, – бойко и лукаво засмеялась она глазами Ромашову, – я ведь лучше его тактику знаю. Ну-ка, ты, Володя, офицер генерального штаба, – каким условиям?

– Глупости, Шурочка, отстань, – недовольно буркнул Николаев.

Но вдруг он вместе со стулом повернулся к жене, и в его широко раскрывшихся красивых и глуповатых глазах показалось растерянное недоумение, почти испуг.

– Постой, девочка, а ведь я и в самом деле не все помню. Боевой порядок? Боевой порядок должен быть так построен, чтобы он как можно меньше терял от огня, потом, чтобы было удобно командовать... Потом... постой...

– За постой деньги платят, – торжествующе перебила Шурочка.

И она заговорила скороговоркой, точно первая ученица, опустив веки и покачиваясь:

– Боевой порядок должен удовлетворять следующим условиям: поворотливости, подвижности, гибкости, удобству командования, приспособляемости к местности; он должен возможно меньше терпеть от огня, легко свертываться и развертываться и быстро переходить в походный порядок... Все!..

Она открыла глаза, с трудом перевела дух и, обратив смеющееся, подвижное лицо к Ромашову, спросила:

– Хорошо?

– Черт, какая память! – завистливо, но с восхищением произнес Николаев, углубляясь в свои тетрадки.

– Мы ведь все вместе, – пояснила Шурочка. – Я бы хоть сейчас выдержала экзамен. Самое главное, – она ударила по воздуху вязальным крючком, – самое главное – система. Наша система – это мое изобретение, моя гордость.

Ежедневно мы проходим кусок из математики, кусок из военных наук – вот артиллерия мне, правда, не дается: все какие-то противные формулы, особенно в баллистике, – потом кусочек из уставов. Затем через день оба языка и через день география с историей.

– А русский? – спросил Ромашов из вежливости.

– Русский? Это – пустое. Правописание по Гроту мы уже одолели. А сочинения ведь известно какие. Одни и те же каждый год. „Para расет, para bellum“ („Если хочешь мира, готовься к войне“ (лат.) – *Е. П.*). „Характеристика Онегина в связи с его эпохой“...

И вдруг, вся оживившись, отнимая из рук подпоручика нитку как бы для того, чтобы его ничто не развлекало, она страстно заговорила о том, что составляло весь интерес, всю главную суть ее теперешней жизни.

– Я не могу, не могу здесь оставаться, Ромочка! Поймите меня! Остаться здесь – это значит опуститься, стать полковой дамой, ходить на ваши дикие вечера, сплетничать, интриговать и злиться по поводу разных суточных и прогонных... каких-то грошей!.. бррр... устраивать поочередно с приятельницами эти пошлые „балки“, играть в винт... Вот, вы говорите, у нас уютно. Да посмотрите же, ради бога, на это мещанское благополучие! Эти филе и гипюрчики – я их сама связала, это платье, которое я сама переделывала, этот омерзительный мохнатенький ковер из кусочков... все это гадость, гадость! Поймите же, милый Ромочка, что мне нужно общество, большое, настоящее общество, свет, музыка, поклонение, тонкая лесть, умные собеседники. Вы знаете, Володя пороку не выдумает, но он честный, смелый, трудолюбивый человек. Пусть он только пройдет в генеральный штаб, и – клянусь – я ему сделаю блестящую карьеру. Я знаю языки, я сумею себя держать в каком угодно обществе, во мне есть – я не знаю, как это выразить, – есть такая гибкость души, что я всюду найдусь, ко всему сумею приспособиться... Наконец, Ромочка, поглядите на меня, поглядите внимательно. Неужели я уж так неинтересна как человек и некрасива как женщина, чтобы мне всю жизнь киснуть в этой трущобе, в этом гадком местечке, которого нет ни на одной географической карте!

И она, поспешно закрыв лицо платком, вдруг расплакалась злыми, самолюбивыми, гордыми слезами.

Муж, обеспокоенный, с недоумевающим и растерянным видом, тотчас же подбежал к ней. Но Шурочка уже успела справиться с собой и отняла платок от лица. Слез больше не было, хотя глаза ее еще сверкали злобным, страстным огоньком.

– Ничего, Володя, ничего, милый, – отстранила она его рукой».

На страницах книг

В начале века господствующими стилями в литературе были сентиментализм и романтизм, отдававшие предпочтение чувствам перед разумом. А поскольку область чувств считалась всецело принадлежащей женщинам, то героини произведений получают не меньше авторского и читательского внимания, чем герои. Героиня сентиментальной повести – юная девица, она начитанна, образованна, благочестива, сострадательна, невинна, добра и добродетельна. Ее дворянское происхождение не является обязательным, она может быть и крестьянкой, как Лиза, героиня знаменитой повести Карамзина «Бедная Лиза», Даша из повести Львова «Даша, деревенская девушка» или Таня из повести Измайлова «Прекрасная Татьяна, живущая у подножия Воробьевых гор». Как правило, судьба героини трагична: либо возлюбленный оказывается недостоин ее, либо их разлучает злая судьба.

Героиня романтической повести отличается или необыкновенной одаренностью, или (чаще) необычной, экзотической судьбой. Она уроженка лесов Карелии («Дева карельских лесов» Федора Глинки, «Эда» Баратынского), или чухонка (Эльса в повести «Саламандра» Владимира Одоевского), или родом с Кавказа (безымянная героиня «Кавказского пленника» Пушкина и его же Зарема из «Бахчисарайского фонтана»), татаркой («Утбала» Елены Ган) или черемиской («Серный ключ» Надежды Дуровой), или она россиянка, но воспитана отцом-гусаром, который научил ее скакать на лошади по-мужски и стрелять (Эротида в одноименной повести Александра Вельтмана), или она и вовсе создание неземное (Сильфида в одноименной повести Владимира Одоевского, панночка в «Майской ночи» Гоголя, Горпинка в «Русалке» Ореста Сомова), либо с ней все в порядке, зато ее бабушка – ведьма («Лафертовская маковница» Антония Погорельского).

Вот как описывает свою «деву карельских лесов» Федор Глинка:

Как ты мила, полукарелка,
Невинная, как простота!
Твое хозяйство: клест да белка!
Твоя молодая красота
Цветет и родилась в пустыне,
Далеко от отцовских стран!
Твой сарафан, карельский синий,
Как хорошо твой обвил стан!
И твой товарищ, лебедь белый, —
В воде, на суше спутник твой!
Ручной, и ласковый, и смелый
К тебе в колени головой
Доверчиво порой ложится,
И дремлет – полный тайных нег!
А клест – над головой кружится,
А белка – свой грызет орех,
Рисуясь на плече. – Как мило
Все, что твое! Но на руке
Кольцо златое не светило,

И в непроколоте ушке
Алмаз не искрится в сережке,
И на летучей, стройной ножке
Лесная обувь; за спиной —
Стрела... Кому она грозила?..
Ты, верно, ею не губила
Жильцов своей глуши лесной;
Ты, добрая! Ты знала жалость!
Тебя расстраивала малость:
Была игрушкою стрела!
Как жаль, что ты в поре расцвета
Должна дичать вдали от света;
А ты, о дева, так мила!..

А вот как выглядит Эротиды: «Дочь его, Эротиды, была чудная девушка. Несмотря на то что воспитание отцовское готовило ее в драгунскую службу, Бог весть где переняла она все женское, все милое, привлекательное. Несмотря на то что отец учил ее фрунтовому шагу, она шагала не в аршин; ножку ее нельзя было назвать ногой, потому что и на 14-м году, укладывая ее в башмачок, как в колыбельку, можно было припевать: „Баю-баюшки-баю, баю крошечку мою!“ Глаза Эротиды были чернее всего на свете, а ресницы подобны тем, которые Фирдевси (Фирдоуси. — *Е. П.*) сравнил с копьем героя Кива в башне Пешена; ее волосы, распущенные локонами до плеч, были самого лучшего каштанового цвета, любимого всеми веками, исключая то время, когда была мода на рыжих да красных. Стан ее был величествен, перехват тонок, грудь пышна, шея бела, румянец пылок.

И вся она была ангел, в котором еще нет зародыша разрушения, который еще не отравлен горем жизни, не заражен злыми привычками окружающих. Это была дитя-дева, не прикованная еще к земле ни страхом, ни надеждами.

Не рассыпайте же перед ней, люди, семя ласкательства, не маните на корм эту птицу небесную!.. не вынуждайте ее любить вас, не требуйте клятв на постоянство, не топите ее в своих желаниях!.. дайте налюбоваться на диво Божие, дайте помолиться на нее! Когда пахнет тление, прикоснется и до нее холодная рука времени, — тогда возьмите ее себе!»

В 20–30-е годы XIX века появляется новый жанр — светская повесть, представляющий собой, с одной стороны, шаг к реализму (реалистичность сюжетов, характеров, описаний или, по крайней мере, стремление к реалистичности), с другой стороны, она замыкала автора и читателя в кругу светской жизни, в кругу дворянского, часто столичного общества.

Героиня светской повести — это обычно замужняя женщина, часто выданная замуж родителями и несчастная в браке. Она снова красива, умна, образованна, добродетельна и, как правило, несчастна в светском обществе. Она скучает, ее угнетает пустое и бессмысленное «верчение на балах» и «разговоры в гостиной», она хочет жить более наполненной, интересной, полезной жизнью и находит для себя ответ в любви, как правило, трагичной. Часто светские повести писали женщины: Евдокия Ростопчина, Елена Ган, приходившаяся двоюродной сестрой Ростопчиной, Мария Жукова и другие.

Вот портрет одной из таких героинь в повести Елены Ган «Суд света»: «Я узнал в ней женщину с светлой, прекраснейшей душой, с высоким умом, обогащенным познаниями, с сердцем чистым, невинным, чувствительным, легко воспламеняющимся ко всему благородному, великому и добродетельному, словом, узнал одно из тех редко встречаемых существ, которые одним приближением разливают мир и счастье вокруг себя... О, сколько незабвенных часов провел я подле Зинаиды! Всегда и везде с нею, в гостиной у ее рабочего стола, в зале у фортепиано, в саду под навесом душистых деревьев... Сколько раз, обегая окрестности

замка, мы взбирались на горы, спускались в ущелья, и когда она останавливалась и забывалась, восхищаясь природой, я восхищался ею одной!.. В наших продолжительных разговорах Зинаида редко упоминала о своем муже и никогда не говорила о себе самой: я ничего не знал о ее детстве, родных, замужестве, о ее участии, но догадывался, что она не была счастлива. В ее взгляде на жизнь, во всех ее суждениях отзывалась постоянная глубокая скорбь, которая набрасывала темную тень на все окружающие предметы. В ее речах не было той горечи, которою так многие в припадке мизантропии обливают все и всех: она не бранила ни света, ни людей, смотрела со снисхождением на их слабости, иногда урывками была даже весела, любила посмеяться, но то были только случайные проблески природного веселого характера, подавленного и почти убитого тем, который создала ей вторично судьба и обстоятельства. В ее смехе порою слышалось что-то болезненное; и не раз, в то время как улыбались уста, глаза сохраняли свой обычный оттенок грусти...

Да! Я понял, что счастье не было уделом той, которая наиболее была достойна счастья; понял не из слов ее, не усмотрениями разума, а внутренним постижением, что светлая душа ее, истомленная борьбою с роком, пережатая в святом огне страданий, не могла довольствоваться тем грубым, пошлым состоянием, которое в свете условились называть счастьем. Нежная и глубоко впечатлительная, немного требовала она радости, чтобы проникнуться ею, но требовала радости чистой, высокой, как она сама. Вот чего ни свет, ни люди не могли доставить ей!..

От частых бесед с Зинаидой рассеивался туман, тяготевший дотоле над моим разумом; понятия мои прояснились под влиянием ее чистой, юной, теплой, сильной души; я прозревал, как слепорожденный, когда врач срывает плеву с очей его; постепенно разверзлся передо мной новый, нечаянный мир, — мир не вымыслов, не фантазий, а прекрасных истин, высоких страстей, мир изящества, поэзии, всего, что облагораживает и счастливит душу человека... С каким благоговением проникал я в его таинства! С какой гордостью восставал из угнетавшего меня ничтожества и, наконец, как пересозданный, взглянул я на мир божий...

Теперь в присутствии Зинаиды воскресли во мне убитые светом чувства, ожила энергия воли; мысль, так долго дремавшая под спудом убогой вседневности, проснулась, вскипела новой силой, но я не рвался уже в будущее, не томился страстным, беспокойным любопытством, которого цели мы сами не можем истолковать; при ней стихло во мне стремление к недостижимому, не было места тоске и порывам, я все нашел, все уразумел, отдыхал, упивался настоящим, настоящее наполняло всякую минуту существования, всякую частицу моего бытия неземными утехами».

* * *

Рядом с этими все еще во многом романтическими и идеальными героинями на страницах светских повестей начинают появляться и менее привлекательные женщины: глупенькие светские трещотки, безнравственные ханжи, коварные мстительницы. Такой предстает перед нами княжна Мими из повести Владимира Одоевского.

«Надобно вам сказать, что она никогда не была красавицею, но в юности была недурна собою. В это время она не имела никакого определенного характера. Вы знаете, какое чувство, какая мысль может развернуться тем воспитанием, которое получают женщины: канва, танцевальный учитель, немножко лукавства, *tenez vous droite* [держитесь прямо (франц.)] да два-три анекдота, рассказанные бабушкою как надежное руководство в сей и будущей жизни, — вот и все воспитание. Все зависело от обстоятельств, которые должны были встретить Мими при ее вступлении в свет: она могла сделаться и доброю женою, и доброю матерью семейства, и тем, чем теперь она сделалась. В это время у ней бывали и женихи; но никак дело не могло сладиться: первый ей самой не понравился, другой был не в чинах и не

понравился матери, третий было очень понравился и той и другой, уже сделано было и обручение, и день свадьбы был назначен, но накануне, к удивлению, узнали, что он им в близкой родне, все расстроилось, Мими занемогла с печали, чуть было не умерла, однако же оправилась. Затем женихи долго не являлись; прошло десять лет, потом и другие десять, Мими подурнела, постарела, но отказаться от мысли выйти замуж было ей ужасно. Как! отказаться от мысли, о которой твердила ей матушка в семейных совещаниях; о которой ей говорила бабушка на смертной постели? от мысли, которая была любимым предметом разговоров с подругами, с которою она просыпалась и засыпала? Это было ужасно! И княжна Мими продолжала выезжать в свет с беспрестанно новыми планами в голове и с отчаянием в сердце. Ее положение сделалось нестерпимо: все вокруг нее вышло или выходило замуж; маленькая вертушка, которая вчера искала ее покровительства, нынче уже сама говорила ей тоном покровительства, – и немудрено: она была замужем! у этой был муж в звездах и лентах! у другой муж играл в большую партию виста! Уважение от мужей переходило к женам; жены по мужьям имели голос и силу; лишь княжна Мими оставалась одна, без голоса, без поддержки. Часто на бале она не знала, куда пристать – к девушкам или к замужним, – немудрено: Мими была незамужем! Хозяйка встречала ее с холодною учтивостию, смотрела на нее как на лишнюю мебель и не знала, что сказать ей, потому что Мими не выходила замуж. И там и здесь поздравляли, но не ее, но все ту, которая выходила замуж! А тихий шепот, а неприметные улыбки, а явные или воображаемые насмешки, падающие на бедную девушку, которая не имела довольно искусства или имела слишком много благородства, чтобы не продать себя в замужество по расчетам! Бедная девушка! Каждый день ее самолюбие было оскорблено; с каждым днем рождалось новое уничижение; и – бедная девушка! – каждый день досада, злоба, зависть, мстительность мало-помалу портили ее сердце. Наконец мера переполнилась: Мими увидела, что если не замужеством, то другими средствами надобно поддержать себя в свете, дать себе какое-нибудь значение, занять какое-нибудь место; и коварство – то темное, робкое, медленное коварство, которое делает общество ненавистным и мало-помалу разрушает его основания, – это общественное коварство развилось в княжне Мими до полного совершенства. В ней явилась особого рода деятельность: все малые ее способности получили особое направление; даже невыгодное ее положение обратилось в ее пользу. Что делать! Надобно было поддержать себя! И вот княжна Мими, как девушка, стала втираться в общество девиц и молодых женщин; как зрелая девушка, сделалась любезным товарищем в глубоких рассуждениях старых почтенных дам. И ей было время! Проведши двадцать лет в тщетном ожидании жениха, она не думала о домашних заботах; занятая единственною мыслию, она усилила в себе врожденное отвращение к печатным литерам, к искусству, ко всему, что называется чувством в сей жизни, и вся обратилась в злобное, завистливое наблюдение за другими. Она стала знать и понимать все, что делается перед нею и за нею; сделалась верховным судьей женихов и невест; приучилась обсуждать каждое повышение местом или чином; завела своих покровителей и своих питомцев (*proteges*); начала оставаться там, где видела, что она мешает; начала прислушиваться, где говорили шепотом; наконец – начала говорить о всеобщем развращении нравов. Что делать! Надобно было поддержать себя в свете.

И она достигла своей цели: ее маленькое, но постоянное муравьиное прилежание к своему делу или, лучше сказать, к делам других придало ей действительную власть в гостиных; многие боялись ее и старались не ссориться с нею; одни неопытные девушки и юноши осмеливались смеяться над ее поблекшей красотой, над ее нахмуренными бровями, над ее горячими проповедями против нынешнего века и над неприятностью, обратившеюся ей в привычку, приезжать на бал и уезжать домой, не сделавши даже вальсового круга.

В другой своей сатирической повести «Сказка о том, как опасно девушкам толпой ходить по Невскому проспекту» Одоевский рисует сатирический портрет светской

барышни, у которой некий злой волшебник вынул сердце и вставил вместо него... «множество романов мадам Жанлис, Честерфильдовы письма, несколько заплесневелых сентенций, канву, итальянские рулады, дюжину новых контрадансов, несколько выкладок из английской нравственной арифметики и выгнали из всего этого какую-то бесцветную и бездушную жидкость. Потом чародей отворил окошко, повел рукою по воздуху Невского проспекта и захватил полную горсть городских сплетней, слухов и рассказов; наконец из ящика вытащил огромный пук бумаг и с дикою радостью показал его своим товарищам; то были обрезки от дипломатических писем и отрывки из письмовника, в коих содержались уверения в глубочайшем почтении и истинной преданности».

Впрочем, Одоевский судит не столько девушек, сколько дворянское воспитание, которое сделало их такими: «Вините, плачьте, проклиняйте развращенные нравы нашего общества. Что же делать, если для девушки в обществе единственная цель в жизни – выйти замуж! Если ей с колыбели слышатся эти слова – „Когда ты будешь замужем!“ Ее учат танцевать, рисовать, музыке, для того чтоб она могла выйти замуж: ее одевают, вывозят в свет, ее заставляют молиться Господу Богу, чтоб только скорее выйти замуж. Это предел и начало ее жизни. Это самая жизнь ее. Что же мудреного, если для нее всякая женщина делается личным врагом, а первым качеством в мужчине – удобоженимость. Плачьте и проклиняйте, – но не бедную девушку».

* * *

«Женский вопрос» продолжал волновать русское общество и в 40-е годы XIX века. Так, Белинский, делая очередной обзор русской словесности этого времени, предлагал: «Оставить... мусульманский взгляд на женщину и в справедливом смирении сознаться, что наши женщины едва ли не ценнее наших мужчин, хотя эти господа и превосходят их в учености. Кто первый... оценил поэзию Жуковского? – Женщины. Пока наши романтики подводили поэзию Пушкина под новую теорию... женщины наши уже заучили наизусть стихи Пушкина. Мнение, что женщина годна только рожать и нянчить детей, варить мужу щи и кашу или плясать и сплетничать, да почитать легонькие пустячки – это истинно киргиз-кайсацкое мнение (Белинский намекает, очевидно, на произведение Г. Державина „Ода к премудрой киргиз-кайсацкой царевне Фелице, писанная неким мурзой, издавна проживающим в Москве, а живущим по делам своим в Санкт-Петербурге“, которая была создана в 1782 году и в которой превозносятся добродетели Екатерины Второй, именуемой Державиным „киргиз-кайсацкой царевной“. – Е. П.). Женщина имеет равные права и равное участие с мужчиной в дарах высшей духовной жизни, и если она во всех отношениях стоит ниже его на лестнице нравственного развития, – этому причиной не ее натура, а злоупотребление грубой материальной силы мужчины, полуварварское, немного восточное устройство общества и сахарное, аркадское воспитание, которое дается женщине».

Но время идет, продолжает критик, и положение дел меняется: «...век идет, идеи движутся, и варварство начинает колебаться: женщина сознает свои права человеческие... Кому не известно имя гениальной Жорж Санд?»

По мере проникновения и укоренения в обществе революционных и демократических идей на страницах произведений появляются новые, эмансипированные женщины. Писатели-традиционалисты не жалеют черной краски, рисуя эгоистичных и безнравственных монстров, забывших свой «женский долг», бросивших мужа и семью ради эксцентричных приключений. Однако прогрессивно настроенные писатели рисуют более располагающих к себе женщин: душевных, смелых, жадных до знаний, желающих исцелить все страдания мира. Таковы Марианна в «Рудине» и Елена в «Накануне» Тургенева, Вера Баранцова в «Нигилистке» Софьи Ковалевской, Вера Павловна и Екатерина Васильевна в «Что делать?»

Чернышевского, может быть, описанные менее талантливо, но с искренним восхищением и симпатией.

В 1853 году поэт Василий Курочкин написал о будущих нигилистках:

Твой отец нажил честным трудом
Сотни тысяч и каменный дом;
Облачась в дорогой кашемир,
Твоя мать презирует весь мир;
Как же ты – это трудно понять —
Ни в отца уродилась, ни в мать?

Мать – охотница девок посечь,
А отец – подчиненных распечь;
Ты – со всеми на свете равна,
С молодежью блестящей скучна,
Не умеешь прельщать, занимать.
Ни в отца уродилась, ни в мать!

Из столицы отец ни ногой;
Мать в Париж уезжает весной;
А тебя от туманных небес
Манит в горы, да в степи, да в лес...
Целый день ты готова блуждать...
Ни в отца уродилась, ни в мать!

Мать готовит тебя богачу,
А отцу крупный чин по плечу —
Чтоб крестов было больше да лент;
А с тобою – какой-то студент...
Душу рада ему ты отдать...
Ни в отца уродилась, ни в мать!

Не сулит тебе брачный венец
Шумной жизни, какую отец
За любовь твоей матери дал.
Разобьется и твой идеал...
Эх! уж лучше, чтоб горя не знать,
Уродиться в отца или в мать!

Но каковы же были реальные, живые женщины-дворянки XIX века? Каковы были их впечатления детства, как влияло на них воспитание? Как их готовили к выполнению их обязанностей: и светских, и семейных? И приносило ли им счастье исполнение их желаний и надежд их родителей? Попытаемся найти ответ на эти вопросы.

Взросление девочки

Рождение

Обстоятельства, сопровождающие зачатие и рождение ребенка, пусть даже плода законного брака, часто оставались тайной для девушек-дворянок вплоть до их замужества. Но это происходило вовсе не потому, что родители не считали важным половое воспитание и просвещение своих дочерей. Наоборот, они были прямо заинтересованы в том, чтобы девушки сохраняли до замужества не только целомудрие, но и «репутацию», т. е. ловко избегали ситуаций, которые можно было бы истолковать как «романтические», а это при господствовавшем в XIX веке культе романтической любви было задачей явно не однозначной. Трудность состояла в том, что в светском обиходе просто отсутствовали слова, с помощью которых можно было вести такой разговор. В результате родителям приходилось прибегать к экивокам и обинякам, и девушкам просто трудно было понять, о чем идет речь. Об этом свидетельствует запись в дневнике Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой, сделанная в 1882 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.